

НОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЪСТНИКЪ

THE NEW HISTORICAL BULLETIN

№ 3(49)

2016

Москва 2016

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Журнал основан в 2000 г.

ОСНОВАТЕЛИ И ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ

Сергей Сергеевич Ипполитов
Сергей Владимирович Карпенко

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**А.Б. Безбородов, В.П. Булдаков, О.Г. Буховец, В. Голдман,
Н.Т. Ерегина, В.П. Зиновьев, Г.З. Иоффе, А.А. Киличенков,
Т.Ю. Красовицкая, А.В. Костров, А.В. Крушельницкий,
Н.Г. Кулинич, В.В. Минаев, А.М. Пашков, В.Н. Пискун,
В.А. Поляков, А.С. Сенин, А.А. Симонов, В.Л. Успенский,
О.В. Хлевнюк, Т.И. Хорхордина, В.Ж. Цветков, П.П. Шкаренков**

Ответственный секретарь **М.Ю. Черниченко**
Переводчик **О.Н. Судакова**
Обложка **А. Надточенко**

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
125267, Москва, Миусская пл., 6
Эл. почта: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

Подписной индекс по каталогу «Урал-Пресс»: ВН002537

© Новый исторический вѣстникъ, 2016
© Российский государственный гуманитарный университет, 2016

**RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES**

INSTITUTE FOR HISTORY AND ARCHIVES

The Journal is founded in 2000

FOUNDERS AND EDITORS-IN-CHIEF

Sergey S. Ippolitov
Sergey V. Karpenko

EDITORIAL BOARD

**A. Bezborodov, O. Bukhovets, V. Buldakov, N. Eregina, W. Goldman,
G. Ioffe, O. Khlevnyuk, T. Khorkhordina, A. Kilichenkov, A. Kostrov,
T. Krasovitskaya, A. Krushelnitsky, N. Kulinich, V. Minaev,
A. Pashkov, V. Piskun, V. Polyakov, A. Senin, P. Shkarenkov,
A. Simonov, V. Tsvetkov, V. Uspensky, V. Zinovev**

Executive Secretary **M. Chernichenko**
Translator **O. Sudakova**
Cover Designer **A. Nadtochenko**

Quarterly journal

Address:
6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125267
E-mail: nivestnik@yandex.ru
Web-site: www.nivestnik.ru

«Ural-Press» Catalogue Subscription Index: ВН002537

© by Novyy Istoricheskiy Vestnik, 2016
© by Russian State University for the Humanities, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Российская государственность

<i>Андреев А.Н.</i> Протестанты в составе российского высшего чиновничества при Петре I	8
<i>Лиджиева И.В.</i> Защита границ кочевий калмыков Главным попечителем калмыцкого народа В.А. Башкировым (1892 – 1895 годы).....	24
<i>Блохин В.Ф., Алфёрова И.В.</i> Преданье административной старины: «Белые пятна» на страницах российских газет (вторая половина XIX века – 1917 год).....	32
<i>Агапов В.Л.</i> Вице-губернатор Н.В. Мономахов и его борьба с «еврейским засильем»: Эпизод «газетных войн» против чиновников (1912 год).....	49
<i>Сенин А.С.</i> Развитие транспортной системы Новороссии и Крыма накануне и во время Первой мировой войны.....	61
<i>Гребенюк П.С.</i> Руководящие кадры Дальстроя (1938 – 1945 годы).....	78

Российская повседневность

<i>Ипполитов С.С.</i> «Записка клюшника о погребке», или Чем потчевали Александра Сергеевича Пушкина в Полотняном Заводе (1830 и 1834 годы).....	103
--	-----

Россия и мир

<i>Друзьяка А.В.</i> Русский нотариат в Харбине (1904 – 1930-е годы).....	114
<i>Попов А.А.</i> «Наш ответ» Европейскому объединению угля и стали: Попытки кооперации стран СЭВ в сфере добычи угля и железной руды (1950-е годы)	126

Европа в прошлом

<i>Кондратьев С.В.</i> Юнионизм в Шотландии первой половины XVI века и его основания в сочинениях антикваров.....	140
---	-----

События и судьбы

<i>Крылова В.К.</i> Колымский окружной исправник Владимир Гаврилович Карзин и его Якутская экспедиция через «водяной ад» (1889 год)	158
---	-----

История и литература

<i>Бабич И.Л.</i> Гайто Газданов и масонская ложа «Северная звезда» (1932 – 1971 годы).....	184
---	-----

У книжной полки

<i>Марченя П.П., Разин С.Ю.</i> Крестьянское сознание как фактор политической истории России: О сборниках научного проекта «Народ и власть».....	200
--	-----

<i>Новости наших партнеров</i>	216
--------------------------------------	-----

CONTENTS

Russian Statehood

<i>Andreev A.</i> Protestants in the Russian Top Bureaucracy under Peter I.....	8
<i>Lidzhieva I.</i> The Protection of the Kalmyks' Nomad Borders by V.A. Bashkirov, the Chief Administrator of the Kalmyk People (1892 – 1895).....	24
<i>Blokhin V., Alferova I.</i> An Account on Bygone Administration: “White Spots” on the Pages of Russian Newspapers (latter half of 19th century – 1917).....	32
<i>Agapov V.</i> Vice-Governor N.V. Monomakhov and his Fight against “Jewish Domination”: The Episode of “Newspaper Wars” against Bureaucrats (1912).....	49
<i>Senin A.</i> The Development of Transport System in Novorossia and Crimea on the eve and during the World War I.....	61
<i>Grebenyuk P.</i> Dalstroy Management Staff (1938 – 1945).....	78

Everyday Life in Russia

<i>Ippolitov S.</i> “A Food Keeper’s Note About A Cellar”, Or Dishes Served for Alexander Pushkin in Polotnyanny Zavod (1830 and 1834).....	103
---	-----

Russia and the World

<i>Druzyaka A.</i> Russian notarial services in Harbin (1904 – 1930s).....	114
<i>Popov A.</i> “Our Response” to the European Coal and Steel Community: Cooperation Efforts of the CMEA Countries in the Sphere of Coal and Iron Ore Mining (1950s).....	126

Europe in the Past

<i>Kondratiev S.</i> Unionism in Scotland in the First Half of the 16th Century and Its Grounds in Antiquaries’ Writings	140
--	-----

Landmarks in Human History

<i>Krylova V.</i> Kolyma District Police Officer Vladimir Karzin and his Yakut Expedition through the “Water Hell” (1889).....	158
--	-----

History and Literature

<i>Babich I.</i> Gaito Gazdanov and the “Northern Star” Masonic Lodge (1932 – 1971).....	184
--	-----

Book Reviews

<i>Marchenya P., Razin S.</i> Peasant Mentality as a Factor of Political History of Russia: About the Collections of Conference Papers within the Framework of the Research Project “People and Power”	200
Our Partners’ News	216

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Russian Statehood

А.Н. Андреев

ПРОТЕСТАНТЫ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ЧИНОВНИЧЕСТВА ПРИ ПЕТРЕ I

A. Andreev

Protestants in the Russian Top Bureaucracy under Peter I

История государственного управления в России XVIII в. вызывает интерес специалистов уже свыше двух столетий, однако тема эта настолько сложна и многоаспектна, что до сих пор не может быть признана досконально разработанной. Лучше всего исследованы процессы организации управления: им посвящены десятки книг как дореволюционных, так и современных ученых. В гораздо меньшем числе представлены публикации, посвященные составу чиновничества, хотя данное направление изысканий следует признать одним из самых перспективных и активно развивающихся в современной науке¹. Однако ни в одной из существующих ныне работ по истории российского государственного аппарата не ставился вопрос о конфессиональной принадлежности чиновников-иностранцев и тем более об их религиозной мотивации. Специалисты не упоминают о факте исповедания какой-либо веры даже такими известными российскими деятелями XVIII в., как А.И. Остерман, Б.-Х. Миних, В.И. де Геннин, К. Крюйс.

Вызвано это тем, что историки государства и государственно-го аппарата почти всегда сосредоточивались на внешней стороне деятельности иностранцев, демонстрируя преобладание интереса к политике над интересом к личности. Очевидно, что несмотря на хрестоматийную известность приведенных имен, о самих этих людях, как и вообще о служивших в России иностранцах, историки-«государственники» знают далеко не все. Еще недавно некоторые считали, что Остерман, взяв русское имя Андрей Иванович, соответственно, должен был перейти в православную веру². Но А.И. Остерман вплоть до своей сибирской ссылки оставался покровителем ряда петербургских лютеранских общин. Многие высокопоставленные чиновники из иностранцев были церковными старостами протестантов, а некоторые – крупными церковными деятелями. Посколь-

ку их биографии остаются малоисследованными, выявление фактов их религиозной жизни и церковной работы сопряжено с трудоемкими архивными поисками.

* * *

Известно, что выходцы из стран Западной и Центральной Европы в царствование Петра I нередко занимали ключевые посты в системе российского управления. Уже в конце XVII в. в состав правящей элиты России были включены иностранцы, хорошо знакомые царю по Немецкой слободе, – П. Гордон, Ф.Я. Лефорт, Я.В. Брюс, Р.В. Брюс, А.А. Вейде. Они являлись крупными военачальниками и не числились в составе гражданской администрации, однако в условиях слабого разграничения военного и гражданского управления напрямую участвовали в принятии важнейших политических решений. В частности, иноземцы входили в состав временных консультативных органов при особе царя, выступая в роли его «советников». Например, Франц Яковлевич Лефорт, уже будучи новгородским наместником, в 1696 г. был назначен «президентом царских его советов», на заседаниях которых обязательно присутствовал как глава (президент)³. Генерал Патрик (Петр Иванович) Гордон в течение ряда лет также оставался ближайшим советником царя, особенно в сфере военных реформ⁴. Все поименованные иноземцы, за исключением католика Гордона, были убежденными протестантами: братья Брюсы и Вейде – лютеранами, Лефорт – кальвинистом. Последний, выходец из знатной швейцарской фамилии, покровительствовал не только реформатам, но и лютеранам, пребывая патроном ново-лютеранской кирки (свв. ап. Петра и Павла) в Москве⁵. Лефорт, кроме того, приучал юного Петра I к веротерпимости, призывая даровать иностранцам свободу отправления богослужений и строительства публичных церквей⁶, что и было в дальнейшем реализовано в петровском законодательстве. Таким образом, уже с конца XVII в. можно вести речь не только о протестантском присутствии в составе политической элиты России, но и о прямом влиянии протестантов на политическое развитие страны.

В наступившем XVIII в. рамки использования управленческого опыта иноземцев заметно расширились. Согласно манифесту от 16 апреля 1702 г. «О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания», была учреждена Тайная коллегия военного совета – специальный орган управления иностранными военнослужащими. Чтобы обеспечить им автономию от русской судебной-административной машины, все должностные лица в данной коллегии (президент, советники, секретари и канцеляристы) должны были быть иностранцами⁷. Тайная коллегия стала первым опытом внедрения коллегиальных принципов в российскую административную систему.

Второй опыт был осуществлен в Москве в 1712 г. тоже при помощи иноземцев – был учрежден «коллегиум для торгового дела ис-

правления». В него, помимо москвичей, вошли купцы-лютеране из Нарвы и Дерпта – Дидмор, Бомгарт, Голштен и Тиберт, чей опыт высоко ценился, ибо, как сказано в указе «без прекословия есть, что их торги несравнительно лутче есть наших»⁸.

Тем не менее в самом начале XVIII в. иностранцы среди гражданских чиновников еще не составляли сколько-нибудь значительную группу: на «цивильную» службу их стали активно приглашать только с конца 1715 г.⁹ Без них не могло обойтись осуществление коллежской реформы, что следует из именного указа от 11 декабря 1717 г. «О штате коллегий», который предполагал обязательное наличие в каждом коллегиальном учреждении двух или трех иностранцев в должности советника или ассессора, секретаря и писца (шрейбера), или примерно 13–20 % иностранцев от числа всех классных чиновников. Указ предусматривал равные возможности для русских и иностранцев при назначении их на место вице-президента коллегии, но сохранял президентское кресло за русскими¹⁰. Уже в 1718 г. было решено увеличить число иностранцев в присутствии российских коллегий примерно до 50 %¹¹. Впрочем, данное решение так и не было применено на практике, и число иноземных специалистов в центральном аппарате всегда было меньшим.

Согласно указу от 15 декабря 1717 г. «О назначении в коллегиях президентов и вице-президентов», руководящий состав первых коллегий включил в себя следующих иностранцев: барона Магнуса Вильгельма фон Нирота (Magnus Wilhelm von Nieroth), назначенного вице-президентом Камер-коллегии; Германа фон Бреверна (Hermann von Brevern), ставшего вице-президентом Юстиц-коллегии; Адама Адамовича Вейде (Adam Weyde), занявшего место второго президента в Военной коллегии; вице-президента Адмиралтейской коллегии Корнелиуса Крюйса (Cornelius Cruys); вице-президента Коммерц-коллегии Шмидта (Schmidt) и президента Берг- и Мануфактур-коллегии Якова Вилимовича Брюса (Jacob Daniel Wilhelm Bruse)¹². Почти все они являлись лютеранами, что подтверждается данными церковных книг лютеранских приходов Москвы и С.-Петербурга, а также иными источниками. Невыясненным остается только вероисповедание вице-президента Шмидта, который мог быть католиком или даже православным немцем (последнее, однако, маловероятно). Саксонский уполномоченный И. Лефорт дал Шмидту такую характеристику: «Человек, отлично знающий торговлю и деньги и служивший по этой части в Баварии»¹³. Однако нам неизвестно, происходил ли он из Баварии или только служил там. В метриках петербургского костела среди прихожан в 1717 – 1731 гг. отмечен некий Антон Шмидт (Antonius Schmidt), но без указания должности, – возможно, это был вице-президент, хотя более вероятно, что в данном случае упоминается корабельный мастер при Адмиралтействе, его однофамилец¹⁴.

Другие поименованные в царском указе иностранцы определенно были рождены и воспитаны в лютеранстве, причем протестантская вера выступала стержнем их социальной и профессиональной

деятельности еще до начала карьеры в России. Все они так или иначе старались быть полезными единоверцам. Остзейский барон Нирот, как и всякий помещик в этом краю, осуществлял патронат над приходскими лютеранскими кирками; в собственном эстляндском имении Альп (Альбу) он основал Рыцарскую академию для сирот из обедневших дворянских семей и уделял большое внимание их нравственному развитию, поставив директором заведения авторитетного проповедника пастора Вреде¹⁵. Получивший шведское дворянство Герман Бреверн, выходец из богатого купеческого рода, появился на свет в семье рижского суперинтенданта и лютеранского богослова Иоганна Бреверна, причем до присоединения Риги к России состоял вице-президентом рижского гофгерихта¹⁶. Так как городские чиновники в Риге считали себя защитниками протестантизма и вели борьбу с католиками, не имевшими права занимать административные должности (ибо рижский магистрат, среди прочих полномочий, определял к должностям местных пасторов¹⁷), Бреверн стоял на защите интересов протестантских общин¹⁸. Расквартированная в Москве дивизия Вейде в 1719 г. фактически представляла собой лютеранское общество, о котором генерал пекся как о собственной семье. Брюс и Вейде были патронами кирки св. Михаила в Москве¹⁹. В дальнейшем, после передислокации в С.-Петербург, дивизия Вейде стала ядром немецкой лютеранской общины Литейного двора²⁰. Вклад Крюйса в становление протестантских общин России и С.-Петербурга вообще невозможно переоценить: вице-адмирал выстроил на своем дворе первую симультанную кирку (для лютеран и кальвинистов), выписывал из-за границы пасторов, помогал протестантам деньгами, ходатайствовал за них перед властями²¹. Таким образом, протестанты (именно лютеране) составляли не менее трети от общего числа руководителей петровских коллегий к началу 1718 г. (5 из 15 президентов и вице-президентов, поименованных в указе). Все они были верующими людьми, укорененными в протестантской традиции.

Специальное исследование, посвященное персональному составу петровской бюрократии, показало, что в 1720 г. в центральном аппарате Российского государства служили 77 иностранцев, предположительно исповедовавших западнохристианские учения²². Из них документально, в том числе с использованием сведений из церковных метрических книг, удалось подтвердить вероисповедную принадлежность 28 лиц (22 лютеран, 3 реформатов и 3 католиков). Еще у 34 служителей была установлена принадлежность к лютеранской традиции как наиболее вероятная, поскольку они были выходцами из традиционно протестантских стран с преобладающим лютеранским населением, имели патенты, гарантировавшие им свободное отправление их «христианской веры» в России, а также присягнули на верность царю с помощью лютеранского пастора²³.

Полученные результаты позволяют утверждать, что в 1720 г. доля протестантов в аппарате коллегий и коллежских контор С.-Петербурга и Москвы (среди чиновников и канцелярских служите-

лей без «обслуживающего персонала» – сторожей, палачей, солдат, мастеровых и прочих) составляла примерно 3,8 – 4,7 %. Процент относительно небольшой, однако если обратиться к составу высших должностных лиц (служителей центрального аппарата управления I – V классов Табели о рангах), то станет видно, что из 32-х чиновников этой категории 9 были лютеранами, то есть лютеране в данном сегменте составляли более 28 %. Это – уже упоминавшийся вице-президент Камер-коллегии М.В. фон Нирот, вице-президент Ревизион-коллегии Иоганн Фридрих фон Шмиден (Johann von Schmeden), вице-президент Юстиц-коллегии Г. фон Бреверн, вице-президент Адмиралтейской коллегии К. Крюйс, президент Берг- и Мануфактур-коллегии Я.В. Брюс, тайный советник той же коллегии Анания Христиан Потт фон Люберас (von Luberas), тайный советник Иностранной коллегии А.И. Остерман, тайный советник Военной коллегии Роман Вилимович (Роберт) Брюс и его сослуживец в том же ведомстве и в том же чине Вольмар Антон фон Шлиппенбах. Среди чиновников I – VIII классов Табели о рангах общей численностью 106 человек протестанты составляли не менее 20,8 %²⁴. Среди них, помимо уже отмеченных лиц, числятся советник Генрих фон Фик (Heinrich von Fick) и ассессор Христиан Бернгард Глюк из Камер-коллегии, ассессор Ревизион-коллегии Иоганн Бернгард Мюллер (Johann Berngardt Müller), советник Юстиц-коллегии Сигизмунд Адам Вольф (Siegesmund Adam Wolf), штатс-комиссар Карл Принценстерн (Принценштиерн), ассессор Коммерц-коллегии Иоганн Лефорт, ассессоры Берг-коллегии Генрих Шлаттер и Винцент Райзер (Рейзер, Reuser), военный советник Иван Гинтер (Иоганн Гюнтер). Наименьшей доля иностранцев (всего 1 %) была среди канцеляристов²⁵.

Все эти данные говорят о широком участии протестантов и вообще иностранцев в работе российских коллегий в начальный период их развития и опровергают точку зрения советских ученых о том, что иностранцы в коллегиях всегда были крайне малочисленной группой и находились на низших канцелярских должностях, которые не давали им возможности влиять на процессы управления²⁶. Приведенные цифры свидетельствуют об обратном, а именно о значительном представительстве протестантов в верхнем сегменте коллегиального аппарата и, наоборот, об их малочисленности среди канцеляристов в 1720 г.

О роли иностранцев в осуществлении административных реформ при Петре I написано много работ, причем в последние годы усилия ряда «немцев» в деле преобразования высшего и центрального звеньев управления в России получают все более высокую оценку историков²⁷. Действительно, некоторые из иностранцев являлись не только исполнителями, но и идейными вдохновителями административных преобразований – как, например, барон фон Люберас, по проекту которого были сформированы регламенты и штаты петровских коллегий²⁸, или Вилим Иванович де Геннин, разработавший инструкции для функционирования в России казенной

горной промышленности²⁹, или Г. фон Фик – создатель текста Генерального регламента Российского государства, с большим риском для себя вывезший из Швеции тысячи копий секретных документов о работе королевской администрации, на основании которых затем формировались российские коллегии и проводилась судебная реформа³⁰. Все они исповедовали лютеранство, и сведения об их религиозной жизни и церковных обязанностях показывают нам этих государственных мужей с новой стороны.

В подавляющем большинстве протестанты на российской службе были представлены лютеранами и лишь изредка реформатами. К последним, например, относились Иоганн Лефорт из Женевы³¹ и Генрих Шлаттер из Цюриха³². Как правило, протестанты придавали своей вере принципиальное значение, о чем можно судить на основании целого ряда свидетельств. Так, Р.В. Брюс, старший брат Я.В. Брюса, выступил одним из основателей лютеранской церкви св. Анны в С.-Петербурге: как комендант Санкт-Петербургской крепости он поддерживал расположенную на ее территории общину, в 1704 г. распорядился перенести крепостную кирку в Пушкарскую слободу, а затем вместе с братом много лет оставался ее патроном³³. Бывший шведский генерал Шлиппенбах, в 1715 г. перешедший на русскую службу, обладал большим религиозным рвением: он упомянут среди тех, кто отказался целовать крест при присяге на верность царю, считая этот обряд несогласным с протестантским мировоззрением³⁴. Вместе с ним, после указа 22 августа 1719 г., обязавшего всех иноземцев присягнуть русскому царю «навечно», и другие лютеране выступили против установленной процедуры присяги, поскольку считали целование креста и вообще поклонение ему не выражением любви ко Христу, а глумлением над Его Жертвой, ибо крест в их глазах выступал орудием казни Спасителя³⁵.

Этот малоизвестный эпизод из истории реформ в России ясно показывает, что в большинстве своем иностранные служители не были формально верующими, а стремились к организованному и осмысленному исповеданию своей веры. Они непременно участвовали в церковных обрядах, крестили и воспитывали в религиозных принципах своих детей, не упускали случая послушать проповедь пастора и посодествовать успехам своей церкви. Анания Люберас некоторое время был прихожанином лютеранской церкви св. Михаила в Москве³⁶. Генрих Фик неоднократно посещал проповеди и богослужения у герцога Карла-Фридриха Голштинского во время его пребывания в России (1721 – 1727 гг.) и весьма симпатизировал религиозному рвению герцога³⁷. Христиан Глюк, сын знаменитого пастора Эрнста Глюка, в течение многих лет возглавлял московскую школу-гимназию, основанную его отцом, где, кроме того, преподавал философию, древние языки и лютеранское богословие³⁸. В дальнейшем он числился в составе лютеранской общины Адмиралтейской стороны С.-Петербурга (будущей св. Петра)³⁹. Многие упомянутые чиновники были членами церковных советов, старостами и попечителями лютеранских кирок С.-Петербурга: Фик и Вольф – в

Петрикирхе и общине св. Екатерины; Мюллер, Райзер и Гинтер – в Анненкирхе⁴⁰; будучи весьма уважаемыми людьми, они участвовали в крестильных обрядах в качестве восприемников в храмах обеих столиц⁴¹.

Признание активной религиозной позиции чиновников-иностранцев неизбежно ставит вопрос о влиянии протестантских идей на исполнение ими служебных обязанностей. Что, собственно, значит быть протестантом на государственной службе? Обратимся к авторитетным для протестантов мнениям двух столпов Реформации – М. Лютера и Ж. Кальвина. В сочинении «О светской власти» Лютер настаивал на необходимости честной, нелицемерной службы государству (в его терминологии – «внешнему миру»), так как настоящий христианин не различает «внешнего» и «внутреннего» служения; служебным рвением он действует на пользу ближнего, ибо светская власть «нужна другим, чтобы защитить их и преградить дорогу злу»⁴². В другом своем сочинении («О свободе христианина») Лютер учил, что Богу угодно не бегство от мира, а активное мироустройство, проникнутое верой, предваряющей дела⁴³. В связи с этим любой труд, и государственная служба в том числе, должен восприниматься как религиозное и нравственное понятие – только истовой службой, причем независимо от рода деятельности, протестант оправдывает свое призвание (Beruf)⁴⁴.

Лютеране на службе России, находившиеся часто во враждебном инославном окружении, среди людей с чуждыми интересами и стремлениями, в государстве, выступающем врагом или соперником по отношению к их родным странам, должны были руководствоваться словами своего учителя, будто бы специально обращенными к ним: «При случае, – писал Лютер, – поступаешь ты на совершенно чуждую для тебя службу, которая идет на пользу не тебе, твоему благополучию или чести, а только на пользу ближним, то есть другим. Но ты не должен придерживаться мнения, что тебе следует мстить или воздавать злом за зло, ибо ты служишь для блага ближних, для защиты и сохранения мира среди людей. А для себя самого у тебя есть Евангелие...»⁴⁵.

Не менее конкретно эту мысль в назидание «истинным христианам» выразил Ж. Кальвин: человек, по его мнению, должен всеми силами направлять жизнь к цели своего призвания, и тогда все встанет на свои места, и «чиновники станут усерднее трудиться согласно своим обязанностям»⁴⁶.

Попробуем предположить, что протестанты на русской службе руководствовались данным императивом, – тогда их деятельность необходимо рассматривать в контексте ценностных установок, которые они не должны были игнорировать.

Применительно к XVIII в. обвинения «немцев» в воровстве, грабеже и нанесении ущерба интересам России давно стали хрестоматийными. Вспомним аннинскую «галерею немцев»: разворывавших страну «злодеев» – генерал-директора дворцовых волостей барона Г. фон Розена и генерал-берг-директора К. фон Шем-

берга, а также далеко небезупречных в нравственном отношении А.И. Остермана, Б.-Х. Миниха и других. Тем не менее исключительно негативная оценка морального облика иностранцев вообще должна быть признана односторонней.

Стараясь избежать другой крайности, а именно идеализации протестантов, обратим внимание на то, что многие из них были людьми достойными и даже добродетельными. Петр I со своим прагматизмом доверял им, потому что высоко ценил их честность. Он доверял Фику, Бреверну, Брюсам, как когда-то П. Гордону и Ф. Лефорту.

Советник Фик, ставший в конце 1726 г. вице-президентом Коммерц-коллегии, за свою долгую чиновничью карьеру так и не смог смириться с привычкой русских коллег воровать и «лиходействовать». Сосланный при Анне Иоанновне в Сибирь за участие в составлении проектов по ограничению абсолютизма, Фик и там безуспешно пытался вразумить одного провинциального «ясадного комиссара», который «хватал все, что мог» и не терпел проповедей на тему честности и подлости⁴⁷.

Современники отмечали неподкупность и благородство Г. фон Бреверна, сумевшего воспитать эти качества в своих детях. Семейство Бревернов на протяжении нескольких поколений обладало исключительно доброй репутацией. Об этом писал известный мемуарист и публицист П.В. Долгоруков, весьма падкий на разные скандалы и двусмысленные биографические факты, не брезговавший и слухами, распространяемыми в аристократических кругах в XVIII – XIX вв.⁴⁸

Несмотря на то, что Я.В. Брюс в 1714 г. похитил казенные деньги, общее мнение об этом человеке позволяло расценивать этот эпизод скорее как досадное недоразумение, нежели как доказательство возведенного в систему порока. Тот же Долгоруков так характеризовал Брюса: «Он постоянно заботился о своем личном достоинстве, всегда неизменном и не скомпрометированном среди оживленной жизни этого полудикого двора, наполненного интригами и изобилующего низкими поступками»; он обладал значительным состоянием, но значительно меньшим, «чем могло бы быть, если бы уважаемый фельдмаршал, в течение многих лет занимавший столь прибыльные посты, не славился в отличие от большинства коллег и современников самой неукоснительной честностью и отменной порядочностью»⁴⁹. Так же оценивали и его брата Роберта: «Они с братом были в числе тех немногих иностранцев, кто служил России с истинною верностью и усердием, не рассматривая нашу страну единственно как дойную корову»⁵⁰.

Похожие отзывы находим о Х. Глюке («честный, учтивый»), К. Принценстерне («абсолютно честный и опытный администратор») и других протестантах⁵¹. Служивцы К. Крюйса вспоминали, что это был «в высшей степени правдивый и честный человек, великодушный, справедливый и обаятельный в делах»⁵². «Беспокойный за дело и бережливый», но с крутым нравом, решительный и имеющий чувство достоинства, норвежец Крюйс педантично и последо-

вательно превращал Россию в военно-морскую державу⁵³.

Не столь однозначную оценку получил И. Гинтер – «человек достойный, честный, порядочный по природе», но очень заносчивый и мстительный по отношению к врагам⁵⁴. Впрочем, теми же качествами историки наделяют и А.И. Остермана, противоречивая личность которого до сих пор ждет своего вдумчивого исследователя.

Таким образом, наиболее заметными для современников качествами протестантов, служивших при Петре I, стали индивидуализм их мышления, чувство собственного достоинства, честность, неукоснительное выполнение служебного долга, работоспособность и стремление к порядку. То есть все то, что так ценил царь-реформатор и что легко укладывается в русло протестантской этики, основывающейся на представлении, будто одаренный верой человек не может «порочно и безнравственно использовать обстоятельства для достижения собственной выгоды, а не во славу Богу»⁵⁵.

Принимая во внимание высокий процент протестантов среди крупных администраторов в период формирования российских коллегий, можно предположить, что протестантская этика сыграла свою роль (обозначим ее как ферментирующую) в процессе модернизации России. По крайней мере, для многих верующих иностранцев она выступала не меньшим стимулом к беспорочной службе, нежели строгость или щедрость русского царя.

Тем не менее доля протестантов в российском госаппарате не была постоянной. Уже в 1722 г. число иностранных служителей в коллегиях сильно сократилось, что было связано с попытками царя адаптировать коллежскую систему к русским условиям и сделать ее более эффективной⁵⁶. Современник писал, что смотр иностранных гражданских чиновников в С.-Петербурге в начале 1722 г. выявил их сокращение примерно до 20 человек⁵⁷. На основании перечня должностных лиц, составленного в 1724 – 1726 гг. русским ученым и государственным деятелем И.К. Кирилловым, с привлечением сведений из мемуарных источников, дипломатических документов и документов ряда коллегий⁵⁸, среди ответственных чиновников I – VIII классов в конце царствования Петра I удалось насчитать 23 иностранца. Это члены Верховного тайного совета герцог К.-Ф. Голштинский и вице-канцлер А.И. Остерман; герольдмейстер Франциск Санти (католик) и сенатский секретарь Вильгельм Шульц (лютеранин); служители военной коллегии генерал Петр Ласси (католик), кригсрат Карл Гохмут (лютеранин) и генерал-аудитор Центаров (лютеранин); члены адмиралтейской коллегии в чине вице-адмирала Томас Гордон (католик), Матия Змаевич (католик) и Даниил Вилстер (лютеранин), шаутбенахт лорд Дюффус, директор Адмиралтейской конторы Мартин Гослер (лютеранин) и управляющий Конторой морской артиллерии Андрей Брунц. В Камер-коллегии служили: вице-президент К. Принценстерн, советник Г. Фик и обер-комиссар Рентереи И.Б. Мюллер; в Коммерц-коллегии – советники И.П. Бакон (католик), Я. Гювит и Гордон, а также обер-комиссар Дитрих Виллерс. Список иностранцев дополняют советник Ману-

фактур-коллегии Андрей Кассис, вице-президент Юстиц-коллегии С.А. Вольф и президент Медицинской канцелярии Иоганн Блюментрост (лютеранин). Всего в 1724 – 1726 гг. в центральном аппарате управления служили 160 чиновников I – VIII классов (78 первых пяти классов и 82 – с VI по VIII включительно)⁵⁹. В этой группе иностранцы составляли 14,4 % (23 человека); протестанты – не менее 8,1 % (13 человек), но не более 10,6 %, если к ним отнести лиц с невыясненной религиозной принадлежностью. В сегменте чиновников первых пяти классов насчитывалось всего 8 лютеран (10,3 %). Очевидно, что несмотря на убыль протестантов в списочном составе служителей, они продолжали входить в ядро российского чиновничества.

* * *

Итак, петровские преобразования создавали благоприятные условия для усиления европейского влияния в области политики и культуры, намечали пути внедрения западных идей в сферу российских административных отношений. Передача западного опыта управления осуществлялась иностранцами специалистами преимущественно протестантского (лютеранского) вероисповедания, служба которых уже с конца XVII в. непосредственно отражалась на политическом развитии страны. Максимальная концентрация протестантов в российском центральном аппарате управления была достигнута на начальном этапе проведения коллежской реформы (в 1718 – 1720 гг.).

Как правило, чиновники протестантского вероисповедания в России проявляли активную религиозную позицию и заинтересованность в организации богослужений, часто выступали организаторами кирок и покровителями лютеранских общин. Многие из них в своей работе руководствовались нормами протестантской этики, что, в свою очередь, позволяет усматривать в религиозности протестантов один из значимых факторов российской модернизации. Добросовестно осуществляя свою профессиональную деятельность, иностранцы направляли, корректировали и ускоряли преобразовательные процессы. Их религиозная мотивация к труду в условиях XVIII в. давала российскому обществу возможность использовать западный опыт управления не только в его внешних формах, но и во внутреннем содержании. Насколько эта возможность оказалась реализованной – тема отдельного большого исследования.

Примечания

¹ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII в.: Эволюция бюрократической системы. М., 2007; Серов Д.О. Администрация Петра I. М., 2007.

² Вагнер И.Ф. Остерман – немец при дворе российских императоров: Картина жизни и поиски следов // Немец у российского трона: Граф Ан-

дрей Иванович Остерман и его время. М., 2000. С. 19.

³ Голиков И.И. Историческое изображение жизни и всех дел славного женевца Франца Яковлевича (Франциска Иякова) Лефорта (...) и сослужебника его, подобно же посвятившего себя службе Отечеству нашего, знаменитого шотландца войск его же величества генерала аншефа Патрика Гордона, известного у нас под именем Петра Ивановича Гордона. М., 1800. С. 110, 114.

⁴ Федосов Д.Г. Летопись русского шотландца // Гордон П. Дневник: 1635 – 1659. М., 2000. С. 231.

⁵ Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы // Немцы в России: Люди и судьбы. СПб., 1998. С. 13, 14.

⁶ Голиков И.И. Историческое изображение жизни и всех дел славного женевца Франца Яковлевича (Франциска Иякова) Лефорта.... М., 1800. С. 59.

⁷ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е (ПСЗРИ-1). Т. IV. № 1910.

⁸ Козлова Н.В. Коммерц-коллегия в 20-х – 50-х годах XVIII в. // Государственные учреждения России XVI – XVIII вв. М., 1991. С. 138.

⁹ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 179.

¹⁰ ПСЗРИ-1. Т. V. № 3129.

¹¹ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 179, 180.

¹² ПСЗРИ-1. Т. V. № 3133.

¹³ Козлова Н.В. Коммерц-коллегия в 20-х–50-х годах XVIII в. // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. М., 1991. С. 141.

¹⁴ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 347. Оп. 1. Д. 31. Л. 7–9, 35об.

¹⁵ Гаврилов С.Л. Остзейские немцы в Санкт-Петербурге: Российская империя между Шлезвигом и Гольштейном, 1710 – 1918. М., 2011. С. 68.

¹⁶ Долгоруков П. Записки князя Петра Долгорукова. СПб., 2007. С. 480; Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. 3. СПб., 1856. С. 85; Зурабян Н.М. Лютеранская церковь Санкт-Петербургской крепости и ее прихожане в царствование Петра I // Немцы в государственности России. СПб., 2004. С. 30.

¹⁷ Вашкевич В. Исторический обзор законодательства об устройстве Евангелическо-лютеранской церкви в Прибалтийском крае. СПб., 1890. С. 32.

¹⁸ Büsching A.F. Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinen im Russischen Reich. Vol. 1. Altona, 1766. P. 88.

¹⁹ Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 2099. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2; Оп. 2. Д. 1. Л. 27об., 77об.

²⁰ Алакиин А.Э. Протестантские общины в Петербурге в XVIII в. Челябинск, 2006. С. 102.

²¹ Алакиин А.Э. Протестантские общины в Петербурге в XVIII в. Челябинск, 2006. С. 91, 92, 141–144, 148, 182, 183.

²² Andreev A.N. Number of Protestants in the Russian Administrative Apparatus under Peter the Great // Littera Scripta: Vysoká škola technická a ekonomická v Českých Budějovicích. 2016. Vol. 9. No. 1. P. 10–21.

²³ Andreev A.N. Number of Protestants in the Russian Administrative Apparatus under Peter the Great // Littera Scripta: Vysoká škola technická a ekonomická v Českých Budějovicích. 2016. Vol. 9. No. 1. P. 16.

²⁴ Andreev A.N. Number of Protestants in the Russian Administrative Apparatus under Peter the Great // Littera Scripta: Vysoká škola technická a ekonomická v Českých Budějovicích. 2016. Vol. 9. No. 1. P. 17.

²⁵ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 188.

²⁶ Медушевский А.Н. Развитие государственного аппарата управления России в первой четверти XVIII века // История СССР. 1983. № 6. С. 140.

²⁷ Алексеева Е.В. Использование европейского опыта управления государством при Петре I // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 18–20; Прокопенко Я.И. «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI – XVIII вв.). СПб., 2013. С. 323–337.

²⁸ Берендтс Э.Н. Барон А.Х. фон Люберас и его записка об устройстве коллегий в России. СПб., 1891. С. 8–20.

²⁹ Серов Д.О. Администрация Петра I. М., 2007. С. 35.

³⁰ Прокопенко Я.И. «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI – XVIII вв.). СПб., 2013. С. 327.

³¹ Kämmerer J. Rußland und die Hugenotten im 18. Jahrhundert (1689 – 1789) // Schriften zur Geistesgeschichte des östlichen Europa. Vol. 13. Wiesbaden, 1978. P. 36.

³² Известие о фамилии господ Шлаттеров, много споспешествовавших поправлению горных и монетных дел в России. СПб., 1800. С. 2; Бальзер А. Известие о фамилии гг. Шлаттеров, много споспешествовавших усовершенствованию горных и монетных дел в России // Горный журнал. 1844. Ч. 1. Кн. 2. С. 280–282.

³³ Büsching A.F. Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinen im Russischen Reich. Vol. 1. Altona, 1766. P. 310; Grot J.Ch. Bemerkungen über die Religionsfreiheit der Ausländer im Russischen Reich in Rücksicht auf ihre verschiedenen Gemeinden; ihre kirchlichen Einrichtungen, ihre Gebräuche und ihre Rechte. Vol. 1. SPb.; Leipzig, 1797. P. 77; Алакиин А.Э. Протестантские общины в Петербурге в XVIII в. Челябинск, 2006. С. 103, 104.

³⁴ ЦГА Москвы. Ф. 2099. Оп. 2. Д. 1. Л. 9; Поленов Д.В. О присяге иноземцев, принятых в русскую службу при Петре Великом (Составлено по подлинным документам, хранящимся в Архиве министерства юстиции) // Русский архив. 1869. № 11. Стб. 1735.

³⁵ Поленов Д.В. О присяге иноземцев, принятых в русскую службу при Петре Великом (Составлено по подлинным документам, хранящимся в Архиве министерства юстиции) // Русский архив. 1869. № 11. Стб. 1733–1735.

³⁶ ЦГА Москвы. Ф. 2099. Оп. 2. Д. 1. Л. 148.

³⁷ Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 452; Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера // Юность державы. М., 2000. С. 89.

³⁸ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 150. Оп. 1 (1703 г.). Д. 1. Л. 8, 11об.

- ³⁹ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.
- ⁴⁰ *Büsching A.F.* Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinen im Russischen Reich. Vol. 1. Altona, 1766. P. 229, 312–314; *Grot J.Ch.* Bemerkungen über die Religionsfreiheit der Ausländer im Russischen Reich in Rücksicht auf ihre verschiedenen Gemeinden; ihre kirchlichen Einrichtungen, ihre Gebräuche und ihre Rechte. Vol. 1. Spb.; Leipzig, 1797. P. 96; *Алакишин А.Э.* Протестантские общины в Петербурге в XVIII в. Челябинск, 2006. С. 104, 109, 122.
- ⁴¹ ЦГА Москвы. Ф. 2099. Оп. 2. Д. 1. Л. 158; РГАДА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 112. Л. 1, 10б.
- ⁴² *Лютер М.* Избранные произведения. СПб., 1994. С. 137, 139.
- ⁴³ Там же. С. 37–44.
- ⁴⁴ *Алакишин А.Э.* Протестантские общины в Петербурге в XVIII в. Челябинск, 2006. С. 330.
- ⁴⁵ *Лютер М.* Избранные произведения. СПб., 1994. С. 140.
- ⁴⁶ *Кальвин Ж.* Наставление в христианской вере. Т. 2. Кн. 3. М., 1998. С. 184.
- ⁴⁷ *Курукин И.В.* Бирон. М., 2006. С. 265.
- ⁴⁸ *Долгоруков П.* Записки князя Петра Долгорукова. СПб., 2007. С. 480.
- ⁴⁹ Там же. С. 234.
- ⁵⁰ Там же. С. 235.
- ⁵¹ Там же. С. 267, 370.
- ⁵² *Левеништерн Г.* Корнелий Крюйс на службе в России // Адмирал Корнелиус Крюйс. СПб., 1995. С. 17.
- ⁵³ *Мазур Т.П.* Личность адмирала К. Крюйса (Нильса Ольсена) // Адмирал Корнелиус Крюйс. СПб., 1995. С. 22, 23.
- ⁵⁴ *Долгоруков П.* Записки князя Петра Долгорукова. СПб., 2007. С. 301.
- ⁵⁵ *Лютер М.* Избранные произведения. СПб., 1994. С. 35.
- ⁵⁶ *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 190.
- ⁵⁷ *Басевич Г.-Ф.* Записки, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого // Юность державы. М., 2000. С. 398.
- ⁵⁸ *Кириллов И.К.* Цветущее состояние всероссийского государства. М., 1977. С. 36–45, 111–114, 167, 168; *Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера // Юность державы. М., 2000. С. 186, 191; Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии // Сборник Русского исторического общества. Т. 5. СПб., 1870. С. 425, 445; Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии // Сборник Русского исторического общества. Т. 6. СПб., 1871. С. 485; Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии // Сборник Русского исторического общества. Т. 15. СПб., 1875. С. 355; Реформы Петра I: Сборник документов. М., 1937. С. 47–48.
- ⁵⁹ *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 194.

Автор, аннотация, ключевые слова

Андреев Александр Николаевич – докт. ист. наук, профессор Южно-Уральского государственного университета (Челябинск)
alxand@yandex.ru

В статье в качестве самостоятельной категории чиновников рассматриваются иностранные служащие протестантского вероисповедания в России эпохи Петра Великого. На основании прежде всего документов церковных архивов протестантских общин Москвы и С.-Петербурга выявляется религиозная позиция чиновников-протестантов и специфика их церковной работы. Кроме того, устанавливается взаимозависимость между их конфессиональной жизнью и служебной деятельностью. Делается вывод о том, что чиновники-протестанты, входившие в руководящее ядро российского чиновничества при Петре I, как правило, проявляли большую религиозную активность и заинтересованность в организации богослужений, часто выступали устроителями киров и покровителями лютеранских общин. Многие из них на службе руководствовались нормами протестантской этики, что позволяет считать протестантскую религиозность одним из значимых факторов российской модернизации.

Петр I, российская государственность, реформа государственного устройства, государственная служба, чиновничество, иностранцы в России, протестанты, лютеране, протестантская религиозность

References (Articles from Scientific Journals)

1. Alekseeva E.V. Ispolzovanie evropeyskogo opyta upravleniya gosudarstvom pri Petre I. *Voprosy istorii*, 2006, no. 2, pp. 18–20.
2. Andreev A.N. Number of Protestants in the Russian Administrative Apparatus under Peter the Great. *Littera Scripta: Vysoká Škola technická a ekonomická v Českých Budějovicích*, 2016, vol. 9, no. 1, pp. 10–21.
3. Andreev A.N. Number of Protestants in the Russian Administrative Apparatus under Peter the Great. *Littera Scripta: Vysoká Škola technická a ekonomická v Českých Budějovicích*, 2016, vol. 9, no. 1, p. 16.
4. Andreev A.N. Number of Protestants in the Russian Administrative Apparatus under Peter the Great. *Littera Scripta: Vysoká Škola technická a ekonomická v Českých Budějovicích*, 2016, vol. 9, no. 1, p. 17.
5. Medushevskiy A.N. Razvitie gosudarstvennogo apparata upravleniya Rossii v pervoy chetverti XVIII veka. *Istoriya SSSR*, 1983, no. 6, p. 140.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

6. Vagner I.F. Osterman – nemets pri dvore rossiyskikh imperatorov. *Kartina zhizni i poiski sledov. Nemets u rossiyskogo trona: Graf Andrey Ivanovich Osterman i ego vremya* [German near the Russian Throne: Count Andrei Ivanovich Osterman and his Time]. Moscow, 2000, p. 19.
7. Fedosov D.G. Letopis russkogo shotlandtsa. *Gordon P. Dnevnik: 1635 – 1659* [Gordon P. Diary: 1635 – 1659]. Moscow, 2000, p. 231.
8. Kämmerer J. Rußland und die Hugenotten im 18. Jahrhundert (1689 – 1789). *Schriften zur Geistesgeschichte des östlichen Europa*. Wiesbaden, 1978, vol. 13, p. 36.
9. Kovrigina V.A. Nemetskaya sloboda Moskvyy. *Nemtsy v Rossii: Lyudi i sudby* [The Germans in Russia: Persons and their Destinies]. St. Petersburg, 1998, pp. 13, 14.

10. Kozlova N.V. Kommerts-kollegiya v 20-kh – 50-kh godakh XVIII v. *Gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii XVI – XVIII vv.* [State Institutions of Russia in 16th – 18th centuries]. Moscow, 1991, p. 138.
11. Kozlova N.V. Kommerts-kollegiya v 20-kh – 50-kh godakh XVIII v. *Gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii XVI – XVIII vv.* [State Institutions of Russia in 16th – 18th centuries]. Moscow, 1991, p. 141.
12. Levenshtern G. Korneliy Kryuys na sluzhbe v Rossii. *Admiral Kornelius Kryuys* [Admiral Kornelius Cruys]. St. Petersburg, 1995, p. 17.
13. Mazur T.P. Lichnost admirala K. Kryuysa (Nilsa Olsena). *Admiral Kornelius Kryuys* [Admiral Kornelius Cruys]. St. Petersburg, 1995, pp. 22, 23.
14. Prokopenko Ya.I. “Politicheskiy inzhener” Genrikh fon Fik i fenomen reform Petra I. *Fenomen reform na zapade i vostokey Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI – XVIII vv.)* [The Phenomenon of the Reforms in the West and East of Europe in Early Modern Time (16th – 18th centuries)]. St. Petersburg, 2013, pp. 323–337.
15. Prokopenko Ya.I. “Politicheskiy inzhener” Genrikh fon Fik i fenomen reform Petra I. *Fenomen reform na zapade i vostokey Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI – XVIII vv.)* [The Phenomenon of the Reforms in the West and East of Europe in Early Modern Time (16th – 18th centuries)]. St. Petersburg, 2013, p. 327.
16. Zurabyan N.M. Lyuteranskaya tserkov Sankt-Peterburgskoy kreposti i ee prikhozhane v tsarstvovanie Petra I. *Nemtsy v gosudarstvennosti Rossii* [The Germans in the Russian Statehood]. St. Petersburg, 2004, p. 30.

(Monographs)

17. Alakshin A.E. Protestantskie obshchiny v Peterburge v XVIII v. [Protestant Communities in St. Petersburg in 18th century.]. Chelyabinsk, 2006, pp. 91, 92, 141–144, 148, 182, 183.
18. Alakshin A.E. Protestantskie obshchiny v Peterburge v XVIII v. [Protestant Communities in St. Petersburg in 18th century.]. Chelyabinsk, 2006, p. 102.
19. Alakshin A.E. Protestantskie obshchiny v Peterburge v XVIII v. [Protestant Communities in St. Petersburg in 18th century.]. Chelyabinsk, 2006, pp. 103, 104.
20. Alakshin A.E. Protestantskie obshchiny v Peterburge v XVIII v. [Protestant Communities in St. Petersburg in 18th century.]. Chelyabinsk, 2006, pp. 104, 109, 122.
21. Alakshin A.E. Protestantskie obshchiny v Peterburge v XVIII v. [Protestant Communities in St. Petersburg in 18th century.]. Chelyabinsk, 2006, p. 330.
22. Gavrilov S.L. Ostzeyskie nemtsy v Sankt-Peterburge: Rossiyskaya imperiya mezhdru Shlezvigom i Golshteynom, 1710 – 1918 [Baltic Germans in St. Petersburg: The Russian Empire between Schleswig and Holstein, 1710 – 1918]. Moscow, 2011, p. 68.
23. Kurukin I.V. Biron [Biron]. Moscow, 2006, p. 265.
24. Pisarkova L.F. Gosudarstvennoe upravlenie Rossii s kontsa XVII do kontsa XVIII v.: Evolyutsiya byurokraticheskoy sistemy [State Administration of Russia from the late 17th to the late 18th century: Evolution of the Bureaucratic System]. Moscow, 2007, 743 p.
25. Pisarkova L.F. Gosudarstvennoe upravlenie Rossii s kontsa XVII do kontsa XVIII v.: Evolyutsiya byurokraticheskoy sistemy [State Administration

of Russia from the late 17th to the late 18th century: Evolution of the Bureaucratic System]. Moscow, 2007, p. 179.

26. Pisarkova L.F. Gosudarstvennoe upravlenie Rossii s kontsa XVII do kontsa XVIII v.: Evolyutsiya byurokraticheskoy sistemy [State Administration of Russia from the late 17th to the late 18th century: Evolution of the Bureaucratic System]. Moscow, 2007, pp. 179, 180.

27. Pisarkova L.F. Gosudarstvennoe upravlenie Rossii s kontsa XVII do kontsa XVIII v.: Evolyutsiya byurokraticheskoy sistemy [State Administration of Russia from the late 17th to the late 18th century: Evolution of the Bureaucratic System]. Moscow, 2007, p. 188.

28. Pisarkova L.F. Gosudarstvennoe upravlenie Rossii s kontsa XVII do kontsa XVIII v.: Evolyutsiya byurokraticheskoy sistemy [State Administration of Russia from the late 17th to the late 18th century: Evolution of the Bureaucratic System]. Moscow, 2007, p. 190.

29. Pisarkova L.F. Gosudarstvennoe upravlenie Rossii s kontsa XVII do kontsa XVIII v.: Evolyutsiya byurokraticheskoy sistemy [State Administration of Russia from the late 17th to the late 18th century: Evolution of the Bureaucratic System]. Moscow, 2007, p. 194.

30. Serov D.O. Administratsiya Petra I [The Administration of Peter the First]. Moscow, 2007, 288 p.

31. Serov D.O. Administratsiya Petra I [The Administration of Peter the First]. Moscow, 2007, p. 35.

Author, Abstract, Key words

Alexander N. Andreev – Doctor of History, Professor, South Ural State University (Chelyabinsk, Russia)
alxand@yandex.ru

The article treats separately foreign civil workers of Protestant faith in Russia during the reign of Peter I. The Protestant bureaucrats' religious stance and specific activities are largely highlighted on the basis of documents from the Church archives of Protestant communities in Moscow and St. Petersburg. The interrelation between their confessional and professional activities is stated. It is concluded that Protestant bureaucrats on top of Peter I's Russian bureaucracy normally were enthusiastic religious activists encouraging religious services and the arrangements of Lutheran churches (kirchen) as well as protecting Lutheran communities. In their careers most of them followed the norms of Protestant ethics, which allows to treat Protestant religiosity as a significant factor of Russian modernization.

Peter I, Russian statehood, reform of state apparatus, government service, bureaucracy, foreigners in Russia, Protestants, Lutherans, Protestant religiosity

И.В. Лиджиева

**ЗАЩИТА ГРАНИЦ КОЧЕВИЙ КАЛМЫКОВ
ГЛАВНЫМ ПОПЕЧИТЕЛЕМ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА
В.А. БАШКИРОВЫМ
(1892 – 1895 годы)**

I. Lidzhieva

**The Protection of the Kalmyks' Nomad Borders by V.A. Bashkirov,
the Chief Administrator of the Kalmyk People
(1892 – 1895)**

Преамбула утвержденного Николаем I «Положения об управлении Калмыцким народом», опубликованного 28 декабря 1835 г., гласит: «... Мы Повелели: собрав на месте точнейшие о всех их нуждах сведения, предначертать сообразный с оными и с состоянием их понятий и нравов, новый порядок управления»¹. В соответствии с данным документом, для управления Калмыцкой степью взамен введенного «Правилами для управления Калмыцкого народа» от 10 марта 1825 г. института приставства был введен институт попечительства, состоящий в ведомстве Министерства внутренних дел. Попечительство над калмыками было поручено управляющему Астраханской палатой государственных имуществ, которому присваивалось звание Главного Попечителя калмыцкого народа. Это совмещение было связано с тем, что кочевья калмыков в Астраханской губернии и Кавказской области относились к казенным землям, надзор за которыми осуществляла Астраханская палата государственных имуществ. В связи с этим, согласно положению 1847 г., Калмыцкая степь была передана в ведомство I департамента Министерства государственных имуществ.

Целью данной статьи является рассмотрение вопроса о границах кочевий калмыков в период деятельности управляющего Государственными имуществами Астраханской губернии и Главного попечителя калмыцкого народа В.А. Башкирова (1892 – 1895 гг.), назначенного 17 февраля 1892 г. приказом по Министерству государственных имуществ². Отдельные аспекты проблемы разграничения границ уже рассматривались ранее в статье «Большедербетовский улус: государственное управление и общественное самоуправление в контексте административно-территориальных преобразований во второй половине XIX в.»³.

Вениамин Александрович Башкиров родился 6 марта 1841 г. в семье потомственного дворянина Александра Ивановича Башкирова. В 1863 г. окончил 2-й Московский кадетский корпус, а в 1867 г. физико-математический Санкт-Петербургского университета. До 1860 г. он служил в артиллерии. Перейдя на гражданскую службу, он служил гласным Московской городской думы, мировым судьей Алексинской округа Тульской области⁴, а далее – заведующим Мо-

сковским телеграфным агентством. С 1892 г. его жизнь и деятельность были связаны с Астраханской губернией и Калмыцкой степью.

Находясь в Астрахани, 5 мая 1892 г. В.А. Башкиров получил предложение от архиепископа Астраханского и Енотаевского Павла принять на себя звание товарища председателя Астраханского епархиального комитета Православного миссионерского общества: «... При своем высоком служебном положении и всестороннем знании условий и нужд населения Калмыцкой степи Астраханской губернии можете оказать желаемое содействие»⁵ (в тексте сохранена орфография и пунктуация источника, как и в последующих цитатах из архивных документов). Содержание ответного письма В.А. Башкирова во многом характеризует его как ответственного руководителя: «Глубоко сознавая всю важность и серьезность предстоящей мне деятельности я решаю приступить к ней лишь в твердом уповании на то, что Ваше Преосвященство не оставит меня Вашим мудрым руководством к законному и благоуспешному выполнению мною возложенных на меня обязанностей»⁶.

Результаты его деятельности были оценены уже в марте 1893 г. в письме директора Департамента общих дел Министерства государственных имуществ: «Прочитав с большим интересом настоящую записку не могу не выразить моей искренней благодарности Его Высочородию статскому советнику Башкирову за все сделанные им распоряжения и принятые с полным тактом, благоразумием меры к водворению порядка в Управлении калмыцким народом»⁷.

20 сентября 1892 г. в Управление калмыцким народом поступил рапорт за № 434 от заведующего калмыками по реке Манычу по поводу землепользования на острове Хошун, лежащего в долине Маныча. Как указано в документе, по свидетельству старожилов-калмыков Додженкинова рода, они пользовались половиной острова до 1882 г., но когда в 1880 г. в Ставропольской губернии разразилась эпидемия чумы, в связи с чем на границе с Астраханской губернией был введен карантин и проезд на быках был запрещен. Данное обстоятельство усложнило поставку лесных материалов, «и не имея возможности вследствие запрещения выполнить условия стали лесной материал подвозимый чумаками Астраханской губернии сваливать на границу и наняв фуршиков Ставропольской губернии доставляли до места назначения, так образовался склад лесных материалов». В этих условиях крестьянин села Дивное Новогригорьевского уезда Федор Малыш от лица сельского общества обратился с ходатайством в Ставропольское губернское правление о пересмотре границ их наделов. На основании данного документа в 1885 г. землемером Ставропольского губернского правления Булашевичем были проведены межевые работы. В результате чего им к наделу была прирезана часть земли, принадлежащая калмыкам, и установлены межевые знаки. Тем самым было нарушено право землепользования населения южной части Малодербетовского улуса Астраханской губернии, и более того – была нарушена административная граница между гу-

берниями.

Несмотря на решение территориального вопроса между двумя субъектами Российской империи, проблема их разграничения оставалась актуальной и во второй половине XIX в. С этого момента и на протяжении пяти лет, В.А. Башкиров в различных инстанциях пытался решить вопрос о восстановлении закрепленных на законодательном уровне, границ между Ставропольской и Астраханской губерниями, о чем свидетельствуют документы, сохранившиеся в фондах Национального архива Республики Калмыкия.

В этом случае необходимым является обращение к истории вопроса.

В начале XIX в. преобладающая часть калмыцкого народа кочевала по берегам Волги, и этот район получил название Калмыцкой степи. Территория кочевий калмыцкого народа была закреплена высочайше утвержденным 19 мая 1806 г. Положением «назначении земель калмыкам и другим кочующим народам в Губерниях Астраханской и Кавказской»⁸. Согласно пункта 1 главы 1 «О местах и границах, назначенных для кочевья калмыков весною, летом и осенью» данного положения «для общего кочевья калмыцкого народа передается нагорная степь от реки Волги и по прилегаемой при сем ограничивающая с одной стороны дачами помещичьими, казачьими и казенных поселений, с другой Каспийским морем и рекою Кумою до селения Володимировки и оттуда даже до реки Маныча, а от оной рубежем земель войска Донского до пределов владения селений Чапурников, Цацы, в Самарской губернии лежащих». Далее в пункте 7 указывается, что «сверх пространства земли, в § 1 всем калмыкам вообще назначенного дозволяется Дербетовскому улусу по многочисленности его иметь кочевье и за Манычем по реке Калаусу до большого Егорлыка», а это — земли, входившие в состав Ставропольской губернии. При этом пункт 8 гласит: «Поелику земли, по Егорлыку лежащие признаются способными для поселения крестьян: то выделя из них для сего удобные участки, назначить между ними прогоны для водопоя, и сими прогонами предоставить пользоваться калмыкам»⁹. Кроме того, право кочевать «по следам» весной и летом на землях отведенных калмыкам получили юртовские татары (ногайцы) и туркмены. В осенний и зимний периоды туркмены должны были откочевывать за реку Куму, которая согласно пункту 25 главы IV «Об отношениях калмык по землям с другими кочующими народами» Положения являлась административной границей между калмыками и другими кочующими народами магометанского исповедания¹⁰.

Пункт 14 Положения содержал четкие указания: «...Все пространство земли, им отводимое, положить на план одними окружающими чертами (на что предполагаемую Астраханским Гражданским губернатором сумму 10 000 рублей отпустить из казны)... и в предупреждении споров поставить межевые знаки»¹¹. Но несмотря на проявленную законодателем озабоченность, на протяжении всего XIX в. остро стоял вопрос о разграничении территории между кал-

мыками Большедербетовского улуса и ногайцами, а также не прекращались взаимные претензии калмыков и туркменов. Так, 6 мая 1832 г. владелец Большедербетовского улуса Очир Хапчуков направил записку Астраханскому военному губернатору генерал-майору Василию Гавриловичу Пяткину, в которой отмечает, что «По именному Его Императорского Величества повелению пожалованным и утвержденным моему улусу землям первоначальное размежевание последовало в 1815 г. и без всяких каких-либо споров окончено в 1829 г. по представлению на утверждение Правительствующего Сената выдал мне каковые земли от прочих отделены были нам особенно, из числа сих земель Кавказская комиссия самовольно отрезала две части и наделила оными состоящих в Ставропольском ведомстве Джистанова, Джембулукова рода ногайцев, которые водворяясь на упомянутые земли причиняют нам стеснение и не взирая на выставляемые караульные пикеты производят воровства и грабежи»¹².

24 октября 1832 г. Общее управление Кавказской области уведомило Главного пристава калмыцкого народа о том, что «жалоба калмыцкого владельца Очира Хапчукова передана на рассмотрение г. Министра внутренних дел», но «ответа еще не последовало»¹³. Как отмечал С.В. Фарфоровский, «астраханское начальство вследствие отдаленности этой степи, а также по причине столкновений со ставропольским управлением было бессильно решить распри калмыков с магометанами»¹⁴.

Таким образом, анализ вышеуказанного Положения позволяет сделать вывод о том, что на законодательном уровне была определена территория кочевий калмыков, между тем данный нормативно-правовой акт не наделил последних монопольным правом ее пользования, что, несомненно, должно было привести к спорным ситуациям.

В соответствии с высочайше утвержденным «Положением об управлении калмыцким народом» от 28 декабря 1835 г., Калмыцкая степь в административно-территориальном отношении была разделена на семь улусов: Багацохуровский, Эркетеновский, Хошоутовский, Малодербетовский, Большедербетовский, Яндыковский и Харахусовский. Большедербетовский улус, находившихся в составе Астраханской губернии. Отдельная часть Малодербетовского улуса в территориальном отношении входила в Ставропольскую губернию, а в административном отношении подчинялась Астраханскому губернскому начальству. Указанная коллизия стала предметом столкновения двух губернских руководств и породила необходимость проведения административно-территориальной реформы, что было отмечено в преамбуле именного указа от 15 марта 1860 г. «О порядке заведывания кочующими в Ставропольской губернии калмыками, и о новой пограничной черте между Ставропольской и Астраханской губерниями»¹⁵. Преамбула гласит: «Государь Император, согласно представлению Наместника Кавказского и Министра государственных имуществ, признавая необходимым, для прекращения споров и недоразумений возникающих между Астраханским и Ставрополь-

ским губернскими начальствами по заведыванию калмыками и магометанскими народами, кочующими на землях как Астраханской, так и Ставропольской губерний, повелевает: ...2. Калмыцкую степь в Ставропольской губернии с кочующими на оной калмыками Большедербетовского улуса и отдельной части Малодербетовского улуса с их управлениями подчинить Главному Приставу магометанских народов кочующих в Ставропольской губернии, и затем ему Главному Приставу именоваться Главным Приставом кочующих народов в Ставропольской губернии». Таким образом, калмыцкие земли Ставропольской губернии были изъяты из ведения астраханских властей и переданы под управление ставропольских. В их юрисдикцию отошли 872 377 дес. 1 900 саж. земли Большедербетовского улуса, 1 102 797 млн. дес. 450 саж. отдельной части Малодербетовского улуса и участок земли между р. Гайдуком и р. Кумою в количестве 266 666 дес. 1 600 саж. – всего 2 241 841 млн. дес. 1 550 саж. калмыцкой земли¹⁶.

В поисках решения данной проблемы В.А. Башкиров обратился к Астраханскому губернскому руководству, от которого последовал ответ, что «на планах генерального межевания (1837 г.) хранящихся в Губернском межевом архиве, границей Ставропольской губернии показана река Маныч, на коей острова Хошун не показано», и Управление калмыцкого народа «о восстановлении нарушенных прав может обратиться в надлежащее судебное учреждение»¹⁷.

В связи с этим Башкиров в письме от 12 октября 1892 г. за № 5924 поручил чиновнику особых поручений А.А. Кломинскому возбудить ходатайство в Астраханской соединенной палате Уголовного и Гражданского суда о восстановлении границы между Астраханской и Ставропольской губерниями согласно генерального плана размежевания земель, об уничтожении межевых признаков и о взыскании с крестьян села Дивное убытков за недобросовестное пользование землей, составляющих казенную собственность. Кроме того, он привел сведения о том, что Управление калмыцким народом в письменной форме 12 ноября 1885 г. за № 4787 направило протест в Ставропольское губернское правление¹⁸.

30 ноября 1885 г. определением губернского правления действия Булашевича были признаны неправильными, о чем было объявлено на состоявшемся 22 декабря 1885 г. сходе крестьян. Но, несмотря на признание действий губернского землемера Булашевича незаконными, крестьяне продолжали пользоваться половиной острова, входящего в состав Калмыцкой степи Астраханской губернии, объясняя наличием разграничения в виде межевых столбов. И только 15 июня 1893 г. такое ходатайство было направлено в судебную инстанцию¹⁹.

Последовавший отказ судебных органов отражен в прошении В.А. Башкирова в Правительствующий Сенат от 5 апреля 1894 г.: «Дело идет не о границах между частными владениями, а о Высочайше утвержденной границе между губерниями, не подлежащей изменению и восстановлению которой не входит в компетенцию суда»²⁰.

Таким образом, проблема восстановления как нарушенных прав калмыков Малодербетовского улуса Астраханской губернии на землю, так и «разногубернской» (то есть между соседними губерниями) границы на региональном уровне не была разрешена. Добросовестное отношение Башкирова к должностным обязанностям и большой бюрократический опыт не позволили ему оставить данный вопрос нерешенным и дали возможность защитить административную границу калмыцких кочевий. В своем прошении в Правительствующий Сенат В.А. Башкиров подробно описал последовательность событий, связанных с нарушением «разногубернской» границы на острове Хошун. Астраханское губернское правление, чьи интересы были нарушены, не проявляло активности в решении данного вопроса и, как отметил Башкиров, обоснование губернскими учреждениями своего решения «отсутствием острова Хошун на плане генерального межевания 1837 г. свидетельствует о незнании существования Высочайше утвержденной в 1860 г. границы между губерниями Астраханской и Ставропольской». «Неопределенность натуральной губернской границы», по мнению В.А. Башкирова, «доколе эта неопределенность не будет устранена, будет всегда давать повод не только к нарушению интересов владельческих, но и также и к нарушению местного административно-полицейского порядка, а потому должно интересоваться губернские власти. ... в целях общего государственного порядка»²¹.

Представляя свое прошение в Сенат, Главный попечитель калмыцкого народа В.А. Башкиров просил «указать надлежащий путь к разрешению» своего ходатайства. Только в 1897 г., через три года, последовал ответ Департамента государственных имуществ, который содержал копию Указа Правительствующего Сената от 10 марта 1897 г. за № 353 о восстановлении границы между Астраханской и Ставропольской губерниями через остров Хошун. Но к этому времени, с 1895 г., В.А. Башкиров в чине генерала уже был назначен правительственным комиссаром на Кавказских минеральных водах с правом директора Управления курортов Кавказских минеральных вод.

В постановляющей части указа было предписано: «Ставропольскому и Астраханскому Губернским Правлениям, в исполнение упомянутого Высочайшего указа от 13 марта 1860 г. и в порядке сим указом установленном, определить на местности острова Хошун и обсохшей долины реки Маныча с наложением межевых знаков, направление губернской границы, отделяющей Ставропольскую губернию от Астраханской»²².

Таким образом, одним из направлений деятельности и одной из заслуг В.А. Башкирова на посту Главного попечителя калмыцкого народа было сохранение территориальной целостности Калмыцкой степи, входившей в состав Астраханской губернии. Последовательность и обоснованность его действий, четкая аргументация, изложенная в исходящей документации по проблеме нарушенных земельных прав калмыцкого народа, позволили добиться их вос-

становления и, соответственно, границы между Ставропольской и Астраханской губерниями.

Деятельность В.А. Башкирова как Главного попечителя калмыцкого народа была отмечена директором Департамента общих дел Министерства государственных имуществ в письме от 27 марта 1893 г.: «Не могу не выразить моей искренней благодарности Его Высочородию Статскому Советнику Башкирову за все сделанные им распоряжения и принятые с полным тактом благоразумием меры к водворению порядка в Управлении Калмыцким Народом»²³.

Дальнейшая его служба проходила на Кавказских минеральных водах, где с весны 1896 г. он занимал должность Правительственного комиссара Кавказских Минеральных Вод. Им был утвержден общий план ванного здания в Ессентуках (так называемые Николаевские ванны), водопровода и электрического освещения курорта. 19 февраля 1900 г. В.А. Башкиров умер и был похоронен на пятигорском кладбище.

Примечания

¹ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 2-е (ПСЗРИ-2). Т. X. № 7560а.

² Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. И-9. Оп. 11. Д. 119. Л. 4.

³ Лиджиева И.В. Большедербетовский улус: Государственное управление и общественное самоуправление в контексте административно-территориальных преобразований во второй половине XIX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 3. С. 14–20.

⁴ Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 90. Оп. 42. Д. 35270. Л. 28, 102.

⁵ НА РК. Ф. И-9. Оп. 11. Д. 119. Л. 3

⁶ Там же. Л. 4

⁷ Там же. Л. 6.

⁸ ПСЗРИ-2. Т. XXIX. № 22135.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² НА РК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 125. Л. 2.

¹³ Там же. Л. 13

¹⁴ Фарфоровский С.В. Народное образование среди калмыков Большого Дербета в связи с их бытом и историей. Ставрополь, 1912. С. 20.

¹⁵ ПСЗРИ-2. Т. XXXV. № 35556/1860.

¹⁶ НА РК. Ф. И-15. Оп. 2. Д. 206. Л. 50б.

¹⁷ НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 85. Л. 80

¹⁸ Там же. Л. 65.

¹⁹ Там же. Л. 77.

²⁰ Там же. Л. 81.

²¹ НА РК. Ф. И-9. Оп. 11. Д. 119. Л. 81

²² Там же. Л. 91.

²³ Там же. Л. 6.

Автор, аннотация, ключевые слова

Лиджиева Ирина Владимировна – канд. ист. наук, заместитель директора по научной работе Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской Академии Наук (Элиста)
irina-lg@yandex.ru

В статье на основе документов Национального архива Республики Калмыкия рассматривается случай нарушения и защиты административных границ кочевий калмыков в конце XIX в. Обстоятельно проанализированы конкретный случай нарушения административной границы кочевий калмыков, а также бюрократический механизм защиты административных границ Калмыцкой степи, которая входила в состав Астраханской губернии и граничила со Ставропольской губернией. Особое внимание уделяется деятельности Главного попечителя калмыцкого народа В.А. Башкирова, который состоял в этой должности с 1892 по 1895 гг. Одним из направлений его деятельности было сохранение территориальной целостности Калмыцкой степи. Его качества администратора, его добросовестное отношение к должностным обязанностям и большой бюрократический опыт, позволили ему защитить административную границу калмыцких кочевий.

Калмыкия, Калмыцкая степь, калмыки, Астраханская губерния, Ставропольская губерния, административная граница, бюрократический аппарат, В.А. Башкиров

References (Articles from Scientific Journals)

1. Lidzhieva I.V. Bolshederbetovskiy ulus: Gosudarstvennoe upravlenie i obshchestvennoe samoupravlenie v kontekste administrativno-territorialnykh preobrazovaniy vo vtoroy polovine XIX v. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, 2015, no. 3, pp. 14–20.

Author, Abstract, Key words

Irina V. Lidzhieva – Candidate of History, Senior Researcher, Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista, Russia)
irina-lg@yandex.ru

Based on documents from the National archives of the Kalmyk Republic the article examines the case of transgression and protection of the administrative boundaries of the Kalmyks' nomad territories in the late 19th century as well as the bureaucratic mechanism of protecting administrative boundaries of the Kalmyk steppe which was part of the Astrakhan province and bordered on the Stavropol province. The article focuses on the activities of V.A. Bashkirov, the chief administrator of the Kalmyk people during the period of 1892 – 1895. One of his duties was to the protection of the territorial integrity of the Kalmyk steppe. His large administrative experience and conscientious performance of his duties allowed him to secure the administrative boundaries of the Kalmyk nomad territories.

Kalmykia, Kalmyk steppe, Kalmyks, Astrakhan province, Stavropol province, administrative boundary, bureaucratic apparatus, V.A. Bashkirov

**ПРЕДАНЬЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ СТАРИНЫ:
«БЕЛЫЕ ПЯТНА» НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКИХ ГАЗЕТ
(вторая половина XIX века – 1917 год)***

V. Blokhin, I. Alferova

**An Account on Bygone Administration:
“White Spots” on the Pages of Russian Newspapers
(latter half of 19th century – 1917)**

«Белые пятна», «белые места», «пустые столбцы», «пустоты», «белые плечи», наконец, «цензурные пробелы» – названия, употреблявшиеся в отношении отсутствующего текста в российских до-революционных газетах, поступавших к читателям. Явление это, не получившее специального освещения в историографии российской печати и цензуры, имеет свою собственную историю, тесно связанную, во-первых, с существованием предварительной цензуры, а, во-вторых, с появлением массовых газет, ставивших перед собой задачу оперативного освещения происходивших событий. Свою роль сыграло и техническое оснащение российских типографий второй половины XIX – начала XX вв.

В рамках данной статьи мы попытаемся дать краткую историю появления «белых пятен» на страницах отечественных изданий в конце XIX в., объяснить причины возрождения и трансформации этого явления уже в период Первой мировой войны.

* * *

Устав о цензуре 1828 г. формально действовал вплоть до 1905 г. Не изменяясь по своей сути столь длительное время, основной цензурный документ постоянно обрастал многочисленными дополнениями, среди которых особое место принадлежало указу Александра II от 6 апреля 1865 г., данному Сенату, с примечательным названием – «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати».

Самым главным из предложенных нововведений являлось освобождение от предварительной цензуры на основании особого разрешения министра внутренних дел всех оригинальных сочинений объемом не менее 10-ти печатных листов и всех переводных объемом не менее 20-ти печатных листов книг, а также выходивших в Москве и Санкт-Петербурге периодических изданий («коих издавали сами заявят на то желание»)¹.

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ, проект «Формирование образа героя на страницах российской и немецкой печати в период Первой мировой войны. Сравнительный аспект. К проблеме формирования культурной памяти» (№ 15-01-00399).

Новый закон вводился в виде «временных правил», которые существовали более сорока лет, и не затрагивали часть столичных газет и журналов, а также провинциальную периодическую печать, которая оставалась под действием предварительной цензуры.

Цензурный аппарат Российской империи на период второй половины XIX – начала XX вв. представлял собой систему взаимосвязанных центральных и местных цензурных учреждений. С 14 января 1863 г. на основании именного указа императора управление цензурой было полностью передано Министерству внутренних дел. Главному управлению по делам печати, созданному при министерстве, подчинялись цензурные комитеты по внутренней цензуре в С.-Петербурге, Москве, Варшаве, Тифлисе; отдельные цензоры – в Казани, Риге, Ревеле, Дерпте, Одессе, Вильне, Киеве, Митаве, с 1903 г. – в Харькове, Екатеринославе, Нижнем Новгороде, Саратове, Ростове-на-Дону, Томске и Владивостоке².

В городах, где не было цензурных учреждений, надзор за периодической печатью возлагался на чиновников губернской администрации, а по указу от 30 сентября 1881 г. – на вице-губернаторов: «Цензирование частных периодических изданий в губернских городах, в которых нет цензурных учреждений, возложить, без производства особого вознаграждения, на Вице-Губернаторов или на исправляющих эту должность, когда Вице-Губернаторы вступают в управление губернией»³.

Однако во многих городах под различными предлогами цензорские обязанности регулярно передавались чиновниками губернской администрации друг другу. Так, в марте 1904 г. от имени начальника Главного управления по делам печати Н.А. Зверева на имя орловского губернатора К.А. Балясного поступило письмо, в котором высказывались претензии по поводу опубликованных в «Орловском вестнике» статей, вызвавших неудовольствие министра внутренних дел В.К. Плеве. Планировалось сделать официальное замечание цензору, но в ходе разбирательства выяснилось, что эти статьи пропустили в печать три разных чиновника губернской администрации: исполнявший должность советника Руткевич, старший советник губернского правления Трубицын и вице-губернатор генерал-майор Бельгард⁴.

Цензурные обязанности тяготили губернаторов и они регулярно направляли в Министерство внутренних дел предложения о назначении специальных штатных цензоров, в чем им так же регулярно отказывали под предлогом отсутствия необходимых финансовых средств. Не встретили поддержки Главного управления по делам печати предложения из губерний об освобождении местных газет от предварительной цензуры «с возложением ответственности за издание на редактора»⁵.

Редакция газет и журналов, находившимся под действием предварительной цензуры, приходилось постоянно работать «с запасом», чтобы вовремя заменить вычеркнутые цензором материалы. Чаще всего выручали перепечатки из газет, уже прошедших проверку или

сведения из свободных от цензуры правительственных изданий. Однако и этот, казалось бы, верный способ решения проблемы, не всегда приносил желаемый результат.

Известный общественный деятель, один из будущих учредителей Конституционно-демократической партии России И.И. Петрункевич, находившийся в 1880 г. в Смоленске и публиковавшийся в газете «Смоленский вестник», вспоминал: «Цензура, как всегда, была несносна, придирчива и мелочна. Она заставляла заготавливать материал для каждого номера втрое больше, чем требовалось для одного, и только ножницы, т.е. вырезки из газет делали возможной такую заготовку, хотя и в этом случае происходили курьезы, так как цензор (местный вице-губернатор), случалось, не пропускал в печать вырезки из «Правительственного вестника»»⁶.

По сообщению столичной газеты «Право», вятская цензура также регулярно обнаруживала «нецензурные места» в перепечатках из «Правительственного вестника» (вычеркнула все места с положительным отзывом о земствах), «Сельского вестника», «Губернских ведомостей»⁷. Однако публикация в газете «Право» о вятских «художествах» местного цензора вызвала волну откликов, смысл которых сводился к тому, что «у нас еще хлеще».

Черниговский вице-губернатор Н.Н. Медем, выполнявший цензурные обязанности, вычеркивал текст из доклада товарища министра земледелия и государственных имуществ П.Х. Шванебаха «Наше податное дело» на 1903 г. и характеристику экономического положения крестьян, данную министром финансов С.Ю. Витте во всеподданнейшем докладе о государственной росписи на 1899 г., умудрился «исправить» указ Сената о порядке передачи земских школ в ведение духовенства и даже циркуляр министра внутренних дел В.К. Плеве, разъяснявший закон об отмене круговой поруки⁸.

Даже «Очерк работ редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах», после указания на соответствующий текст в «Правительственном вестнике» Министерства внутренних дел, не был разрешен к перепечатке в местном земском сборнике⁹. В Ярославле цензорские красные чернила зачеркнули телеграмму С.-Петербургского телеграфного агентства, сообщавшую о беспорядках, «произведенных запасными чинами в разных частях России». Причем пометка на телеграмме «официально» не спасла ее от подозрений в «неблагонамеренности»¹⁰.

Провинциальные газеты вынуждены были выходить «наполовину с белыми столбцами», когда редактор не находил чем заменить уничтоженный цензурой материал. Провинция не давала новых объемных ежедневных сведений, а запретов было слишком много. Нельзя было писать о голоде, о холере, о малом количестве надельной земли, об обременительности платежей и повинностей, об университетских беспорядках, о политических процессах, о волнениях на фабриках, об отношении рабочих к владельцам предприятий. Устойчивый запрет касался критики «высшего сословия в государстве».

«Представьте себе положение редактора, отправляющего в типографию для набора рукописи, ни в одной строчке которых он не может быть уверен, что они будут пропущены цензором, – с сочувствием писали «Санкт-Петербургские ведомости» о положении находившихся под цензурой провинциальных газет. – Сколько здесь непроизводительно потраченного труда! Бедняга-репортер или фельетонист, которые, может быть, живут исключительно скудной почасовой платой, пишут свои заметки; редактор их читает и правит, выбрасывая то, что, по его мнению, может быть выброшено цензором; наконец, наборщики набирают эти бедные листочки театральной рецензии, размышлений о мизантропии или сообщения о выборах церковного старосты – и вдруг все это оказывается нецензурным...»¹¹.

Однако иногда заполнение «белых пятен» не производилось умышленно: таким способом редакция привлекала внимание общественности к уровню претензий цензора и тяжести условий, в которой оказалась местная печать. В этом смысле показателен материал «Смоленского вестника» № 111 за 1880 г., на первой полосе которого было размещено уже ставшее к тому времени привычным объявление об опоздании выхода в свет очередного номера «по независящим от редакции обстоятельствам». Внимание читателей газеты привлекало заглавие: «Возражения на письмо г. краснинского уездного исправника Жигмонта, помещенное в № 108 “Смоленского вестника”». После этого заглавия вместо «возражений» – пустой столбец; на другой странице – еще полтора пустых столбца и под ними – финальная черточка. На третьей странице в разделе фельетона также зияла пустота, но без заглавия статьи, которая должна была быть напечатана¹². Московская газета «Русский курьер» иронизировала по этому поводу: «Очевидно, смоленские цензора – идеальные люди и их газетный идеал есть не что иное, как... чистый лист бумаги»¹³.

Смоленский губернатор Л.П. Томара был крайне недоволен произошедшим, но с точки зрения действовавшего Устава о цензуре 1828 г., который не содержал запрета на оставленные на страницах изданий пробелы, не имел возможности напрямую, данной ему властью, наказать издателя газеты А.И. Елишева. Между тем, как это ни парадоксально, белые пятна вызвали интерес смоленской читающей публики, и тираж «Смоленского вестника» стал расти.

К началу XX в. до провинциальных типографий, выпускавших газеты, наконец дошли технические новшества, которые ускорили процесс печати, но создали редакциям новые трудности из-за действия предвзвешенной цензуры. На смену ручному набору и станку для снятия корректурных оттисков, на котором наборщик после их проверки вносил изменения вручную, пришли жесткие стереотипы, представлявшие собой монолитную рельефную копию с типографского набора. Производились они путем отливки металла и не предполагали последующих изменений. Точнее, они переделывались по требованию цензуры, но только при помощи зубила. В противном

случае после внесения необходимой корректировки надлежало изготавить новый стереотип, что приводило бы к опозданию газетных новостей на целые сутки. Рабочим приходилось выполнять двойную работу, а издателям нести дополнительные расходы.

Периодические издания пестрели «белыми пятнами» вплоть до 1905 г. Уже первый январский номер «Закаспийского обозрения» зиял многочисленными пустотами, «Владивосток» 9 января 1905 г. имел пробелы в разделе «Хроника»¹⁴. Со стандартной формулировкой «по независящим от редакции обстоятельствам» с пустыми столбцами 21 января 1905 г. вышел номер красноярского «Енисея».

Январские события 1905 г. дали толчок к изменению законодательства о цензуре печати: Комитетом министров под председательством члена Государственного совета, директора Императорской публичной библиотеки Д.Ф. Кобеко было учреждено Особое совещание для пересмотра действующих цензурных постановлений. Оно начало работу 23 января 1905 г., и среди его важнейших вопросов была подготовка нового цензурного устава и отмена предварительной цензуры с введением ответственности за правонарушения в сфере законодательства о печати только по решению суда. Разработанные Особым совещанием документы легли в основу именного высочайшего указа, данного Сенату 24 ноября 1905 г., отменившего предварительную цензуру¹⁵.

Пока известные всей стране члены Особого совещания – юристы А. Ф. Кони и К.К. Арсеньев, историк В.О. Ключевский, издатели М.М. Стасюлевич и А.С. Суворин – обсуждали новый закон о печати, 17 октября 1905 г. был опубликован Манифест «Об усовершенствовании Государственного порядка», обязавший правительство «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов»¹⁶. Однако и после этого важного события в жизни страны пустые столбцы не исчезли со страниц газет.

Выходившая в Ростове-на-Дону газета «Донская речь» 25 октября выступила со специальным заявлением: «Цензурирующий нашу газету чиновник особых поручений при градоначальнике совершенно игнорируя отмену 140 ст. закона о печати и последнее разъяснение м. в. д. о цензуре, по-прежнему уродует нашу газету и стремится доказать, что свободы печати не существует»¹⁷.

«Конституционная теория и самодержавная практика» – под таким заголовком в начале ноября 1905 г. была опубликована статья в «Закаспийском обозрении». «...Прежняя практика абсолютизма и произвола является, как всегда, регулятором жизни, а конституционная теория пока остается мертвой буквой», – заявляла газета и приходила к выводу: «Возвещенная Манифестом свобода печати – одна лишь фикция»¹⁸.

К неутешительному заключению пришел и публицист «Северного края»: «Была объявлена свобода слова и печати. Немедленно после этого целая куча газет и журналов перестали выходить, т.к. военное

положение, все более и более расплывающееся по лицу нашего отечества, дает возможность разным властям искоренить всякие проблески человеческого разговора и свободного мнения»¹⁹.

Даже в декабре 1905 г., после отмены предварительной цензуры, газета «Пермский край» была выпущена с пустыми наполовину страницами²⁰.

Действительно, сначала в местностях, находившихся на положении чрезвычайной охраны или на военном положении, генерал-губернаторы и главноначальствующие получили право закрывать газеты на срок действия этого положения. Затем контроль со стороны губернских властей над печатью возродился и в других районах России. «За первые 8 месяцев 1913 г. в разных городах России в административном порядке было наложено 228 штрафов на общую сумму в 89 400 руб.»²¹ Для сравнения: в 1906 г. число штрафов составляло 16, а сумма – 15 525 руб.²²

Таким образом, ст. 140 в Уставе о цензуре, запрещавшая касаться различных тем в печати, после указа 24 ноября 1905 г. была отменена, но постепенно печать вновь была поставлена перед необходимостью отказа от освещения тех или иных проблем, волновавших жителей страны. Так, нельзя было размещать материалы о роспуске Думы и критиковать новый земельный закон от 9 ноября 1906 г., вспоминать лишний раз об Азефе, Илиодоре и Распутине. Было запрещено рассказывать о происшествии, в ходе которого некая женщина облила кислотой священника в церкви Николая Явленного и даже о плохой игре артистки «П»²³.

* * *

«Белые пятна» опять возвратились на страницы периодических изданий с началом Первой мировой войны.

На следующий день после объявления Германией войны России указом Николая II от 20 июля 1914 г. было введено в действие «Временное положение о военной цензуре». Ст. 6 и 7 этого документа устанавливали два ее вида: в полном объеме и частичную. Причем военная цензура, согласно ст. 7, в полном объеме могла быть введена лишь на театре военных действий. В прочих местностях устанавливалась «только частичная военная цензура»²⁴. Была во «Временном положении» и ст. 31, предусматривавшая «личное усмотрение цензора». Военным цензорам вменялось в обязанность «не допускать к опубликованию путем печати всякого рода сведений, хотя бы и не предусмотренных правилами, издаваемыми на основании ст. 11 сего положения, но которые могут, по мнению цензора, оказаться вредными для военных интересов государства»²⁵.

Ст. 14 «Временного положения» гласила: «На театре военных действий делами военной цензуры ведают: штабы Главнокомандующих армий, флота и военных округов театра военных действий, по указаниям Главнокомандующих или Командующих отдельными армиями, по принадлежности»²⁶. Частичной военной цензурой, которая

распространялась на остальную территорию страны, ведали Главная военно-цензурная комиссия, состоявшая при Главном управлении Генерального штаба, и местные военно-цензурные комиссии при штабах военных округов²⁷. При этом начальник Главной цензурной комиссии генерал-лейтенант А.И. Звонников подчинялся начальнику Петроградского военного округа, поскольку здесь действовало «Положение о полевом управлении войск в военное время»²⁸.

В состав военно-цензурных комиссий входили: председатель – штаб-офицер военного округа, по одному представителю от Военного и Морского министерств, трех – от Министерства внутренних дел: по одному от местных цензурных учреждений, от почтово-телеграфного ведомства и местной гражданской администрации. В зоне боевых действий обязанности военных цензоров возлагались на офицеров отделов генерал-квартимейстерства штабов фронтов и армий²⁹.

Сведения о содержании цензурного «Временного положения» разместила на своих страницах газета «Русские ведомости» 22 июля 1914 г., добавив в заключении: «Как передают, в Петербурге объявлено о военном положении и будет установлена военная цензура, но ввиду того патриотического тона, которым проникнута печать, она будет введена в более смягченном виде. Предварительному просмотру будут подлежать лишь сведения и статьи, посвященные непосредственно военным действиям. Сообщения и статьи общего характера не будут подвергаться общей цензуре»³⁰. Вскоре в той же газете появилось официальное сообщение от начальника Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел графа С.С. Татищева, который уведомил «редакторов периодических изданий и лиц, ответственных по изданиям неповременным, что с 7-ми часов вечера 3 сего августа в С.-Петербурге вводится военная цензура. Материалы, подлежащие предоставлению в цензуру, должны доставляться в помещение С.-Петербургского комитета по делам печати (Театральная, 3)»³¹.

Уже 14 августа 1914 г. в «Биржевых ведомостях» появился большой пробел в заметке под названием «С русско-германской границы». Ее автор, ссылаясь на газету «Речь», сообщал, что «10 августа проследовали от границы три поезда с ранеными за 7-е и 8-е число. В числе раненых – более 300 германцев. Раненые немцы рассказывают, что 8-го августа после отступления их пехота попала под огонь собственной артиллерии, принявшей ее за русский отряд»³². Эта часть публикации, состоявшую из девяти строк и показывающую рост потерь и плохую организацию в немецкой армии, цензор оставил, а остальные 35 строк распорядился уничтожить.

В фонде военной цензуры при Петроградском комитете по делам печати Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел, хранящемся в Российском государственном историческом архиве (ф. 778), сохранились корректуры разрешенных с исключениями статей периодических изданий. На их основании можно судить о том, что не устраивало цензоров в предназначенных

к публикации и представленных им материалах.

В «Биржевых ведомостях» от 24 сентября 1914 г. цензура оставила белые пятна в заметке «Оценка военных событий». Здесь были вымараны рассуждения автора по поводу причин побед русской армии над германской: «Очевидно, что мы собрали там не меньше трех армий, что и дало нам возможность охватить германцев по огромной дуге от Эйдкунена до Осовца»³³. Белое пятно оказалось и на том месте в статье, где автор прогнозировал будущие успехи: «... Как уже говорилось: обладая превосходством силы, мы можем бороться и с “кенигсбергской” и с “краковской” группами врагов, и одновременно выставить против той и другой превосходные силы»³⁴. Заметка «Бой под Друсkenиками» в этой же газете была запрещена полностью, так же как и «Бой в Августовских лесах» в номере за 26 сентября 1914 г.³⁵

Газеты стремились во что бы то ни стало удовлетворить интерес своих читателей, пытавшихся хоть чуть-чуть заглянуть за строки победных реляций верховного главнокомандования русской армии. Однако это желание регулярно наталкивалось на препятствия в виде военной цензуры.

Генерал-майор М.С. Пустовойтенко, на тот момент обер-квартирмейстер штаба Юго-Западного фронта, 29 сентября 1914 г. направил специальную телеграмму подчиненным ему органам военной цензуры армий. В ней отмечалось: «Последнее время наша современная печать наводнилась статьями, касающимися наших военных действий. В этих статьях встречается оценка различных родов оружия, наших и неприятельских, приводятся различные сновки и соображения для будущего, указывается на слабые стороны наших противников. Хотя название частей и отсутствуют, но по общему построению статей на этот счет можно делать различные более или менее догадки»³⁶. Ссылаясь на «повеление» верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича, М.С. Пустовойтенко обращал внимание «военно-цензурных органов на более строгое и внимательное отношение их к делу, с целью препятствовать проникновению в печать сведений, могущих оказаться вредными для армии» и рекомендовал «более строго придерживаться перечня тех сведений, появление которых в печати воспрещены, согласно постановлению Совета Министров от 24 июля 1914 г.»³⁷

Речь шла о расширенном «Перечне сведений и изображений, касающихся безопасности России и ее военно-морской и сухопутной обороны, оглашению и распространению коих в печати или речах, или докладах, произносимых в публичных собраниях воспрещается», который был утвержден Советом министров и опубликован 26 июля 1914 г. Он состоял из 25-ти пунктов и препятствовал размещению в печати сведений о составе и структуре военного и морского ведомств, о боевой готовности армии и флота, о порядке пополнения потерь, о стратегических и тактических характеристиках местности расположения войск и ведения боевых действий, об обстановке в районах дислокации частей и соединений и об отношении к русской

армии местных жителей, о происшествиях на сухопутных и водных транспортных коммуникациях, о чрезвычайных ситуациях в расположениях воинских частей и на военных судах (пожарах, взрывах, эпидемиях и т.п.)³⁸.

Будущий историк российской журналистики М.К. Лемке, находившийся в Ставке верховного главнокомандующего в чине штабс-капитана и исполнявший функции военного цензора в 1915 – 1916 гг., в написанной на основании своих впечатлений книге уделил особое внимание пункту перечня под номером 20: «О предположениях и действиях армии и флота и о всякого рода военных событиях, а равно о всякого рода слухах, к ним относящихся», точное соблюдение которого «было бы равносильно совершенному замалчиванию всей войны, всех обстоятельств жизни страны, всей внутренней политики, всех нужд армии и государства...»³⁹.

В то же время он отмечал, что, как это всегда и бывает, бюрократически созданный закон не нашел полного применения в практической жизни и работе, и потому со дня своего опубликования (26 июля 1914 г.) он уже был осужден на обычную участь всех русских бюрократических актов: с одной стороны, на систематическое его игнорирование, с другой – на крайне произвольное толкование, опирающееся на нашу народную поговорку: закон, что дышло – куда повернешь, туда и вышло...»⁴⁰.

Действительно, с началом войны из центральных газет военной цензурой, в соответствии с «Перечнем сведений и изображений», удалялись сведения о потерях русской армии убитыми и ранеными⁴¹. Так, из «Биржевых ведомостей» в номере за 26 сентября 1914 г. была вычеркнута заметка под названием «Прибытие санитарного поезда». Более того, из газет вымарывалась информация о предполагаемом открытии госпиталей, лазаретов и количестве койко-мест для раненых⁴².

Цензура зачастую удаляла куски текста, исходя из соображений, которые можно соотнести с перечнем, утвержденным Советом министров, лишь опосредованно. Речь шла скорее не о соблюдении военной тайны, а о поддержании некоего эмоционального состояния общества, которое с точки зрения цензоров Главного управления по делам печати должно было соответствовать военной обстановке на фронте и в тылу.

Так, цензурой были полностью удалены заметки в «Биржевых ведомостях» от 9 октября 1914 г. «На улицах Варшавы», в которой речь шла об обстрелах города немецкой артиллерией и затонувшем в результате этого пароходе «Пан Тадеуш», и «По балтийскому побережью», сообщавшей о том, что немецкому флоту с либавского и виндавского побережий «подавались сигналы»⁴³.

Даже журналы, не обладавшие газетной оперативностью подачи информации, иногда выходили в свет в исковерканном цензурой виде⁴⁴. Например, № 6 за 1915 г. популярного «Лукоморья» вышел с черным пятном на обложке вместо изначально помещенного там рисунка сторожевого поста польских legionеров. Дело в том, что в

газете «Новое время» появилось сообщение о формировании специальных польских легионов, что не соответствовало действительности. Военная цензура запретила не только печатать что бы то ни было о легионах, но, как в данном случае, даже помещать их изображение, пусть и в старинных польских костюмах⁴⁵.

В «Вечернем времени» от 8 октября 1914 г. значительному сокращению было подвергнуто «Письмо врача с фронта». Из него были изъяты не только упоминания конкретных территорий (Варшава, Ивангород, Радомская губерния), но и сетования автора на неготовность его полка к ведению военных действий в зимнее время. «С каждым днем становится холоднее и холоднее, а полк пошел в поход без каких-либо теплых вещей, – сообщал он, указывая на организационную неразбериху в снабжении армии. – Из газет мы знаем, что собирают пожертвования, повсюду шьют белье, теплые вещи, и куда-то их отсылают. Но, все же, шлют не туда, куда надо. В полки, на передовые перевязочные пункты до сих пор ничего не прислали»⁴⁶.

Своеобразный ответ «врачу с фронта» содержался в «Биржевых ведомостях» от 31 октября 1914 г. в статье под заглавием «Как уберечь жертвуемые вещи от воров и скупщиков?» В ней автор рассказывал о том, как приятно людям, собиравшим посылки для тех, кто находится на передовых позициях на фронте, узнавать, что жертвуемые ими «теплые вещи, белье, пища, лакомства, табак, папиросы и проч.» доходят по назначению. Далее следует пробел в 20 строк и текст: «на них никакого знака... [Пробел. – В.Б., И.А.] ...не имеется...»⁴⁷.

Однако цензором были сохранены авторские рекомендации по сохранению вещей для армии. Автор предлагал ставить на вещах при их поступлении штамп со словами «Подарок воинам. Петроград»; например, «на рубахи – на грудь или на заднее полотнище, на кальсоны – в сгибе ноги или кушаке, а также и на другие предметы, причем, на светлые вещи – черной краской, а на темные – красной...»⁴⁸.

Превращались в «белые пятна» в полосах газет и различные лирические отступления авторов, которые, по мнению цензоров, не отражали должным образом патриотических настроений и устремлений находящихся на фронте. В этом смысле показателен полностью изъятый цензором очерк В. Ленского «Война и женщина» из цикла «Сказки войны» в «Петроградском курьере» от 9 октября 1914 г. Автор среди воинских лишений одно из первых мест отводил отсутствию «женского общества, мягкого облагораживающего веяния женщины» и утверждал, что перед лицами солдат, идущих в бой, «стоят лица их матерей, сестер, жен, невест, или вернее одно лицо женщины»⁴⁹.

Примечательна судьба материалов главного военного корреспондента газеты Виктора Васильевича Муйжеля (1880 – 1924), работавшего в «Биржевых ведомостях». Будучи малоизвестным писателем, он тяготел к реалистическому литературному направлению, которое

в условиях тогдашней российской действительности отличалось пессимизмом, мрачным взглядом на происходившее. Редакция газеты не случайно остановила свой выбор на В.В. Муйжеле, поскольку рассчитывала с его помощью добиться в газетных публикациях правдивого, реалистического описания начавшейся войны. Однако наполненные эмоциями корреспонденции писателя вызвали недовольство цензоров. Редкие публикации в газетах «удостоились» такого же количества белых пятен.

Одна из его корреспонденций была помещена в газете «Биржевые ведомости» от 15 декабря 1914 г. под названием «Памяти павших. (От нашего спец. военного корреспондента)»⁵⁰. Вот тексты, вместо которых в газете появились белые пятна: «Если на войне каждая пядь пройденной земли полита кровью, то в Восточной Пруссии эта кровь лилась широкой и страшной рекой». <...> «И что сегодня, быть может, он умрет или будет искалечен». <...> «Не сплю по три ночи, умираю в окопе от какой-нибудь шрапнели, лежу до ночи, истекая кровью, раненым, пока вместе с темнотой явится возможность санитарам подобрать меня». <...> «Умирать еще – тоже мое дело, и когда я шел из своей деревни на призывной пункт – поглядывал на родные полосы с чувством человека, который никогда их больше не увидит». <...> «Это так или приблизительно так в огромном большинстве случаев. И совсем не так в Восточной Пруссии. Едва только пребываешь в Граеве, маленьком пограничном местечке, с которого началось наше вторжение в Пруссию, как убеждаешься, что это действительно не так». <...> «Никто не знает, как нашел свой приют за полотном железной дороги у березовой рощи на границе немецкой земли. И никто никогда не узнает, а насколько связанные кресты покосятся, потом качнутся, потом наклонятся задумчиво – и упадут, и долго будут лежать, черные и забытые, пока не исчезнут, как все исчезает. И только ветер будет гулять над сравнявшимися могилами и жалобной песней рассказывать кающимся березам о том, что здесь некогда бывшее землей ушло в землю». <...> «Но только побывавшему в них – не в старых, брошенных, пустынных окопах прежних боев, а наполненных скорчившимися людьми, живущими здесь, в этих звериных норах, неделями, переменяющими здесь белье, раздевающимися для того, чтобы хоть чуть-чуть освободиться от паразитов, и (прошу помнить!) постоянно стреляющими, получающими раны и умирающими – только видевшему все это воочию станет понятным это короткое странное слово – окопы»⁵¹.

По-видимому, цензора не устроило и яркое эмоциональное изображение описанных корреспондентом событий, и художественные способы воздействия на чувства читателей. К тому же мрачный взгляд на происходившее на фронте только усугублял общее настроение, связанное с нарушением первоначальных планов возвращения русской армии домой к Рождеству после успешной военной кампании 1914 г.

В 1915 г. «белые пятна» в газетах стали предметом беспокойства высших правительственных лиц. Так, в письме от 3 марта 1915 г.

председатель Совета министров И.Л. Горемыкин обратил внимание министра внутренних дел на недопустимость появления в газетах пробелов. На это гофмейстер Н.А. Маклаков письмом от 10 апреля 1915 г. отвечал, что «по техническим условиям, приводящим к необходимости вырубания из вылитых стереотипов исключенных цензурой мест, приходится мириться с появлением пробелов на страницах газет»⁵².

Попытки борьбы с «белыми пятнами» предпринимались на протяжении всего 1915 г., поскольку их существование и постепенное увеличение, в результате активизации цензуры из-за военных неудач русской армии и ухудшения социально-экономической ситуации в тылу, вели «ко всевозможным догадкам, зачастую разгадываемым путем сопоставления»⁵³.

Ситуация была образно обрисована участником войны, известным искусствоведом Н.Н. Врангелем в его дневнике: «...Газеты немые и только злоеющие белые пятна – вынутых в печати гранок – говорят о каких-то ужасах и горе, о которых мы все не должны знать»⁵⁴.

Для исправления сложившегося положения от начальника штаба верховного главнокомандующего генерала М.В. Алексева главнокомандующему армиями Западного фронта генералу А.Е. Эверту 15 января 1916 г. было направлено специальное секретное распоряжение. В нем говорилось о том, что «белые пятна», «зачастую занимающие целые столбцы, с одной стороны производят весьма неприятное впечатление на общество, думающее, что от него что-то скрывается, с другой стороны этим явлением может пользоваться противник для наглядного указания на стеснения, которым подвергается наша пресса»⁵⁵. Отмечалось, что белые места только привлекают внимание к известным вопросам именно тех, от кого их пытались скрыть, а в немецких газетах, при всех строгостях цензуры за истекший год, белых пропусков не наблюдалось.

М.В. Алексеев предлагал следующие меры: «Следует потребовать от редакции своевременного предоставления газетного материала на просмотр, а от цензуры, чтобы она не задерживала этого материала на столько, чтобы редакция не успела заменить исключенные места новым материалом, который должен быть всегда для таких случаев. Если эти меры не достаточны по техническим условиям для печати газет, то таковые должны быть приняты, как бы стеснительны они ни были для редакции»⁵⁶.

Генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего армиями Западного фронта генерал П.П. Лебедев 22 января 1916 г. докладывал, что для выяснения практических способов осуществления «ликвидации белых пятен» в Минск, где располагался штаб, были вызваны редакторы местных газет. «По соглашению с редакциями установлены более ранние часы предоставления в цензуру гранок изданий, определен срок, к которому цензура к каждому номеру обязательно должна быть закончена и каждая редакция обязательно должна иметь постоянно заранее разрешенные цензурой запасный

материал для замещения выкинутых мест»⁵⁷.

Однако на этом история с «белыми пятнами» не закончилась.

Уже 31 января 1916 г., в Ставке, начальником штаба верховного главнокомандующего генералом М.В. Алексеевым была получена телеграмма от нового председателя Совета министров Б.В. Штюрмера, в которой тот сообщал, что с введением в Петрограде распоряжения «о недопущении в газетах белых мест» для печати были созданы «крайне серьезные осложнения». В связи с этим предлагалось временно приостановить его исполнение⁵⁸. Вслед за телеграммой было получено более подробное письмо от председателя Совета министров, в котором тот, ссылаясь на записку, составленную советом Общества редакторов ежедневных газет Петрограда, отмечал трудности периодической печати в оперативном освещении событий. Еще одним аргументом для большей терпимости в отношении печати являлось открытие «сессии законодательных учреждений»⁵⁹.

Редакторы газет в предоставленной председателю Совета министров записке выразили готовность приложить все усилия к тому, чтобы пробелов в издаваемых ими газетах впредь не появлялось. Генерал М.В. Алексеев 2 февраля 1916 г. телеграфировал главнокомандующим фронтами о приостановке действия собственного распоряжения от 15 января 1916 г.

Редакции некоторое время пытались сдержать данное ими обещание, но уже 13 ноября 1916 г. от имени председателя Петроградской военно-цензурной комиссии при Петроградском комитете Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел генерал-майора М.А. Адабаша в редакторам петроградских газет был направлен циркуляр, в котором он требовал «безотлагательно принять все меры к недопущению впредь белых мест в редактируемой Вами газете», предлагая свою помощь «в смысле своевременного предъявления цензурных требований, ускорения просмотра военными цензорами гранок и т.п.»⁶⁰

Следующие напоминания от председателя Петроградской военно-цензурной комиссии о необходимости недопущения в газетах «белых мест или ряда точек, взамен исключенного военной цензурой текста» последовали 26 ноября и 29 декабря 1916 г.⁶¹ Однако редакции периодических изданий в условиях нарастающего кризиса в стране не собирались следовать цензурным предписаниям: они дорожили и своими читателями, и возможностью оперативно освещать бурно развивавшиеся события.

Временное правительство, пришедшее к власти в результате Февральской революции, опубликовало 27 апреля 1917 г. постановление, в первом пункте которого говорилось: «Печать и торговля произведениями печати свободны. Применение к ним административных взысканий не допускается»⁶². Следующим постановлением от того же 27 апреля было упразднено Главное управление по делам печати⁶³ и состоявшая при нем Петроградская военно-цензурная комиссия. Российская печать вступила в новый этап развития.

* * *

Завершая краткую историю появления «белых пятен» на страницах дореволюционных периодических изданий, подведем некоторые итоги.

Пропуски на страницах российских газет первоначально явились результатом действия предварительной цензуры, которая опиралась на многочисленные запреты освещения различных тем в периодических изданиях, определяемые министром внутренних дел и Главным управлением по делам печати. Играли свою роль и личные пристрастия цензоров. Не случайно в отдельных эпизодах белые пятна выступали в качестве специфического протеста против «цензурной вседозволенности». Иногда пропуски на страницах провинциальных газет являлись признаком своеобразного «информационного голода». Технические нововведения в типографиях в начале XX в. сделали быстрое заполнение пустот в газетах невозможным.

С началом Первой мировой войны и введением военной цензуры «белые пятна» опять начали украшать страницы печати, что было следствием новых многочисленных ограничений и запретов. Органы власти и редакции периодических изданий были заинтересованы в ликвидации пустот на страницах газет, но так и не нашли на протяжении военных лет оптимального способа решения проблемы.

Для читающей публики, в свою очередь, пропуски текста были свидетельством желания властей скрыть многие неприглядные стороны военного времени, а, возможно, и поражения, что порождало антиправительственные настроения.

Примечания

¹ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 2-е (ПСЗРИ-2). Т. XL. Ч. 1. № 41988.

² Патрушева Н.Г. Главное управление по делам печати и организация надзора за периодикой в 1865–1905 гг. // Известия Смоленского государственного университета. 2010. № 4 (12). С. 282.

³ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 3-е (ПСЗРИ-3). Т. I. № 420.

⁴ Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 580. Ст. 2. Д. 3114. Л. 27об.

⁵ Блохин В.Ф. Всевидящим ли было «цензурное око» государево? (система государственно управления, цензура и проблема становления гражданского общества в России) // Гражданогенез в России. Кн. 1. Брянск, 2009. С. 98.

⁶ Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля: Воспоминания // Архив русской революции. Т. XXI. Берлин, 1934. С. 143.

⁷ Из практики нашей цензуры // Право (С.-Петербург). 1904. 7 нояб.

⁸ Право. 1904. 5 дек.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. 14 ноября.

- ¹¹ Лабиринт недоумений // Санкт-Петербургские ведомости. 1897. 26 февр.
- ¹² Смоленский вестник. 1880. 5 окт.
- ¹³ Русский курьер (Москва). 1880. 10 окт.
- ¹⁴ Владивосток. 1905. 9 янв.
- ¹⁵ ПСЗРИ-3. Т. XXV. Ч. 1. № 26962.
- ¹⁶ Там же. № 26803.
- ¹⁷ От редакции // Донская речь (Ростов-на-Дону). 1905. 25 окт.
- ¹⁸ Конституционная теория и самодержавная практика // Закаспийское обозрение (Асхабад). 1905. 8 нояб.
- ¹⁹ «Заря свободы» // Северный край. 1905. 1 нояб.
- ²⁰ Пермский край (Пермь). 1905. 16 дек.
- ²¹ Положение печати в России // За народ! (Париж). 1914. № 58. Янв. С. 14.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 15.
- ²⁴ Временное положение о военной цензуре. [Б. г., б. м.]. С. 2.
- ²⁵ Там же. С. 7.
- ²⁶ Там же. С. 3.
- ²⁷ Там же. С. 3, 4.
- ²⁸ Падение царского режима. Т. 2. Л., 1925. С. 221.
- ²⁹ Временное положение о военной цензуре. [Б. г., б. м.]. С. 4.
- ³⁰ Русские ведомости (Москва). 1914. 22 июля.
- ³¹ Там же. 5 авг.
- ³² С русско-германской границы // Биржевые ведомости (С.-Петербург). 1914. 14 авг.
- ³³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 778. Оп. 2. Д. 7. Л. 2.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. Л. 1.
- ³⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2122. Оп. 1. Д. 956. Л. 20.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Собрание узаконений и распоряжений правительства. Отдел I. 1914. 26 июля. № 203. Ст. 2079.
- ³⁹ Лемке М. 250 дней в царской ставке (25 сентября 1915 – 2 июля 1916). Пг., 1920. С. 370.
- ⁴⁰ Там же. С. 370, 371.
- ⁴¹ РГИА. Ф. 778. Оп. 2. Д. 7. Л. 2.
- ⁴² РГИА. Ф. 778. Оп. 2. Д. 20. Л. 2, 8.
- ⁴³ Там же. Л. 20б.
- ⁴⁴ Лемке М. 250 дней в царской ставке (25 сентября 1915 – 2 июля 1916). Пг., 1920. С. 385.
- ⁴⁵ Блохин В.Ф. «Героическое» на страницах иллюстрированного журнала «Лукоморье» 1914 – 1917 гг. // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Вып. II. Брянск, 2016. С. 49.
- ⁴⁶ РГИА. Ф. 778. Оп. 2. Д. 20. Л. 4.
- ⁴⁷ Биржевые ведомости. 1914. 31 окт.
- ⁴⁸ Как уберечь жертвуемые вещи от воров и скупщиков? // Биржевые ведомости. 1914. 31 окт.
- ⁴⁹ РГИА. Ф. 778. Оп. 2. Д. 20. Л. 8.
- ⁵⁰ Муйжель В. Памяти павших. (От нашего спец. военного корреспон-

дента) // Биржевые ведомости. 1914. 17 дек.

⁵¹ Муйжель В.В. С железом в руках, с крестом в сердце (На Восточно-Прусском фронте). М., 2014. С. 226–231.

⁵² Лемке М. 250 дней в царской ставке (25 сентября 1915 – 2 июля 1916). Пг., 1920. С. 425.

⁵³ Там же. С. 212.

⁵⁴ Врангель Н.Н. Дни скорби: Дневник 1914 – 1915 годов. СПб., 2001. С. 60.

⁵⁵ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 897. Л. 201.

⁵⁶ Там же. Л. 201, 201об.

⁵⁷ Там же. Л. 206.

⁵⁸ Лемке М. 250 дней в царской ставке (25 сентября 1915 – 2 июля 1916). Пг., 1920. С. 507.

⁵⁹ Там же. С. 518.

⁶⁰ РГИА. Ф. 778. Оп. 2. Д. 713. Л. 16.

⁶¹ Там же. Л. 17, 23.

⁶² Сборник указов и постановлений Временного правительства. 27 февраля – 5 мая 1917 г. Вып. 1. Пг., 1917. С. 212.

⁶³ Там же. С. 215.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Блохин Валерий Федорович – докт. ист. наук, профессор Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского
blohin.val@yandex.ru

Алфёрова Ирина Викторовна – докт. ист. наук, профессор Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского
alferovairi@yandex.ru

В статье рассматривается такое специфическое явление в Российской империи как «белые пятна» на страницах газет и журналов, вызванное действиями цензуры. Статья основана на архивных документах и материалах периодической печати. Первоначально, с середины XIX в., появление «белых пятен» было связано с отсутствием у редакций газет статей и других материалов, которыми можно было бы заменить строки или даже целые статьи и заметки, снятые цензором при проведении предварительной цензуры. Иногда редакции умышленно не заменяли снятые цензором материалы и оставляли «белые пятна», чтобы показать масштаб цензурных претензий к газете и статьям, подготовленным к печати. В годы Первой мировой войны «белые пятна» обрели больший масштаб, что стало результатом деятельности военной цензуры и ужесточения цензурной политики. В условиях войны «белые пятна» отрицательно влияли на общественные настроения, порождали недоверие к правительству, поэтому военные и гражданские власти пытались ликвидировать их с помощью административного вмешательства в работу редакций.

Революция 1905 – 1907 гг., Первая мировая война, Министерство внутренних дел, периодическая печать, столичная печать, провинциальная печать, цензура, цензор, цензурная политика, предварительная цензура, военная цензура, «белые пятна»

References
(Articles from Scientific Journals)

1. Patrusheva N.G. Glavnoe upravlenie po delam pečati i organizatsiya nadzora za periodikoy v 1865–1905 gg. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 4 (12), p. 282.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

2. Blokhin V.F. Vsevidyashchim li bylo “tsenzurnoe oko” gosudarevo? (sistema gosudarstvenno upravleniya, tsenzura i problema stanovleniya grazhdanskogo obshchestva v Rossii). *Grazhdanogenez v Rossii* [The Genesis of Civil Society in Russia]. Bryansk, 2009, vol. 1, p. 98.

3. Blokhin V.F. “Geroicheskoe” na stranitsakh illyustrirovannogo zhurnala “Lukomore” 1914 – 1917 gg. *Rossiya v epokhu politicheskikh i kulturnykh transformatsiy* [Russia in the Epoch of Political and Cultural Transformations]. Bryansk, 2016, vol. 2, p. 49.

Authors, Abstract, Key words

Valeriy F. Blokhin – Doctor of History, Professor, Bryansk State University (Bryansk, Russia)
blohin.val@yandex.ru

Irina V. Alferova – Doctor of History, Professor, Bryansk State University (Bryansk, Russia)
alferovairi@yandex.ru

The author examines what is termed ‘white spots’ (blank spaces) occurring on the pages of newspapers and journals, a specific phenomenon in the Russian Empire, caused by censorship. The article is based on archival documents and periodical press. Originally, starting from mid 19th century, these gaps were due to the fact that newspaper editors lacked extra materials to substitute for the lines and even whole articles rejected for publication by a censor in the course of his prior censorship. Sometimes the editorial board chose deliberately not to fill the gaps leaving the ‘white spots’ to show the scale of censorial claims to a newspaper and its materials to be published. During the World War I the ‘white spots’ appeared on a large scale as a result of military censorship and stricter censorship policy. In the war conditions the ‘white spots’ negatively affected the public moods arousing distrust for the government, which caused the military and civil authorities to eliminate them through administrative interference with the work of editorial boards.

Russian Revolution of 1905, World War I, Ministry of Internal Affairs, periodicals, capital press, local press, censorship, censor, censorship policy, prior censorship, military censorship, ‘white spots’ (blank spaces)

В.Л. Агапов

**ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОР Н.В. МОНОМАХОВ
И ЕГО БОРЬБА С «ЕВРЕЙСКИМ ЗАСИЛЬЕМ»:
ЭПИЗОД «ГАЗЕТНЫХ ВОЙН» ПРОТИВ ЧИНОВНИКОВ
(1912 год)**

V. Agapov

**Vice-Governor N.V. Monomakhov
and his Fight against “Jewish Domination”:
The Episode of “Newspaper Wars” against Bureaucrats (1912)**

С обнародованного 17 октября 1905 г. манифеста для российской прессы начался недолгий «золотой век». Развиваясь количественно и качественно, она в этот период начинает активно использоваться политическими партиями в борьбе друг с другом и с самодержавием. В истории осталась антираспутинская кампания, развернутая либеральной прессой накануне Первой мировой войны и закончившаяся тем, что газетам вообще было запрещено упоминать имя Распутина. Менее известно о взаимоотношениях прессы и представителей власти на местах, хотя в последние годы перед революцией 1917 г. российские газеты успели испортить жизнь немалому числу царских чиновников. Одной из таких «жертв» свободы слова в 1910 – 1912 гг. стал вице-губернатор Приморской области Н.В. Мономахов.

Николай Владимирович Мономахов родился в 1864 г. в Саратовской губернии в семье потомственных дворян. Его отец владел двумя имениями, а мать получила в приданое хутор. В службу Н.В. Мономахов вступил из воспитанников Михайловской Воронежской гимназии в 1-е Военно-Павловское училище юнкером 30 августа 1881 г. По окончании училища был произведен в подпоручики с назначением в 4-ю резервную артиллерийскую бригаду 7 августа 1884 г. Прибыл по назначению 28 августа 1884 г., однако служил недолго, и был уволен в запас 4 сентября 1885 г., а затем уволен в отставку поручиком 2 июня 1896 г. Находился на гражданской службе. Был почетным мировым судьей по Сердобскому уезду (1890 г.), земским начальником 3-го участка Сердобского уезда (1 июля 1891 г.). 16 мая 1897 г. Мономахов был избран в члены Саратовской губернской земской управы, и по этому случаю уволен от должности земского начальника. Переизбран в 1900 г. (до 1903 г.). С 1 марта 1903 г. – член Саратовского губернского присутствия. С 4 сентября 1904 г. был переименован в коллежские секретари, а 1 апреля 1905 г. произведен в титулярные советники со старшинством с 6 октября 1893 г.

Женат он был на Софье Михайловне Старостиной, имел восемь детей: Мария (1887 года рождения), Николай (1889 г.), Наталья (1890 г.), Екатерина (1892 г.), Владимир (1894 г.), Елена (1896 г.), Михаил (1898 г.), Александр (1900 г.). Дети еще в 1915 г. проживали с отцом, кроме дочери Марии, вышедшей замуж.

Эти данные, взятые из составленного в марте 1915 г. формулярного списка¹, показывают, что до революции 1905 г. карьера Мономахова складывалась плохо. К 40 годам он все еще находился в самом низу чиновничьей лестницы, достигнув чина всего-навсего X ранга. Жил в это время крайне скромно, постоянно нуждаясь в деньгах. Родную Саратовскую губернию не покидал.

По словам камчатского биографа Мономахова, революция 1905 г. оживила общественную и политическую жизнь страны. Ожил, словно переродился и Мономахов. «В нем проснулись и сила, и любовь к отчизне, и православные корни, и еще многое, что сразу начинает отличать патриота, державника от прочих людей. Он резко выступает против террора, революционных настроений, увлечения социал-демократией, которые подрывали устои общества. Естественно, эта твердая гражданская и человеческая позиции сразу выделили Николая Владимировича в общественные лидеры уездного, а затем и губернского масштаба. Пошла и карьера»².

18 ноября 1905 г. Мономахов стал коллежским асессором со старшинством с 6 октября 1896 г. Но настоящая карьера для него началась в следующем году: 5 мая 1906 г. ему был пожалован чин VII класса – надворный советник со старшинством с 6 октября 1900 г. 17 июня 1906 г. высочайшим приказом по гражданскому ведомству он был назначен исполняющим должность Вологодского вице-губернатора. 25 ноября 1906 г. произведен за выслугу лет в коллежские советники со старшинством с 6 октября 1904 г. С 13 декабря 1906 по 24 мая 1907 г. был командирован к временному заведыванию продовольственным делом в империи. 22 апреля 1907 г. получил чин статского советника за отличие со старшинством с 6 октября 1906 г., продвинувшись, таким образом, за 3 года (с 1904 по 1907 гг.) сразу на пять ступеней карьерной лестницы: с X до V класса Табели о рангах.

В 1906 – 1910 гг. Мономахов неоднократно исполнял должность Вологодского губернатора, приобретая большой опыт и известность в столичных кругах. Наконец, в 1910 г. премьер-министр П.А. Столыпин телеграфировал Приамурскому генерал-губернатору П. Ф. Унтербергеру: «Благоволите телеграфировать, не встречаете ли препятствий назначению Приморским вице-губернатором Вологодского вице-губернатора Мономахова. Министр В.Д. Столыпин. 20 июня 1910 г.»³ На что вскоре получил ответ: «Лично Мономахова не знаю, но если, своим служебным нравственным качествам, он является выдающимся лицом, каковым желательно было бы заместить должность вице-губернатора Приморской области, ввиду особого значения этой окраины, то предложенному перемещению Мономахова препятствий не встречаю»⁴. Высочайший указ об этом назначении последовал незамедлительно – 6 июля 1910 г.⁵

Однако такое быстрое, даже стремительное, продвижение по службе нельзя объяснить, как это делают биографы, только выдающимися дарованиями Николая Владимировича, внезапно проснувшимися в нем на пятом десятке лет жизни. На следующий день

после назначения Мономахова на Дальний Восток петербургская либеральная пресса попыталась подпортить репутацию чиновника, опубликовав компромат на него. Сам Мономахов еще даже не двинулся в путь (во Владивосток он прибыл только 23 октября 1910 г.), как на стол военного губернатора Приморской области генерал-майора И.И. Свечина легла записка из канцелярии генерал-губернатора, написанная по приказу его заместителя. В Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ) хранится ее рукописный вариант, выполненный карандашом с пометкой «Секретно»: «Временно исполняющий должность генерал-губернатора приказал обратить внимание Вашего Превосходительства на перепечатку издающейся в Хабаровске газеты “Приамурье” № 1168 и 1173 помещенных в № 183 газеты “Речь” и № 11819 “Биржевых ведомостей” заметок, которыми вновь назначенному вице-губернатору Приморской области статскому советнику Мономахову приписываются крайне неблагоприятные действия в бытность его Вологодским вице-губернатором»⁶.

К этой записке была приложена вырезка из хабаровской газеты «Приамурье» с заметкой следующего содержания:

«Вновь назначенный приморский вице-губернатор Мономахов аттестуется “Речью” (№ 183, 7 июля) следующим образом.

“Администратор новой формации, вдохновитель местного черносотенного листка, создавший свою карьеру на борьбе с кадетами, небезызвестный г. Мономахов, поскользнулся в Вологде, но оправился и получил назначение вице-губернатором в Приморскую область... чтобы о нем немного забыли”».

Далее «Речь» рассказывала, что Мономахов был отправлен в отпуск после апрельских обысков у николевских лесопромышленников Зырина, Морозова и Глебова.

«Денежные дела г. Мономахова были давно очень запутаны, и, стремясь, так или иначе, поправить их, он брал займы деньги у лиц, занимавших официальное и до известной степени подчиненное ему положение. И вот, когда стали производить обыски у лесопромышленников, для привлечения их к законной ответственности, то в их бумагах и памятных книгах наткнулись на такие заметки, которые не оставляли сомнения в том, что вице-губернатор Мономахов некоторым из них должен довольно крупные суммы...»

Эту перепечатанную из «Речи» заметку редакция газеты «Приамурье» снабдила таким комментарием: «Остается пожелать, чтобы сказанное “Речью” о г. Мономахове оказалось той тенденциозной ложью, к которой, в иных случаях, прибегают лица, имеющие свои счета с чинами администрации»⁷.

Ход делу дан не был, вероятно, вследствие произошедшей на рубеже 1910 и 1911 гг. смены начальства Приморской области и Приамурского края. Назначенный в начале 1911 г. новый генерал-губернатор шталмейстер Н.Л. Гондатти в последующих документах характеризовал Мономахова очень положительно. Представляя его 29 сентября 1911 г. к чину действительного статского советника, он пи-

сал: «Обнаруженные... статским советником Мономаховым выдающиеся работоспособность и энергия, при основательном служебном опыте и знании дела ставят его в число особо полезных чиновников края»⁸. 20 февраля 1912 г. Гондатти повторно просил повысить подчиненного к празднику Пасхи⁹. Кроме того, 19 марта 1912 г. генерал-губернатор также ходатайствовал перед Министерством внутренних дел о назначении Мономахову пособия на лечение «ввиду ограниченности получаемого им содержания, многосемейного положения и отличного исполнения своих служебных обязанностей»¹⁰.

Благодаря такому вниманию главного начальника края Приморский вице-губернатор 25 марта 1912 г. получил генеральский чин IV класса, став действительным статским советником.

Однако через полтора года после приезда в край Мономахов вновь оказался в центре скандала. Обстоятельства этой истории были изложены им самим в докладе на имя генерал-губернатора Гондатти, датированном 22 мая 1912 г. Доклад Мономахова сохранился в его личном деле и в деле по обвинению Эни Брунер.

Суть дела представлена им следующим образом. 27 апреля 1912 г. вице-губернатору Приморской области Н.В. Момахову было поручено расследовать жалобу Ивана Ивановича Свешникова на неправильные действия Удской полиции. Проведенное расследование показало, что 4 июля 1910 г. Свешников и вдова Эня Абрамовна Брунер составили товарищество по ловле, засолу, продаже, скупке и прочих операций рыбы кеты и горбуши на мысе Петах, взятом для этой цели в аренду сроком на 12 лет¹¹. Осенью 1911 г., когда компаньон выехал в Москву, Брунер с помощью полиции затеяла против него дело о якобы хищениях им имущества товарищества¹². 5 марта 1912 г. мировой судья города Николаевска приказал выполнить все требования Брунер, удалить с промыслов людей Свешникова и произвести опись имущества. Захватив в свои руки все дело, Брунер отозвала заявление о хищениях, объявив, что установить размер хищения и даже сам его факт до приезда Свешникова она не сможет¹³. Поняв, что поторопился с решением в пользу Брунер, мировой судья потребовал пересмотра дела, но пристав Василевский этого не исполнил, а уездный начальник Сахаров проявил бездействие власти, хотя и был знаком с сутью этого дела¹⁴.

Союзником и ходатаем Свешникова в конфликте интересов с Эней Брунер выступил заведующий водворением переселенцев Николаевского-на-Амуре района и острова Сахалина надворный советник Сергей Михайлович Власьев.

На сторону Свешникова встал и вице-губернатор Мономахов. Как он писал в своем докладе, «только обнаглевший еврей, чувствующий, что за его спиной стоит какая-то невидимая защита в виде ли темных дельцов или кагала, способна на такое бесцеремонное обращение с чужим правом, способна так попираť законы божеские и человеческие». «16 мая [1912 г. – В.А.], – докладывал он далее, – я лично отправился на промысел на “Петах” на пароходе “Владивосток”... Брунер лично мне наглым и дерзким образом отказалась

давать какие-либо объяснения... упорно и нагло повторяла, что она со мной разговаривать не желает, а даст свои объяснения только на суде и суду...

Небезынтересно то обстоятельство, что во время моего разговора с Брунер она предлагала мне обратиться за необходимыми разъяснениями к своим поверенным Хинцинскому и еврею Самуилу Левину... Для меня стало ясно, кто вдохновитель всех действий Брунер»¹⁵.

Мономахов вмешался в конфликт. При поддержке администрации были «взломаны некоторые помещения» и промысел перешел к Свешникову. Владивостокский историк Ю.Н. Ковалевская называет эту историю «первым случаем рейдерского захвата предприятия при поддержке государственных структур» на Дальнем Востоке¹⁶. При этом свое самоуправство чиновник прикрывал патриотизмом самого черносотенного толка: «Несомненно кагальное стремление Николаевских евреев захватить в свои руки еще один рыбный промысел, несмотря на то, что и без того уже все рыбное дело в г. Николаевске находится в еврейских руках. С другой стороны, с помощью японца Симадо нужно было, чтобы рыба с промысла попала на японский, а не на русский рынок... В данном мне Свешниковым объяснении с ясностью и правдивостью рисуется вся та печальная действительность, с которой приходится иметь дело русскому человеку, попавшему в среду хозяев рыбного дела – евреев и японцев»¹⁷.

История с рыбным промыслом на мысе Петах стала достоянием гласности почти сразу же: после того, как Э. А. Брунер телеграммой на имя генерал-губернатора Н.Л. Гондатти подала жалобу на действия Мономахова, обвинив его в том, что он отобрал ее имущество¹⁸. В письменном объяснении она рассказала, что во всем на самом деле виноват коварный С.М. Власьев, на квартире которого в Николаевске остановился Мономахов. По словам Брунер, именно по наущению Власьева вице-губернатор приказал взломать замки и удалить с промысла ее служащих¹⁹.

Узнав о жалобе, Мономахов представил генерал-губернатору рапорт от 23 мая 1912 г. В нем он писал, что Брунер клеветает на него, поскольку он не отбирал ее имущество, а лишь признал равные права Свешникова. И далее: «Давно уже стало общепризнанной истиной, что около каждого еврейского дела, когда оно клонится не в пользу так называемого “обиженного племени”, создается атмосфера грязи, лжи, инсинуаций, клеветы и всяческих наветов... Я ходатайствую... о защите моего доброго имени от выпадов еврейского кагала, за спиной которого стоят николаевские темные дельцы»²⁰.

Антисемитизм Мономахова не встретил поддержки у его непосредственного начальства. Военный губернатор Приморской области генерал-майор М.М. Манакин обвинил своего заместителя «в самоуправстве, превышении власти по делу расследования... неправильных действий Удской полиции по жалобе мещанина Свешникова»²¹. Не одобрил действия вице-губернатора области и Н.Л. Гондатти.

Зато его по достоинству оценили в С.-Петербурге. 4 июня 1912 г. в Министерстве внутренних дел было принято решение о назначении Мономахова губернатором на Камчатку. Официально назначение состоялось через 2 недели, 18 июня. На новое место службы Мономахов прибыл 27 июля 1912 г.²² Через год в качестве вице-губернатора к нему там присоединился А.Г. Чаплинский, переведенный из Амурской области после конфликта с журналистом и редактором газеты «Амурский пионер» А.И. Матюшенским.

Волны, поднятые у северного побережья Японского моря бывшим вице-губернатором Мономаховым, улеглись, однако, не сразу. После того как стало известно о переводе Николая Владимировича из Владивостока, редактор старейшей городской газеты «Дальний Восток» отставной военный моряк Виктор Ананьевич Панов начал публикацию серии статей под общим заглавием «В ожидании сенаторской ревизии». Первая такая статья вышла уже 22 июня 1912 г. В ней Панов подробно излагал историю о том, как Эни Брунер и Свешников создали рыбные промыслы в Никольске. Брунер якобы дала все деньги, Свешников выступил в качестве знающего человека-организатора. Однако он забирал всю прибыль себе, а потом с помощью Мономахова отнял и все дело. Журналист защищал Брунер и требовал проведения сенаторской ревизии²³.

Статья Панова была перепечатана хабаровской газетой «Приамурье» под названием «Выступление В.А. Панова»²⁴.

Сам же редактор «Дальнего Востока» продолжал публиковать свои обличительные статьи в июне и июле 1912 г., не гнушаясь брать материал из далеких от места событий столичных изданий. 15 июля в газете вышла корреспонденция «Под административным флагом», перепечатанная из номера московского «Русского слова» за 1 июля. В ней давалось красочное описание того, как «Мономахов отправился в Николаевск “по служебным надобностям”». С ним вместе поехали Свешников и Власьев. На пароходе компания бурно веселилась. Заказывались обеды, рекой лилось шампанское. Вице-губернатор однажды так расчувствовался, что поднял тост за Свешникова и обещал ему полное покровительство. По приезде в Николаевск Мономахов остановился у Власьева. Компания продолжала жуировать. Обыватели только и видели всех троих друзей в кафе-шантанах и кабаре...»²⁵

Неизвестно, откуда московская газета узнала, что 48-летний примерный семьянин и отец восьмерых детей Николай Владимирович Мономахов шляется в Николаевске по кафе-шантанам и кабаре, и имел ли место такой факт в действительности. Однако нападки на бывшего вице-губернатора не могли остаться незамеченными в канцелярии Приамурского генерал-губернатора.

Генерал-губернатор Н.Л. Гондатти отправил прокурору Владивостокского окружного суда запрос, нельзя ли привлечь редактора «Дальнего Востока» к законной ответственности. Прокурор 31 июля 1912 г. ответил, что он действительно усматривает в статьях В.А. Панова признаки клеветы в печати относительно должностных лиц.

Но для возбуждения судебного преследования необходимо участие потерпевших, Мономахова и полицмейстера Ф.К. Барина²⁶. Однако оба они уже были переведены на другие места службы.

Тем не менее, легко отделаться журналисту на этот раз не удалось. Отчет Владивостокского инспектора по делам печати Н.В. Дюфура за 1911 г. (датированный 10 июля 1912 г.) содержит следующую характеристику газеты «Дальний Восток»:

«“Дальний Восток” (сущ. с 1893 г. [Ошибка в Отчете. Газета «Дальний Восток» выходила с 1892 г. – В.А.]). По направлению примыкает к крайним правым. Редактор отставной капитан корпуса флотских штурманов В.А. Панов, поместивший в течение года ряд оскорбительных статей, направленных против военного губернатора области генерала М. Манакина, вице-губернатора статского советника Мономахова и членов областного по городским делам Присутствия и вызванных недопущением его к участию в городских выборах. За первую статью военным губернатором области был наложен штраф в административном порядке в сумме 500 рублей за сообщение важных сведений о деятельности правительственного установления. Постановление до сего времени не приведено в исполнение и не отменено. За следующие статьи председательствовавшим в Обл. по гор. дел Присутствии ст. сов. Мономаховым редактор газеты Панов был привлечен к ответственности по ст. 1034 Ул. о нак. и судом приговорен к 3-месячному заключению в тюрьме. Кассационная жалоба Панова не рассмотрена»²⁷.

По ходатайству С.М. Власьева, против Э.А. Брунер было возбуждено уголовное дело по ст. 940 Уложения о наказаниях – за клевету. Дело вяло тянулось более двух лет и было прекращено в 1915 г. «за отсутствием состава преступления».

Кампанию против Мономахова уже после его отъезда на Камчатку продолжили другие газеты.

20 июля 1912 г. «Уссурийская окраина» перепечатала публикацию «Дальнего Востока» «Под административным флагом», сопроводив ее следующим редакторским комментарием: «Оставляем это сообщение на ответственность авторов, помещая его лишь как штрих к сенсационному выступлению “Дальнего Востока”, о котором мы в свое время сообщали»²⁸. 22 июля в заметке «К делу Эни Брунер» в отделе хроники со ссылкой на все то же «Русское слово» газета сообщала, что якобы «Свешников предлагает г-же Брунер мировую с уплатой 200,000 руб. за отказ от всяких претензий»²⁹. 5 августа «Уссурийская окраина» писала: «Военный губернатор в Николаевске произвел полное расследование инцидента Мономахов – Брунер. Как сообщают “Приамурью”, результаты таковы, что перед ними бледнеют данные, помещенные В.Ф. Пановым [Опечатка. Панова звали Виктор Ананьевич. – В.А.] в статьях “В ожидании сенаторской ревизии”»³⁰. Месяц спустя, 7 сентября газета сообщила читателям: «...По слухам... камчатскому губернатору Мономахову, в связи с делом Э. Брунер в Николаевске, будет предложено подать в отставку»³¹.

Снова мы видим характерное использование публикаций столичных изданий и передачу в качестве достоверной информации слухов и домыслов. На самом деле, хотя репутация чиновника была основательно «подмочена», ни о какой отставке Мономахова в Министерстве внутренних дел речь даже не шла.

Николай Владимирович Мономахов оставался губернатором Камчатки почти пять лет (с июня 1912 по март 1917 гг.) и оставил там по себе добрую память. При нем в Петропавловске был достроен собор святых апостолов Петра и Павла, возведена часовня над братской могилой защитников города от англо-французского десанта в 1854 г., построена сейсмическая станция, появился телефон. В 1913 г. Николай Владимирович совершил поездку на Чукотку для обследования золотых приисков, проделав более 2 000 верст на собачьих упряжках и лишь иногда верхом на лошади. В 1914 г. стараниями Мономахова была основана первая на Камчатке типография и учреждена первая газета («Камчатский листок»), а в 1915 г. напечатана первая книга – сборник стихов дочери губернатора Натальи Мономаховой «Мои песни»³².

Эхо конфликта с генерал-губернатором отразилось в судьбе Мономахова более года спустя. 14 октября 1913 г. «ввиду нездоровья и необходимости посоветоваться с врачами» Мономахов телеграммой просил разрешения выехать во Владивосток с условием вернуться на Камчатку последним пароходом в эту навигацию³³. Мстительный Н.Л. Гондатти, переменивший свое мнение о Мономахове, 17 октября телеграфировал ему: «Не признано возможным»³⁴.

Телеграмма была передана Камчатскому губернатору уже на борту яхты «Адмирал Завойко» на пути во Владивосток, вынудив его вернуться обратно. В телеграмме от 19 октября он сообщал: «Страдая припадками сердечной боли по совету врачебного инспектора послал Вам 14 октября телеграмму, прося разрешить мне кратковременную отлучку во Владивосток с целью посоветоваться специалистом врачом, памятуя, что на несколько месяцев я буду совершенно отрезан. Не сомневаясь, что это будет мне дозволено, я выехал 17 октября на “Завойко”, отъехав 100 миль, получил Ваш жестокий непонятный отказ, и, будучи воспитан правилами дисциплины чиновничества, я, несмотря на физические страдания, возвратился. Доношу об этом, уведомляя, что медицинское свидетельство мною Вам посылается. 1189. Губернатор Мономахов»³⁵.

В медицинском свидетельстве, подписанном врачебным инспектором Камчатской области Фридом, говорилось: «У пациента последнее время наблюдается упадок сердечной деятельности, сопровождающийся явлениями сердечной астмы и стенокардии (грудной жабы) в связи с незначительной идиопатической гипертрофией сердечной мышцы. Это болезненное состояние, по-видимому, вызвано имевшим место сильным потрясением и питается продолжающимися душевными волнениями, среди которых не последнее место занимают опасения за конечный исход мучительных сердечных припадков»³⁶.

Впрочем, опасения губернатора за свое здоровье оказались напрасными. 11 апреля 1914 г. он писал Н.Л. Гондатти: «После зимнего объезда области я чувствую себя бодрей и потому не считаю себя вправе оставлять область летом... Но... мои семейные дела сложились таким образом, что мне необходимо повидаться зимой 1914–1915 гг. с моей матерью-старушкой и устроить детей в учебных заведениях Европейской части России»³⁷. К письму прилагалось прошение Мономахова о 6-месячном отпуске с сохранением содержания и с отбытием в отпуск с последним пароходом навигации этого года³⁸. Возражений на этот раз не последовало, и 21 ноября 1914 г., после двух с половиной лет работы на Камчатке, Мономахов выехал в отпуск, передав управление областью вице-губернатору Чаплинскому³⁹.

На Камчатку он вернулся 9 августа 1915 г.⁴⁰ Вторично он получил отпуск с 22 ноября 1916 г. Прибыл в Петроград 8 февраля 1917 г., накануне Февральской революции⁴¹. По данным Общества «Мемориал», после революции Н.В. Мономахов остался в России. В 1935 г. он был выслан с женой и семьей младшего сына Александра в село Урицкое Карагандинской области на 5 лет. В 1937 г. ходатайствовал о возвращении в Ленинград, но был арестован. Дальнейшая его судьба неизвестна.

* * *

Итак, Санкт-Петербургские («Речь», «Биржевые ведомости»), московские («Русское слово»), владивостокские («Дальний Восток»), хабаровские («Приамурье») и никольск-уссурийские («Уссурийская окраина») газеты дважды (в 1910 и 1912 гг.) разворачивали целые кампании против Николая Владимировича Мономахова. Первый раз по случаю его перевода из Вологды во Владивосток, во втором – после назначения из Владивостока в Петропавловск губернатором Камчатки. Газеты обвиняли чиновника в черносотенных политических взглядах, самоуправстве по службе, финансовой нечистоплотности, взяточничестве, казнокрадстве и даже в пьянстве и разгуле.

В этих нападениях прессы можно усмотреть отзвуки политической борьбы того времени или же банальное сведение счетов. Направленные против Мономахова публикации газет конституционно-демократической партии «Речь» и «Биржевые ведомости» становятся понятными в свете того, что, по словам этих же изданий, Мономахов «создал свою карьеру на борьбе с кадетами». Статьи редактора «Дальнего Востока» В.А. Панова точно так же можно объяснить его конфликтом с администрацией, не допустившей Панова к участию в выборах, и его желанием отомстить переведенному в другую область чиновнику.

Имеющиеся документы не позволяют пока ответить на вопрос, совершал ли Н.В. Мономахов инкриминируемые ему преступления. Однако показательны возможности российской прессы начала XX в. по созданию негативной репутации должностного лица. Местной

администрации удалось привлечь к ответственности одну владивостокскую газету – «Дальний Восток», столичные же издания, судя по всему, остались в этом случае совершенно безнаказанными.

Так или иначе, газетчикам не удалось испортить карьеру Николая Владимировича Мономахова. Хотя и перемещаясь по службе все дальше и дальше на восток страны, он, в конце концов, дослужился до чина действительного статского советника и должности губернатора. И большевики, решая его судьбу, несомненно, исходили из его реальных заслуг перед императорской Россией.

Примечания

¹ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 1. Д. 2216. Л. 1–14.

² *Смышляев А.* Последний губернатор старой Камчатки // *Дальний Восток*. 2009. № 5. С. 185.

³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2216. Л. 15.

⁴ Там же. Л. 17.

⁵ Там же. Л. 9об.

⁶ Там же. Л. 19.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 38–39.

⁹ Там же. Л. 49.

¹⁰ Там же. Л. 50.

¹¹ РГИА ДВ. Ф. 520. Оп. 1. Д. 57. Л. 9.

¹² Там же. Л. 9об.

¹³ Там же. Л. 10.

¹⁴ Там же. Л. 12об.

¹⁵ Там же. Л. 14.

¹⁶ *Ковалевская Ю.Н.* «Силовое предпринимательство» чиновников в исторической ретроспективе // *Тихоокеанская Россия в междоцивилизационном и общероссийском пространстве: Прошлое, настоящее, будущее*. Владивосток, 2013. С. 40.

¹⁷ РГИА ДВ. Ф. 520. Оп. 1. Д. 57. Л. 15.

¹⁸ Там же. Л. 6.

¹⁹ Там же. Л. 41, 41об.

²⁰ Там же. Л. 17.

²¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2216. Л. 61.

²² Там же. Л. 81.

²³ *Панов В.* В ожидании сенаторской ревизии // *Дальний Восток (Владивосток)*. 1912. 22 июня.

²⁴ Выступление В.А. Панова // *Приамурье (Хабаровск)*. 1912. 26 июня.

²⁵ Под административным флагом // *Дальний Восток*. 1912. 15 июля.

²⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2216. Л. 159–160.

²⁷ РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 11. Л. 37.

²⁸ «Под административным флагом» // *Уссурийская окраина (Никольск-Уссурийский)*. 1912. 20 июля. С. 3.

²⁹ К делу Эни Брунер // *Уссурийская окраина*. 1912. 22 июля. С. 2.

³⁰ К разоблачениям Панова // *Уссурийская окраина*. 1912. 5 авг. С. 3.

³¹ Слух об отставке Мономахова // *Уссурийская окраина*. 1912. 7 сент. С. 3.

³² *Смышляев А.* Последний губернатор старой Камчатки // *Дальний Восток*. 2009. № 5. С. 188.

³³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2216. Л. 103.

³⁴ Там же. Л. 104.

³⁵ Там же. Л. 110.

³⁶ Там же. Л. 115.

³⁷ Там же. Л. 127.

³⁸ Там же. Л. 128.

³⁹ Там же. Л. 164.

⁴⁰ Там же. Л. 192.

⁴¹ Там же. Л. 245.

Автор, аннотация, ключевые слова

Агапов Вадим Львович – канд. ист. наук, доцент Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
agapov_vl@mail.ru

Николай Владимирович Мономахов, потомственный дворянин Саратовской губернии, сделал карьеру в годы русской революции 1905 – 1907 гг. Сначала он достиг должности Вологодского вице-губернатора, затем – Приморского вице-губернатора и, в конце концов, в 1912 г. став последним императорским губернатором Камчатки. Статья, основанная на неопубликованных документах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, посвящена теневым сторонам его чиновничьей карьеры, которые вызвали поток разоблачений его деятельности в российской прессе. Столичные и дальневосточные газеты разворачивали целые кампании против Мономахова, обвиняя его в реакционных, черносотенных политических взглядах, самоуправстве, финансовой нечистоплотности, взяточничестве, казнокрадстве, пьянстве и разгуле. Больше всего репутация чиновника пострадала из-за вмешательства газет в конфликт между русскими и еврейскими предпринимателями из-за рыбных промыслов в Николаевске-на-Амуре в мае 1912 г. В статье раскрывается зависимость газетных статей против Мономахова от политической обстановки в России, от партийных и личных интересов редакторов. Кроме того, раскрывается влияние газетных кампаний на карьеру чиновника.

Революция 1905 – 1907 гг., Российский Дальний Восток, Приморская область, Николаевск-на-Амуре, чиновничество, полиция, пресса, предпринимательство, рыбные промыслы, евреи, антисемитизм, Н.В. Мономахов, Н.Л. Гондатти

References (Articles from Scientific Journals)

1. Smyshlyaev A. Posledniy gubernator staroy Kamchatki. *Dalniy Vostok*, 2009, no. 5, pp. 185.

2. Smyshlyaev A. Posledniy gubernator staroy Kamchatki. *Dalniy Vostok*, 2009. no. 5, p. 188.

3. Kovalevskaya Yu. N. "Silovoe predprinimatel'stvo" chinovnikov v istoricheskoy retrospektive. *Tikhookeanskaya Rossiya v mezhsivilizatsionnom i obshcherossiyskom prostranstve: Proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Pacific Russia in the all-Russian Inter-Civilizational Space: Past, Present, Future]. Vladivostok, 2013, p. 40.

Author, Abstract, Key words

Vadim L. Agapov – Candidate of History, Senior Lecturer, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
agapov_vl@mail.ru

Nikolai Vladimirovich Monomakhov, a hereditary nobleman from Saratov province, made a career during the Russian revolution of

1905 – 1907. First, he achieved the position of Vice-Governor of Vologda region, later that of Vice-Governor of Primorsky region (Primorye) and finally in 1912 he became the Empire's last Governor of Kamchatka. The article based on unpublished documents from the Russian State Historical Archives of the Far East highlights some dark sides in his civil service which entailed a series of exposures of his activities in the Russian press. Both the capital's and Far Eastern newspapers were campaigning against Monomakhov accusing him of reactionary, 'Black Hundred' ideas, arbitrariness, financial unscrupulousness, bribe-taking and embezzlement, drunkenness and revelry. His reputation suffered most as the newspapers covered the conflict between Russian and Jewish entrepreneurs over fisheries in Nikolayevsk-on-Amur in May 1912. The article reveals an interrelation between the newspaper articles and the political situation in Russia as well as the editors' partisan and personal interests. How the high official's career was affected by the press campaign is also discussed.

Russian Revolution of 1905, Russian Far East, Primorsky region (Primorye), city of Nikolayevsk-on-Amur, bureaucracy, police, periodical press, journalism, business, fisheries, Jews, anti-Semitism, N.V. Monomakhov, N.L. Gondatti

**РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ
НОВОРОССИИ И КРЫМА
НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ***

A. Senin

**The Development of Transport System in Novorossia and Crimea
on the eve and during the World War I**

К концу XIX в. Северное Причерноморье Российской империи стало главной горно-металлургической базой страны, чему способствовало открытие богатых месторождений качественного коксующегося угля в Донбассе и железной руды в Криворожье, которую можно было добывать открытым способом. Удачное соседство двух месторождений, близость морских портов Азовского и Черного морей, мягкий климат привлекли в этот регион иностранный капитал. Построенная царским правительством в начале 1880-х гг., Екатерининская железная дорога связала два района добычи полезных ископаемых, что сделало Донбасс и Криворожье еще более привлекательными для отечественных и зарубежных предпринимателей. В кратчайшие сроки там были построены самые крупные в России предприятия, оснащенные самым современным по тем временам оборудованием, с законченным циклом металлургического производства. Они располагали своими доменными и мартеновскими цехами, прокатными станами, шахтами, рудниками, карьерами, производством огнеупорного кирпича и т.д.

Первый этап индустриализации, подталкиваемый бурным железнодорожным строительством, вызвал к жизни значительное число предприятий транспортного машиностроения. Вагоностроительные заводы возникли в Горловке и Дружковке, паровозостроительные – в Харькове и Луганске. Подвижной состав строился в Екатеринославских, Киевских и Одесских железнодорожных мастерских, превратившихся в крупные предприятия. Многие заводы становились многопрофильными комбинатами, наладив выпуск собственных станков и инструментов. Появилось трубопрокатное производство и сельскохозяйственное машиностроение¹. Развитие промышленности предъявило новые требования к транспортной инфраструктуре.

* * *

Пути сообщения в России не имели единого хозяина. В ходе процесса огосударствления железных дорог в последней четверти XIX в. в Северном Причерноморье не осталось ни одной круп-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда; проект «История Новороссии» (№ 15-31-10147).
61

ной частной железнодорожной линии. Казенные железные дороги управлялись Министерством путей сообщения (МПС). Береговая инфраструктура речного и морского транспорта (пристани, порты, каналы, шлюзы, затоны и прочее), за редким исключением, также находилась в ведении Министерства путей сообщения. Суда были преимущественно частными. Основные местные дороги – внутри-губернские почтовые, торговые пути и военные сухопутные сообщения – находились в ведении Министерства внутренних дел. Все остальные сельские и полевые дороги (в основном грунтовые) были в 70-е годы XIX в. переданы в управление и эксплуатацию земским учреждениям. И лишь общеимперскими шоссейными дорогами ведало Министерство путей сообщения.

Общее наблюдение за состоянием сухопутных и водных путей сообщения осуществляли чиновники округов путей сообщения. Транспортная инфраструктура Екатеринославской, Таврической, Херсонской губерний находилась в ведении Киевского округа путей сообщения. На рубеже XIX – XX вв. органам земского и городского самоуправления были переданы некоторые участки шоссе, например часть Южнобережного шоссе в Крыму, проходившего по территории Севастополя.

На заре XX в. специалисты называли Россию «классической страной бездорожья»². 32 % населенных пунктов поддерживали связь с внешним миром только верховыми и пешеходными тропами. Подчас до ближайшей грунтовой дороги нужно было идти пешком до 80 верст. Проселочные дороги, в том числе в южных российских губерниях, часто были столь узкими, что две подводы с трудом разъезжались. Большинство сельских дорог были глинистыми и черноземными. Из-за дождей и снега такие дороги с ноября по апрель были непроезжими. Население старалось приспособиться к этим условиям и делало телеги такой вместимости, чтобы возчик мог вытащить ее руками из грязи.

По данным на 1900 г., в среднем в Европейской России в осеннюю распутицу и весеннее время подвоз грузов по грунтовым дорогам к ближайшим станциям железных дорог сокращался от 48 до 90 %³. Возложив бремя содержания основной массы гужевых дорог на земские учреждения и пообещав выдавать им на дорожное строительство беспроцентные ссуды, на деле государство тратило на содержание этих дорог даже меньше средств, чем расходовало раньше. Поэтому громадная часть отечественных дорог не удовлетворяла самым минимальным требованиям езды по ним. Так, инженер Н. Александров с грустной иронией заметил в своей статье, что едущий даже по, казалось, только что построенной трассе, «на первой же версте летит из экипажа вон, или не может найти следов только что устроенной дороги»⁴. Всего в России к 1917 г. было около 700 тыс. верст грунтовых дорог. Согласно приблизительным подсчетам инженера Е. Головачева, Россия уже в последней трети XIX в. ежегодно теряла от «дурного состояния наших дорог» 353 млн руб.⁵ В 1895 г. по С.-Петербургу проехал первый автомобиль. В 1901 г. появилось

первое автотранспортное предприятие. В 1906 – 1908 гг. открылись первые межгородские маршруты для перевозки пассажиров, в том числе между Севастополем, Ялтой и Гурзуфом. Появление в стране автомобилей не могло не повлиять на улучшение состояния дорог. Согласно требованиям к ним, ширина проезжей части должна быть увеличена до 4 сажень (8,5 м). Радиус на закруглениях не мог быть менее 50 м. На построенных ранее в Крыму горных шоссе радиус в среднем был 10,8 м.⁶ Поэтому реконструкция шоссейных дорог требовала значительных средств.

Первые работы в Крыму, где, по мнению МПС, было «большое автомобильное движение», были проведены на Южнобережном шоссе в районе Ливадии, где ширина проезжей части была доведена до 3,7 сажень (7,8 м) с устройством тротуара и мощением обочин⁷. В начале XX в. при строительстве дорог в России стали применять асфальтовое покрытие. Первый участок такой дороги был построен в 1904 г. в Одессе⁸. Однако абсолютное большинство шоссейных дорог, как и в XIX в., строилось с щебеночным покрытием. Постоянно росла доля расходов на ремонт и содержание дорог. Так, в 1914 г. МПС предполагало израсходовать на эти цели 11,3 млн рублей. Строительную технику (грейдеры, катки, камнедробилки) закупали преимущественно в США.

В МПС отдавали себе отчет в том, что малая протяженность благоустроенных дорог является серьезным препятствием «к успешному экономическому развитию нашего отечества». Поэтому министерство еще в 1914 г. предложило создать специальный Дорожный фонд для выдачи пособий и ссуд земским учреждениям на дорожное строительство. Фонд должен был ежегодно пополняться из средств государственного казначейства. Предложение министерства было одобрено в Государственной думе и Государственном совете и стало законом в июне 1914 г., но выделенные на этот год для Дорожного фонда 1 млн рублей были направлены на военные нужды. В сметы МПС на 1915 и 1916 гг. средства для Дорожного фонда уже не закладывались. На 1917 г. министерство просило выделить для Дорожного фонда уже 25 млн руб., но после межведомственных согласований эта сумма уменьшилась вдвое – до 12 млн руб.⁹

На 1 января 1913 г. в ведении Киевского округа путей сообщения находилось 2 027 верст шоссейных и мощеных дорог. Из них в Крыму – 581,4 верста¹⁰. В годы Первой мировой войны из-за усиленной эксплуатации большинство грунтовых дорог и шоссе пришли в негодность. Инспекторы Управления шоссейных дорог повсеместно отмечали плохое состояние большинства шоссейных дорог Киевского округа путей сообщения: неровный поверхностный слой щебня из-за неправильного ямочного ремонта, дороги прорезаны колеями и покрыты выбоинами, канавы везде запущены, обочины не срезаны и после дождей участки дорог превращались в «корыто с водой», мосты с деревянными настилами требовали замены на более прочный материал. Ремонт, по свидетельству инспекторов, проводился случайно подобранными рабочими, и производился не-

брежно¹¹.

В шоссейной службе Киевского округа путей сообщения было составлено «Руководство при срочных работах по исправлению грунтовых дорог». Исправить дорогу означало допустить проезд воинской фуры с весом до 540 пудов. Для этого нужно было отремонтировать мосты и подъезды к ним, в деревнях устраивать проезжую часть из фашинной или хворостяной выстилки. Можно было использовать камыш или снопки с соломенных крыш. Подъемы и спуски рекомендовалось мостить камнем или выстилать деревянным настилом¹².

В годы войны увеличилось количество ходатайств от предпринимателей о сооружении тех или иных дорог в промышленных районах юга России. 1 мая 1915 г. Совет Съезда горнопромышленников юга России направил письмо министру торговли и промышленности, в котором речь шла о целесообразности связать шоссейными дорогами крупные заводы Донбасса с уездными и административными центрами — Камышевахой, Мариуполем, Старобельском и Таганрогом. Помимо этого, речь шла о необходимости построить дороги: Луганск — Старобельск (95 верст), Дебальцево — Бахмут (40 верст), Бахмут — Славянск (40 верст), Дебальцево — Штеровка (45 верст), Штеровка — Ольховский завод — Луганск (58 верст), Горловка — Бахмут (30 верст) и другие. Всего 1 260 верст. Эти шоссе позволили бы соединить антрацитные и каменноугольные рудники, находившиеся вблизи металлургических заводов, с городами, откуда доставлялись к рабочим основные «жизненные продукты».

По всей видимости, Министерство торговли и промышленности запросило мнение МПС по этому вопросу. 12 июня 1915 г. Управление внутренних водных путей и шоссейных дорог сообщило в Горный департамент Министерства торговли и промышленности, что МПС строит дороги общегосударственного значения, а просьба горнопромышленников состоит исключительно в интересах местной горной промышленности и дороги должны строиться за счет местных средств¹³.

После Февральской революции в Ставке верховного главнокомандующего было создано совещание для разработки плана строительства дорог с твердым покрытием как на театре военных действий, так и в прилегающих губерниях, поскольку грунтовые дороги в распутицу становились «абсолютно непроезжими». Например, предлагалось построить меридиальное шоссе от Нарвы через Псков, Витебск, Бобруйск, Киев, Тирасполь до Одессы¹⁴. Всего предполагалось построить 3 010 верст дорог с твердым покрытием, из них в первую очередь — 2 125 верст. Однако авторы проекта признали, что осуществить эти планы можно будет только в мирное время. При этом дорожное строительство поможет поглотить избыточное количество рабочей силы сразу после демобилизации армии¹⁵.

Управление шоссейных дорог Министерства путей сообщения направило 2 мая 1917 г. доклад во Временное правительство «О подчинении заведывания участка Крымских казенных шоссе непо-

средственно Управлению шоссейных дорог и об изменении штата Управления названного участка»¹⁶.

Для доставки грузов в черноморские порты использовался водный транспорт. В конце XIX в. речное судоходство осуществлялось на Днепре, Днестре и Южном Буге и на некоторых притоках этих рек. Однако интенсивное движение кораблей речного флота постоянно зависело от уровня воды. Многие реки становились судоходными только при весеннем разливе. Неблагоприятные условия (частые засухи и понижение уровня воды, отмели, каменные пороги, отсутствие каналов) существенно сдерживали развитие водного транспорта. Ниже города Екатеринослава течение реки Днепр преграждали каменные пороги, допускавшие только сплав грузов весной, когда в Днепре повышалась вода, да и то на 2-3 недели. Летом и осенью они считались непроходимыми и в эти месяцы грузы перевозили по сухопутным дорогам. Пороги протянулись на 65 верст. На девяти главных порогах (Старо-Кайдацком, Сурском, Лоханском, Звонецком, Ненасытецком, Вольнигском, Будилковском, Лишним, Вольным) даже сплавное судоходство было сопряжено с опасностями. Протяженность самого опасного порога — Ненасытецкого — составляла 873,3 м.¹⁷ Опасность для судоходства представляли карчи — подмытые и снесенные водой деревья с корнями и замытые в песок под водой.

Днепровские пристани играли значительную роль в торговле хлебом, сахаром, солью, лесным строительным материалом. Грузооборот речных перевозок по Днепру постоянно увеличивался. Если за пятилетний период 1888 — 1892 гг. было перевезено 162,2 млн пудов, а на рубеже веков (1898 — 1902 гг.) — 241,0 млн пудов, то в предвоенные годы (1908 — 1912 гг.) уже 270,2 млн пудов¹⁸. Статистика пассажирских перевозок по рекам Министерством путей сообщения не велась.

Для поддержания транзитных глубин, достаточных для беспрепятственного движения грузовых судов во время всей навигации, было необходимо проводить в больших масштабах дноуглубительные работы. Накануне Первой мировой войны их вели на Днепре 11 землечерпательных машин (снарядов) и один паровой экскаватор, на Днестре — 3 и на Южном Буге — 1 машина. В результате широкого применения землечерпалок в 1913 г. на Днепре были достигнуты следующие глубины: от Киева до Екатеринослава не менее 1,2 м, от Запорожья до Никополя — 1,35 м, от Никополя до Херсона — 2,15 м¹⁹. В 1906 г. перевозки по Днепру осуществляли 382 парохода²⁰. В предвоенные годы речные пароходства активно пополнялись новыми судами, более современными по своей конструкции и большей грузоподъемности. Например, для речного флота на Днепре в 1912 г. было построено 187 судов, а в предвоенном 1913 г. — 174 судна²¹.

Второй после Днепра судоходной рекой был Южный Буг. От Николаева до устья глубокое русло позволяло подходить к городским пристаням морским судам. В начале XX в. по нему в среднем ежегодно перевозилось более 20 млн пудов грузов. В основном вез-

ли хлеб, спирт, сахар, рыбу, соль, лесные строительные материалы. Всего в начале века по Днепру, Южному Бугу и Днестру перевозилось до 18 % всех грузов, которые доставлялись потребителям по 12-ти основным речным бассейнам Европейской части России²². Министерство путей сообщения в 1911 г. внесло в Государственную думу законопроект об установлении сборов с судоходства по этой реке в возмещение расходов государства на дноуглубительные работы между городами Вознесенском и Николаевым, но он до войны так и не был рассмотрен²³.

XXII съезд горнопромышленников Юга России в 1897 г. просил министра земледелия и государственных имуществ ходатайствовать перед министром путей сообщения об устройстве судоходного пути по Северному (Северскому) Донцу²⁴. Работы по шлюзованию этой реки были проведены в предвоенные годы, и она стала судоходной от устья до станицы Гундоровской на протяжении 213 верст. Всего было построено 7 плотин со шлюзами. В результате глубина фарватера стала не менее 1,1 сажени (2,3 м)²⁵. В акте о приеме от подрядчика искусственных сооружений было отмечено, что все шлюзы и плотины «расположены в русле реки правильно и что они построены вполне солидно»²⁶.

Бахмутское уездное земское собрание в 1915 г. ходатайствовало о соединении Юзовского района с Северным (Северским) Донцом путем шлюзования верховья рек Кальмиуса и Кривого Торца. Управление внутренних водных путей и шоссейных дорог отклонило это ходатайство, поскольку этот проект требовал глубоких исследований, что в военное время организовать было крайне сложно²⁷.

Навигация последнего предвоенного года на Днепре сложилась неудачно из-за начавшегося уже в июне обмеления реки. Во всеподданнейшем отчете за 1913 г. министр путей сообщения С.В. Рухлов поставил вопрос о шлюзовании Днепра и внес в Государственную думу проект закона о проведении работ по шлюзованию днепровских порогов. Стоимость работ оценивалась МПС в 37 млн 200 тыс. руб.²⁸ Начавшаяся Первая мировая война не позволила осуществить эти планы. К ним вернулись в 1917 г., дополнив предложения провести дноуглубительные работы от Херсона до Александровска, сделав эту часть Днепра доступной для морских каботажных судов²⁹.

Навигацию 1914 г. война застигла во второй ее половине, когда большая часть грузов была уже перевезена или находилась в пути. Положение судоходства осложнилось к концу навигации 1915 г. в связи с нехваткой из-за мобилизации квалифицированных рабочих рук и проблем с ремонтом при недостатке металла, а также топлива. Производившимися наборами в войска командный состав на судах сократился до минимума; за отсутствием рабочей силы, приходилось пополнять состав команды подростками и женщинами, совершенно непригодными к ответственной судовой работе³⁰. Были случаи, когда суда не могли выйти в плавание из-за отсутствия команд³¹. В 1916 г. по Нижнему Днепру и Южному Бугу было перевезено 60 753 тыс. пудов разных грузов. В том числе с пристаней Херсона,

Николаева, Каховки, Никополя, Александровска, Вознесенска и других пристаней этих рек было отправлено на судах 2 568 тыс. пудов хлебных грузов, 44 тыс. пудов соли, 40 тыс. пудов каменного угля. На баржах и других непаровых судах – соответственно 28 832 тыс. пудов хлебных грузов, 97 тыс. пудов соли, 30 262 тыс. пудов каменного угля и 820 тыс. пудов дров³².

29 марта 1916 г. министр путей сообщения А. Ф. Трепов утвердил «Правила о местном заведывании водными перевозками в бассейнах Днепра, Южного Буга и Днестра». Уполномоченному Распорядительного комитета по водным перевозкам в бассейнах этих рек было предложено вести статистику грузооборота пристаней, наблюдать за выполнением планов перевозок и техническим состоянием судов. Под его председательством учреждался Днепровский порайонный комитет по водным перевозкам из представителей различных заинтересованных ведомств, который был призван разрабатывать меры к повышению провозной способности водных путей, согласования водных и железнодорожных перевозок, рассматривать ходатайства судовладельцев о выдаче ссуд на строительство или ремонт складских помещений, постройку новых речных судов³³.

Незадолго до Февральской революции Управление внутренних водных путей представило проект постановления «Об установлении плана строительства новых водных путей, улучшения и развития существующих и о потребных на то ассигнованиях». В нем признавалось, что направления существовавших водных путей России не приспособлены для перевозки каменного угля из мест его добычи потребителям, а перевозки хлеба по воде часто не были кратчайшими и экономически обоснованными. При этом за счет дешевизны перевозок хлеб, топливо и лес составляют 80 % всего водно-речного грузооборота³⁴. Общая длина судоходных рек на начало 1917 г. в России составляла 88 тыс. верст, протяженность сплавных рек – 183 тыс. верст. Управление было вынуждено констатировать, что Днепр в верхнем и среднем течении по-прежнему не имеет выхода к Черному морю из-за днепровских порогов. Шлюзование порогов оставалось первостепенной задачей ведомства путей сообщения. Только это могло открыть путь углю, нефти и соли в область верхнего Приднепровья и для вывоза леса на юг.

Стратегической задачей ведомства было соединение водным путем Днепра и Северного (Северского) Донца путем шлюзования притоков этих рек – Самары и Торца. Это позволило бы перевезить на основной водный путь Причерноморья донецкий уголь и бахмутскую соль для распространения по всему течению Днепра. Водный путь Донец – Днепр более чем вдвое сокращал углю путь вокруг Крыма и устранил бы неизбежную перегрузку угля сначала на морские суда, а затем вновь на речные. Строительство в ближайшем будущем Волго-Донского канала сделало бы возможным движение речных судов от Волги до Днепра. В нижней части Днепра условия судоходства были улучшены за счет проведения дноуглубительных работ³⁵.

В Управлении внутренних водных путей констатировали, что в годы войны резко сократилось производство судов для русской водной сети. Если в предвоенном 1913 г. судостроительные заводы передали заказчикам 220 судов, то в 1914 г. – 210, в 1915 г. – 120, а по итогам 1916 г. – не более 30-ти. Для продления навигации план предлагал построить в первые семь послевоенных лет не менее 10-ти речных пароходов-ледоколов³⁶.

Черное и Азовское моря по климатическим условиям были самыми благоприятными для морского судоходства России. Ввоз и вывоз товаров малым каботажом через порты Черноморско-Азовского побережья и Дуная накануне Первой мировой войны составлял третью часть общероссийского. На долю Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) приходилась пятая часть тоннажа морского торгового флота России. В 1913 г. это общество располагало 84 пароходами. Ему принадлежал антрацитовый рудник в Донбассе, судостроительный и судоремонтный заводы в Одессе. Помимо зарубежных линий РОПиТ осуществлял регулярные перевозки между Одессой и Батуми³⁷. Одним из основных перевозчиком грузов и пассажиров вдоль Черноморского побережья Российской империи было Российское транспортное и страховое общество. Оно обслуживало маршрут Одесса – Батум с заходом кораблей в порты Евпатории, Севастополя, Ялты, Феодосии, Керчи, Анапы, Новороссийска и другие. В выходные дни пассажирские суда курсировали на линии Одесса – Николаев. Общество обслуживало речные маршруты Херсон – Николаев и Херсон – Александровск³⁸.

Развитие перевозок потребовало технической реконструкции главного порта Юга России – Одесского. На рубеже XIX – XX вв. были перестроены Бакалейная набережная, часть Карантинного мола, Военный мол, построены Нефтяная гавань, два эллинга, электростанция и адмиралтейство РОПиТа, расширены мастерские. На все молы и набережные были проведены рельсовые пути. Погрузка хлеба в трюмы кораблей могла осуществляться прямо из вагонов, которые подавались на специальную эстакаду. Во всем порту было электрическое освещение. Для проводки судов в зимнее время в порту имелся ледокол. Общая площадь территории порта составила 77 га. Ежегодно велись землечерпательные работы для удаления наносов и постепенного углубления порта.

В конце XIX в. был существенно перестроен порт в Николаеве. Здесь построили Каботажную гавань, которая могла вместить до 200 речных и каботажных судов. Каботажный мол был соединен железнодорожной линией со станцией Николаев Южных железных дорог. В Николаевском порту имелись плавучие элеваторы, паровой 20-тонный кран, два ледокола. Весь порт имел электрическое освещение³⁹.

Углубление подходов к николаевскому и херсонскому портам значительно сократило каботажные перевозки зерна в Одессу с перегрузкой его на суда дальнего плавания. Прямые заграничные перевозки зерна с погрузкой его в Херсоне выросли с 1902 г. по 1913

г. более чем в 7 раз. Зерноэкспорт Николаева с 1894 г. по 1913 г. увеличился на 35 %⁴⁰. На рубеже XX в. грузооборот причерноморских портов в каботажных перевозках значительно изменился. В 1905 г. по сравнению с 1890 г. он вырос в порту Новороссийска в 2,8 раза, в портах Феодосии и Ялты – в среднем в 2,2 раза, в порту Севастополя – в 1,1 раза и несколько сократился в портах Аккермана и Батума⁴¹.

Война внесла существенные изменения в работу РОПиТа и других судоходных компаний на Черном и Азовском морях. Плавание стало опасным. Суда подрывались на минах и подвергались обстрелам с турецких военных кораблей. Капитанам судов было запрещено выходить из Одессы, Николаева, Херсона, Севастополя и Батума в ночное время из-за постановки минных заграждений вблизи Одесского и других портов. Все это не могло не сказаться на масштабах перевозок по морю. Если в 1913 г. из Одессы ушло в зарубежное плавание 733 судна, в 1914 – 514 (в основном в первое полугодие), в 1915 – 5, в 1916 и 1917 гг. – ни одного. В каботажном плавании в 1913 г. в Одессу прибыло 6 895 судов, в 1916 г. – только 2 023 судна⁴². Значительное количество рабочих портовых предприятий, грузчиков и торговых моряков были призваны в армию и на военно-морской флот. К военно-судовой повинности на Черном и Азовском морях было привлечено 255 различного типа судов торгового флота (из них 30 ранее принадлежало иностранным владельцам). В основном они использовались для военных перевозок. 12 августа 1914 г. в состав заградителей Черноморского флота были включены самые быстроходные суда РОПИТа – «Великий князь Алексей», «Великий князь Константин», «Великая княгиня Ксения», «Цесаревич Георгий» и еще четыре судна. Крупный пароход «Петр Великий» стал плавучим госпиталем. Наиболее современные суда – «Император Николай I» и «Император Александр III» – стали вспомогательными крейсерами – гидроавиатранспорты Черноморского флота. В марте 1915 г. еще 40 судов РОПИТа были зачислены в состав Транспортной флотилии Черноморского флота, предназначенной для оперативной перевозки войск.⁴³

В РОПИТе осталось только несколько небольших судов, поддерживавших сообщение между Николаевым, Херсоном и Одессой. Коммерческие перевозки осуществлялись в основном в Азовском море, где в навигацию 1915 г. было перевезено 16,7 млн пудов грузов, в основном пшеницы и антрацита. Здесь работали корабли Азово-Черноморского пароходства и суда Сарандинаки⁴⁴. Осенью 1916 г. Обществу Черноморской железной дороги, осуществлявшей постройку железнодорожной линии вдоль черноморского побережья на Кавказе, было разрешено иметь свои суда на Азовском и Черном морях для перевозки строительных грузов⁴⁵. Одно из этих судов – транспорт «Сиракузы» – был в 1917 г. потоплен немецкой подводной лодкой у Нового Афона. Судостроительные заводы и мастерские основных портов перешли на производство снарядов и ремонт оружия. Для координации деятельности всех видов транспорта и рационального использования технических средств 1 июня 1916

г. император Николай II утвердил «Временное положение об управлении грузовыми перевозками по Черному и Азовскому морям». Возглавлял это Управление начальник морских перевозок из чинов морского ведомства, подчинявшийся командующему Черноморским флотом⁴⁶.

Территорию Новороссии и Крыма в начале XX в. обслуживали линии трех казенных железных дорог: Екатерининской, Юго-Западных и Южных. Из наиболее крупных строительных работ этих лет стала постройка второй очереди Екатерининской железной дороги (Долгинцево – Никополь – Александровск – Волноваха), открывшей дополнительный выход донецкому углю к Приднепровью, а криворожской руде – к новым металлургическим предприятиям Донбасса. Новая дорога прошла через богатые месторождения марганцевой руды, флюсов, хлебобродные уезды. Руководил работами инженер Б.А. Риппас. На этой дороге было построено 214 мостов, в том числе 16 больших. Кичкасский мост через Днепр у Александровска (проект инженера Л.Д. Проскурякова, возведен под руководством инженера Ф.В. Лата) имел длину 336 м и наибольшее в России пролетное строение – 190 м⁴⁷. На 694-х верстах введена полуавтоматическая блокировка. Велись работы по механической централизации стрелок. Екатерининская железная дорога стала одной из самых технически оснащенных в стране. Главные мастерские в Екатеринославе считались крупнейшими в России. Их ежегодная производительность была рассчитана на постройку и ремонт 200 паровозов и 200 тендеров. Здесь до войны трудились 2,2 тыс. рабочих.

В годы Первой мировой войны была значительно реконструирована станция Нижнеднепровск-Узел, предприняты меры для развития станций Дебальцево, Долгинцево, Пятихатки, Чистяково, Ясиноватая, началось строительство моста через реку Самбек. Были реконструированы платформы для погрузки и выгрузки скота на станциях Лисичанск, Нижнеднепровск, Никополь, Штеровка и других. Была усовершенствована телефонная связь на станциях Авдеевка, Александровск, Горловка, Гуляй-Поле, Криничная, Екатеринослав, Попасная, Сватово, Синельниково, Славяносербск, Юзово, Ясиноватая и других.

В январе 1916 г. на Екатерининской железной дороге был построен первый в России вагон-путеизмеритель конструкции инженера Е.Н. Долгова. Его успешные испытания состоялись 8 марта 1916 г. на участке Екатеринослав – Верховцево. На Екатерининскую железную дорогу поступили американские паровозы серии Е («Декапод»), четырехосные крытые вагоны и полувагоны грузоподъемностью 40–50 т.⁴⁸

В 1906 г. глава «Продугля» Н.С. Авдаков обратился с письмом к министру финансов В.Н. Коковцову, в котором указал, что шахтовладельцы вынуждены приостанавливать добычу угля из-за невозможности своевременно вывозить его за пределы Донбасса. Возникло несколько проектов строительства железных дорог, которые должны были связать Донбасс с промышленными районами централь-

ной части России, в частности Петербург – Славянск и Никитовка – Вязьма. Комиссия о новых железных дорогах Министерства финансов высказалась за строительство более короткой магистрали, которая должна была соединить станцию Льгов Московско-Киево-Воронежской железной дороги и станцию Лихая Юго-Восточных железных дорог с пересечением линии Попасная – Купянск Екатерининской железной дороги. Уже в 1910 г. было открыто временное движение по двухколейному участку от Харькова до Лимана (166 верст) и от Лимана до Славянска (26 верст)⁴⁹. В 1911 – 1913 гг. были приняты в эксплуатацию участки до станции Родаково. Всего было построено 39 станций, 22 разъезда, 228 водопропускных сооружений, 297 мостов. Станция Лиман превратилась в крупнейший в Донбассе сортировочный комплекс. Обратной стороной ускоренных темпов строительства стали большие недостатки и многочисленные отступления от технических норм⁵⁰.

Война замедлила сооружение магистрали. Линия Родаково – Лихая была принята в эксплуатацию лишь в 1916 г. На этом участке были построены самые протяженные в центральной части Российской империи тоннели (966 и 333 сажен). Был проложен также дополнительный путь к Луганску. Северо-Донецкая железная дорога стала важным фактором развития угледобычи в Донбассе и ускорения социально-экономического и культурного развития региона в целом. В июле 1914 г. было завершено строительство Обществом Токмакской железной дороги линии Цареконстантиновка – Верхний Токмак – Федоровка, которая стала связующим звеном между донецким углем и Токмакским месторождением железных руд. Тогда же было открыто движение по Славянской и Ступкинской веткам к соляным копам. В годы войны на Донбассе Екатерининской железной дорогой были построены подъездные пути к шахтам Гришино – Доброполье, Гришино – Рутченково и Чунишино – Сазоново. В целях увеличения интенсивности движения поездов перед войной была устроена путевая автоблокировка и централизация стрелок в Дебальцевском узле и на участках Криничная – Екатеринослав и Юзово – Мариуполь. В годы войны разъезд Родаково был преобразован в сортировочную станцию⁵¹.

В 1907 г. в результате объединения Курско-Харьково-Севастопольской железной дороги и Харьково-Николаевской железной дороги были образованы Южные железные дороги. Накануне Первой мировой войны была проведена централизация 483 стрелок. На 2-путном участке Белгород – Харьков начались работы по устройству путевой блокировки. Был возведен железнодорожный мост через Сиваш, а также Камышовский виадук. 18 станций в 1913 г. были оборудованы электрожелезнодорожной сигнализацией, а участок Славянск – Рапная – электроколокольной сигнализацией. На станции Харьков-Пассажирский смонтировали электроаппарат-«оповеститель», способный транслировать восемь групп объявлений. В 1913 г. на дороге приступили к оборудованию пассажирских вагонов электрическим освещением.

В годы Первой мировой войны под руководством начальника Южных железных дорог статского советника Б.Д. Воскресенского был разработан метод уплотнения работ, направленный на устранение межоперационных простоев за счет ускорения обработки поездов, сокращения времени на технический осмотр и текущий ремонт. В результате удалось сократить простой вагонов на станциях с 6–10 часов до 4–5 часов. Средняя скорость движения поездов в 1916 г. на участке Белгород – Харьков составляла 22,4 версты в час, на участке Лозовая – Славянск – 17,9 верст в час. 21 декабря 1915 г. была введена в эксплуатацию линия Сарабуз – Евпатория (57 верст). Были установлены новые гидравлические колонки на станциях Попово и Джанкой⁵², заменены трубы для водопровода на станциях Белополье, Владиславовка, Знаменка, Казанка⁵³.

В годы войны города Причерноморья приняли большой поток беженцев и предприятий, эвакуируемых с театра военных действий. В основном они перевозились железными дорогами. По состоянию на июнь 1917 г. на территории Екатеринославской губернии находилось 234 700 беженцев, в Таврической – 47 508, в Херсонской – 46 590. Среди городов первое место по числу размещенных беженцев принадлежало Екатеринославу – 33 тыс. человек в ноябре 1916 г. В других крупных новороссийских городах по состоянию на ноябрь 1916 г. их было намного меньше: в Николаеве – 8 тыс., в Одессе – около 10 тыс., в Мелитополе – 3 тыс., в Херсоне – 2,9 тыс. Одновременно в Екатеринославскую губернию из Прибалтики и Польши было перевезено имущество множества крупных и средних предприятий. Например, в Екатеринославе разместились машиностроительные и металлообрабатывающие заводы акционерных обществ «Р. Мангель» и «Сириус», в Горловке – артиллерийский завод товарищества «Беккер и К^о» и другие⁵⁴.

Густая сеть железных дорог, насыщенность их подвижным составом, большое количество речных судов, особенно паровых, постоянный рост товарооборота черноморско-азовских портов обеспечили транспорту юга России важную роль во всероссийском рынке. Развитие транспорта способствовало быстрому обороту товаров, массовой реализации их на территории всей империи. В центральные губернии страны предприятия Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний поставляли металл, речные суда, мостовые конструкции, рельсы, сельскохозяйственные машины, каменный уголь, хлеб, сахар, соль. В обратном направлении на кораблях и поездах везли лес и изделия из него, строительные материалы, нефть и нефтепродукты, ткани, электротехнические изделия. Развитие транспортной инфраструктуры способствовало более рациональному размещению производительных сил, выравниванию цен на товары в различных регионах империи, развитию культурных связей, повышало мобильность населения.

В предвоенные годы русскими инженерами разрабатывались смелые и многообещающие проекты железнодорожного строительства в Новороссии и Крыму. Например, существовал проект соединения

станции Умань Юго-Западных железных дорог магистральной линией со строившимися станциями прибрежной Черноморской железной дороги и далее с Закавказскими железными дорогами. В перспективе предполагалось соединение российских и иранских железнодорожных сетей. По подсчетам инженера Н.Н. Перцова, путь из Лондона в Тегеран по проектируемой Багдадской железной дороге был длиннее российского транзита на 676 верст. Проект новой магистрали приобретал геополитическое значение, поскольку фактически передавал в руки России всю сухопутную торговлю Европы с Персией. Дорога должна была пройти через Николаев, Херсон, Джанкой и Керчь. Был составлен проект уникального мостового перехода через Керченский пролив. Отсутствие достаточных средств и начавшаяся Первая мировая война помешали осуществить этот грандиозный проект⁵⁵.

Транспортная доступность сделала Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую губернии привлекательным для иностранных инвестиций, способствовала бурному развитию Новороссии и превращению ее в главную горно-металлургическую базу страны. Однако этот успех в развитии транспортной системы стал первым шагом к будущему «расстройству транспорта», поскольку индустриальный юг России предъявил к транспорту такие требования, которые он выполнить не смог, особенно в годы Первой мировой войны. Проблемы ликвидации сельского бездорожья, шлюзования днепровских порогов, развития отечественного гражданского судостроения, рациональная организация управления и эксплуатации флота и подвижного состава железных дорог остались в наследство Советской власти.

Примечания

¹ Шацлло М.К. Промышленное развитие Новороссии в пореформенный период // Проблемы истории Новороссии: Сборник статей. М., 2015. С. 123–130.

² Мейен В.Ф. К вопросу о гужевых дорогах. СПб., 1909. С. 1.

³ Там же. С. 6.

⁴ Водные пути и шоссейные дороги. 1917. № 2-3-4. С. 62.

⁵ Лебедев А.В. История транспорта России в XIX – начале XX века. Ярославль, 2011. С. 56; Мейен В.Ф. К вопросу о гужевых дорогах. СПб., 1909. С. 5–6.

⁶ Тухолка П.С. О приспособлении шоссейных дорог к автомобильному движению. СПб., 1912. С. 4, 9.

⁷ Всеподданнейший отчет о деятельности Министерства путей сообщения за 1913 год. Пг., 1914. С. 108.

⁸ Дороги России: Исторический аспект / Под ред. А.А. Надежко. М., 1996. С. 60.

⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 161. Оп. 1. Д. 431. Л. 2об.–4об.

¹⁰ Очерк деятельности Киевского округа путей сообщения. Киев, 1913. С. 295.

¹¹ РГИА. Ф. 161. Д. 349. Л. 2–4, 48–49.

- ¹² Руководство при срочных работах по исправлению грунтовых дорог. Киев, [1915]. С. 9–11.
- ¹³ РГИА. Ф. 37. Оп. 72. Д. 84. Л. 2об.–3об., 6–6об.
- ¹⁴ Дороги России: Исторический аспект / Под ред. А.А. Надежко. М., 1996. С. 66–67.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 161. Оп. 1. Д. 383. Л. 4–8.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 161. Оп. 1. Д. 291. Л. 141.
- ¹⁷ Очерк деятельности Киевского округа путей сообщения. Киев, 1913. С. 49.
- ¹⁸ Там же. С. 25.
- ¹⁹ *Бернштейн-Коган С.В.* Очерки географии транспорта. М.; Л., 1930. С. 252.
- ²⁰ Материалы для статистико-экономического обследования Черноморско-Балтийского водного пути. Киев, 1912. С. 45.
- ²¹ Всеподданнейший отчет о деятельности Министерства путей сообщения за 1912 год. СПб., 1913. С. 88; Всеподданнейший отчет о деятельности Министерства путей сообщения за 1913 год. Пг., 1914. С. 89.
- ²² История народного хозяйства Украинської РСР. Т. 1. Киев, 1983. С. 413.
- ²³ Всеподданнейший отчет о деятельности Министерства путей сообщения за 1913 год. Пг., 1914. С. 102.
- ²⁴ РГИА. Ф. 190. Оп. 4. Д. 173. Л. 4–4об.
- ²⁵ РГИА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 2. Л. 92–94.
- ²⁶ Акты окончательного освидетельствования и приемки от подрядчика шлюзов и плотин на реке Северном Донце. Пг., 1915. С. 2.
- ²⁷ РГИА. Ф. 190. Оп. 13. Д. 102. Л. 151–152.
- ²⁸ Всеподданнейший отчет о деятельности Министерства путей сообщения за 1913 год. Пг., 1914. С. 95.
- ²⁹ Об установлении плана строительства новых водных путей, улучшения и развития существующих и о потребных на то ассигнованиях. Пг., 1917. С. 31.
- ³⁰ Отчет о деятельности Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по перевозке топлива и продовольственных и военных грузов: За период сентябрь 1915 г. – сентябрь 1916 г. Пг., 1916. С. 66, 67.
- ³¹ Известия Распорядительного комитета по водным перевозкам. 1916. № 1. С. 2.
- ³² Движение грузов по внутренним водным путям Европейской России в навигацию 1916 г. Пг., 1917. С. 25.
- ³³ РГИА. Ф. 197. Оп. 1. Д. 5. Л. 116–117.
- ³⁴ Об установлении плана строительства новых водных путей, улучшения и развития существующих и о потребных на то ассигнованиях. Пг., 1917. С. 1.
- ³⁵ Об установлении плана строительства новых водных путей, улучшения и развития существующих и о потребных на то ассигнованиях. Пг., 1917. С. 31, 34; Записка о возможной очереди осуществления соединения соединительных водных путей в Российской империи. СПб., 1913. С. 12–13.
- ³⁶ Об установлении плана строительства новых водных путей, улучшения и развития существующих и о потребных на то ассигнованиях. Пг., 1917. С. 76, 79.
- ³⁷ Под флагом Родины: Очерки истории Черноморского пароходства. Одесса, 1967. С. 93.
- ³⁸ Официальный указатель железнодорожных, пароходных и других

пассажирских сообщений: С 1 сентября 1914 г. по 18 апреля 1915 г. СПб., [1915]. С. 500–507.

³⁹ Приморские торговые порты Европейской России: Белое, Балтийское, Черное и Азовское моря // Труды Отдела торговых портов. Вып. XXIV. СПб., 1908. С. 37–47, 52–57.

⁴⁰ *Бернштейн-Коган С.В.* Очерки географии транспорта. М.; Л., 1930. С. 212–213.

⁴¹ Приморские торговые порты Европейской России: Белое, Балтийское, Черное и Азовское моря // Труды Отдела торговых портов. Вып. XXIV. СПб., 1908. С. 10.

⁴² Под флагом Родины: Очерки истории Черноморского пароходства. Одесса, 1967. С. 109–111.

⁴³ *Истомина Э.Г.* Морской транспорт // Россия в Первой мировой войне, 1914 – 1918: Энциклопедия: В 3 т. М., 2014. Т. 2. С. 438–439.

⁴⁴ *Пузырев В.П.* Торговый флот России в Первой мировой войне 1914 – 1917 гг. М., 2001. С. 95.

⁴⁵ РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 72а. Л. 49.

⁴⁶ РГИА. Ф. 197. Оп. 1. Д. 59. Л. 43–44об.

⁴⁷ *Крейнис З.Л.* Знаменитые железнодорожные мосты Российской империи. М., 2013. С. 92–93.

⁴⁸ *Венгер Н.В.* Екатеринбургская железная дорога в годы Первой мировой войны: Проблемы эффективного администрирования и экономического выживания (1914 – 1917 гг.) // Транспортные коммуникации Российской империи в годы Первой мировой войны. М., 2014. С. 46–54.

⁴⁹ Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 2000 гг. / Сост. Г.М. Афонина. М., 2001. С. 80.

⁵⁰ *Калмыков С.В.* Транспорт и экономика накануне Первой мировой войны (1900 – 1914) // История железнодорожного транспорта России, XIX – XXI вв. М., 2012. С. 144.

⁵¹ *Шандра И.А.* Железные дороги Донбасса в годы Первой мировой войны // Транспортные коммуникации Российской империи в годы Первой мировой войны. М., 2014. С. 28–36.

⁵² *Сенин А.С.* Южные железные дороги // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М., 2009. С. 1262–1263.

⁵³ РГИА. Ф. 273. Оп. 6. Д. 1432. Л. 732об.

⁵⁴ *Черный Д.Н.* Украина // Россия в Первой мировой войне, 1914 – 1918: Энциклопедия: В 3 т. Т. 3. М., 2014. С. 441–443.

⁵⁵ *Сенин А.С.* Проект моста через Керченский пролив // Железнодорожный транспорт. 2016. № 4. С. 75–77.

Автор, аннотация, ключевые слова

Сенин Александр Сергеевич – докт. ист. наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва)
as_senin@mail.ru

В статье впервые в отечественной историографии дана комплексная характеристика транспортной системы Новороссии и Крыма в начале XX в. Показана взаимосвязь между развитием путей сообщения в регионе и стремительным превращением юга России во вторую горно-металлургическую базу страны, в один из ведущих индустриальных центров Российской

империи. На основе ранее неизвестных документов Российского государственного исторического архива рассматривается состояние и планы развития шоссейного строительства, мероприятия по улучшению судоходства по Днепру и Южному Бугу, планы соединения бассейнов Дона и Днепра. Впервые даны сведения о работах по совершенствованию железнодорожного хозяйства в годы Первой мировой войны. Делается вывод, что предвоенный успех в развитии транспортной системы стал первым шагом к будущему расстройству транспорта, поскольку индустриальный юг России предъявил к транспорту такие требования, которые он выполнить не смог, особенно в годы Первой мировой войны.

Российская империя начала XX в., Екатеринославская губерния, Херсонская губерния, Таврическая губерния, Новороссия, Крым, гужевой транспорт, речной транспорт, морской торговый флот, железнодорожный транспорт, каботажные перевозки, Министерство путей сообщения, Первая мировая война

References (Articles from Scientific Journals)

1. Senin A.S. Proekt mosta cherez Kerchenskiy proliv. *Zheleznodorozhnyy transport*, 2016, no. 4, pp. 75–77.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

2. Chernyy D.N. Ukraina. *Rossiya v Pervoy mirovoy voyne, 1914 – 1918: Entsiklopediya: V 3 t.* [Russia in the First World War, 1914 – 1918: Encyclopedia: In 3 vol.]. Moscow, 2014, vol. 3, pp. 441–443.

3. Istomina E.G. Morskoy transport. *Rossiya v Pervoy mirovoy voyne, 1914 – 1918: Entsiklopediya: V 3 t.* [Russia in the First World War, 1914 – 1918: Encyclopedia: In 3 vol.]. Moscow, 2014, vol. 2, pp. 438–439.

4. Kalmykov S.V. Transport i ekonomika nakanune Pervoy mirovoy voyny (1900 – 1914). *Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii, XIX – XXI vv.* [History of Rail Transport in Russia, 19th – 21st centuries]. Moscow, 2012, p. 144.

5. Senin A.S. Yuzhnye zheleznye dorogi. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii (s drevneyshikh vremen do 1917 g.): Entsiklopediya: V 2 t.* [Economic History of Russia (from Ancient Times to 1917): Encyclopedia: In 2 vol.]. Moscow, 2009, vol. 2, pp. 1262–1263.

6. Shandra I.A. Zheleznye dorogi Donbassa v gody Pervoy mirovoy voyny. *Transportnye kommunikatsii Rossiyskoy imperii v gody Pervoy mirovoy voyny* [Transport Communications of the Russian Empire during the First World War]. Moscow, 2014, pp. 28–36.

7. Shatsillo M.K. Promyshlennoe razvitie Novorossii v poreformenny period. *Problemy istorii Novorossii: Sbornik statey* [Problems of the History of Novorossia: Collection of Articles]. Moscow, 2015, pp. 123–130.

8. Venger N.V. Ekaterininskaya zheleznaya doroga v gody Pervoy mirovoy voyny: Problemy effektivnogo administrirovaniya i ekonomicheskogo vyzhivaniya (1914 – 1917 gg.). *Transportnye kommunikatsii Rossiyskoy imperii v gody Pervoy mirovoy voyny* [Transport Communications of the Russian Empire during the First World War]. Moscow, 2014, pp. 46–54.

(Monographs)

9. Bernshteyn-Kogan S.V. *Ocherki geografii transporta* [Essays on the Geography of Transport]. Moscow; Leningrad, 1930, pp. 212–213.

10. Bernshteyn-Kogan S.V. *Ocherki geografii transporta* [Essays on the Geography of Transport]. Moscow; Leningrad, 1930, p. 252.

11. Kreynis Z.L. *Znamenitye zheleznodorozhnye mosty Rossiyskoy imperii* [Famous Railway Bridges of the Russian Empire]. Moscow, 2013, pp. 92–93.

12. Lebedev A.V. *Istoriya transporta Rossii v XIX – nachale XX veka* [History of Transport of Russia in the 19th – early 20th centuries]. Yaroslavl, 2011, p. 56

13. Puzyrev V.P. *Torgovyy flot Rossii v Pervoy mirovoy voyne 1914 – 1917 gg.* [Merchant Fleet of Russia in the First World War, 1914 – 1917]. Moscow, 2001, p. 95.

Author, Abstract, Key words

Alexander S. Senin – Doctor of History, Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
as_senin@mail.ru

The article for the first time in historiography highlights a complex characteristics of transport system in Novorossia and the Crimea in the early 20th century. It shows an interrelation between the development of transportation routes in the region and the turning of Southern Russia into the Russian Empire's leading industrial centre and second-largest mining and metallurgical base. On the basis of previously unknown documents from the Russian State Historical Archives the author examines the state and the plans of further development of highway construction, measures for the improvement of navigation on the Dnieper and Southern Bug, and plans to join the basins of the Don and the Dnieper. Data about the work being done to improve railroad system during World War I are presented. It is concluded that the success in the development of the transport system was followed by further disarrangement of transportation as Russia's transport system failed to comply with the demands of Russia's industrial south particularly during the World War I.

Russian Empire of the early 20th century, Ekaterinoslav province, Kherson province, Tauride province, Novorossia, Crimea, cabotage transport, river transport, maritime merchant fleet, rail transport, short sea transportation, Ministry of Communication Lines, World War I

П.С. Гребенюк
РУКОВОДЯЩИЕ КАДРЫ ДАЛЬСТРОЯ
(1938 – 1945 годы)

P. Grebenyuk

Dalstroy Management Staff (1938 – 1945)

Активное изучение истории Главного управления строительства на Дальнем Севере («Дальстроя») НКВД СССР началось в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда появились первые публикации, основанные на архивных источниках и затрагивающие различные аспекты деятельности этой организации (с 1931 по 1938 гг. – государственного треста) на северо-востоке СССР, в том числе использование принудительного труда заключенных северо-восточных лагерей¹.

До этого времени материалы фонда Дальстроя и Политуправления Дальстроя, хранящиеся в архивах Магаданской области, были закрытыми для исследователей, и выдавались только по специальному разрешению первого секретаря Магаданского обкома КПСС. Одним из вопросов, поставленных в историографии в этот период, стала эффективность хозяйственной деятельности Дальстроя. В серии публикаций А.Н. Пилясов пришел к выводу, что в целом деятельность Дальстроя по экономическим критериям была неэффективной, суммарный объем государственных капиталовложений в Дальстрой и текущие затраты на добычу металлов за все время деятельности были в несколько раз выше стоимости конечной продукции². Однако окончательный вывод об эффективности Дальстроя, по мнению автора, связан с официальным курсом рубля, который определялся директивно.

Во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. после открытия для исследователей материалов фонда Дальстроя, вышли в свет первые обобщающие работы, основанные преимущественно на материалах региональных архивов³. Этапной стала монография А.И. Широкова о первом десятилетии Дальстроя. Выводы автора, рассматривающего Дальстрой как проводника политики форсированной колонизации северо-востока, вызывали в историографии научную дискуссию о характере промышленного освоения региона, отношений региона с центром и степени устойчивости социальной среды.

Еще одним достижением этого периода стала работа В.Г. Зеляка⁴, впервые обобщившего накопленный материал по истории горнодобывающего комплекса Дальстроя, также уделив внимание социальной сфере Колымы и Чукотки, условиям жизни и труда вольнонаемных и заключенных работников Дальстроя.

В последние годы были изданы работы А.И. Широкова и В.Г. Зеляка, написанные с использованием неизвестных ранее документов центральных архивов⁵. Труд А.И. Широкова можно счи-

тать первым комплексным исследованием деятельности Дальстроя. Проанализировав широкий спектр вопросов, автор пришел к выводу, что освоение региона, институциональной формой которого стал Дальстрой, не привело регион к положению «устойчиво обжитой» территории, а применявшиеся государством формы и методы превратили северо-восток страны во внутреннюю колонию, сырьевой придаток⁶.

В целом в современной историографии истории Дальстроя развитие основной, горнодобывающей, отрасли и характеристика трудовых ресурсов находятся в центре внимания исследователей. Тем не менее, многие вопросы, связанные с экономической эффективностью Дальстроя, производительностью труда, эффективностью государственного управления, оценкой исторического опыта принятия государственных решений, историей дальстроевской или колымской повседневности требуют дальнейшего исследования и дискуссий.

Среди них важное место занимают проблемы, связанные с деятельностью руководящих кадров Дальстроя⁷, анализом формирования вольнонаемного состава Дальстроя⁸. Изучение данной проблематики отличается вниманием к личностям высших руководителей организации в 1930 – 1940-х гг. Э.П. Берзина⁹ и И.Ф. Никишова¹⁰. Личности руководителей, их действия и политику в отношении руководящих управленцев целесообразно рассматривать в контексте конкретной ситуации, сложившейся на северо-востоке СССР в указанный период. В конце 1937 г. руководящие кадры Дальстроя во главе с Э.П. Берзиным были репрессированы, государственный трест «Дальстрой» в марте 1938 г. был передан в ведение НКВД СССР, а количество заключенных, направляемых в лагеря на территории Дальстроя, резко увеличилось.

В этой связи представляется важным исследовать изменения, связанные со сменой высшего руководства и переходом организации в НКВД СССР, рассмотреть организационную структуру Дальстроя и проанализировать особенности формирования руководящих кадров и кадровой политики в 1938 – 1945 гг., а также комплекс мер, принятых руководством по налаживанию системной работы с руководящими кадрами, установлению контроля за деятельностью руководящего состава, мобилизации управленческих и производственных кадров в условиях военного времени.

С этой целью нами были изучены «Отчеты о работе отдела кадров Главного Управления Строительства на Дальнем Севере НКВД СССР»¹¹ за 1942 – 1946 гг. Отчеты по кадрам за год и за полугодия начиная с 1942 г. направлялись в НКВД СССР на имя заместителя народного комиссара внутренних дел Б.П. Обручникова. К отчетам прилагались справки о качественном составе номенклатурных работников, годовые и квартальные справки по движению кадров, а также схемы организационной структуры Дальстроя. Эти неопубликованные материалы позволили проследить особенности формирования управленческого костяка Дальстроя, получившего извест-

ность как «золотой фонд» Дальстроя.

Документы позволяют увидеть методы руководства, техническую «изнанку» системной работы с руководящими кадрами, специалистами, инженерно-техническими работниками, резервом на выдвижение, планами вербовки. В этой связи особый интерес представляет малоизвестный справочник для внутреннего пользования – «Сборник руководящих материалов и указаний по работе с кадрами в системе Дальстроя НКВД СССР»¹², изданный в 1945 г. ограниченным тиражом, поскольку резюмировал большой опыт работы с кадрами, накопленный в Дальстрое за годы войны. Помимо инструкций по разным направлениям работы, там подробно излагались вопросы трудового законодательства. Для сотрудников Дальстроя сборник являлся настольной книгой по работе с кадрами.

* * *

Анализ системы формирования руководящих кадров в Дальстрое должен учитывать специфику этой организации. Созданию Дальстроя предшествовали несколько геологических экспедиций и обнаружение крупных запасов промышленного золота в верховьях реки Колымы. В целях «форсирования разработки золотодобычи» было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1931 г. «О Колыме»¹³, которое предписывало создать специальный трест с непосредственным подчинением ЦК ВКП(б). Организационное оформление треста было продолжено постановлением № 516 Совета труда и обороны от 13 ноября 1931 г. «Об организации государственного треста по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы “Дальстрой”».

Директором был назначен Э.П. Берзин, который в 1932 г. получил право руководства советскими и партийными органами в районе деятельности Дальстроя в качестве уполномоченного Дальневосточного крайисполкома и крайкома ВКП(б). Дальстрой подчинялся напрямую ЦК ВКП(б), заявки Дальстроя предписывалось выполнять вне всякой очереди. Все, что относилось к деятельности Дальстроя, было предметом государственной тайны. Государственный трест не имел своего устава, при этом был наделен полномочиями по выполнению государственных функций на вверенной территории и освобожден от большинства налоговых платежей¹⁴. Подвергая сомнению организационно-правовой статус Дальстроя как «государственного треста», А.И. Широков указывает, что понятие «треста» в случае Дальстроя являлось эвфемизмом, маскировавшим реальные цели и задачи организации¹⁵.

Трест «Дальстрой» постановлением СНК СССР от 4 марта 1938 г. был передан в ведение НКВД СССР и преобразован в Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР. Это положение больше соответствовало специфике Дальстроя, тем более что и ранее контроль за деятельностью треста осуществлялся через ОГПУ–НКВД¹⁶. В феврале 1939 г. были созданы Политическое

управление строительства Дальнего Севера и политические отделы управлений¹⁷. Таким образом, с 1938 г. Дальстрой находился в составе НКВД СССР на правах главка, структура организации включала Главное управление и производственные подразделения, среди которых был и Северо-восточный трудовой лагерь¹⁸.

Северо-восточный трудовой лагерь (СВИТЛ), созданный 1 апреля 1932 г. приказом ОГПУ для обеспечения Дальстроя рабочей силой, в административно-хозяйственном отношении был напрямую подчинен директору Дальстроя Э.П. Берзину¹⁹, а Управление северовосточных лагерей вплоть до 1953 г. оставалось составной частью Дальстроя. Согласно приказу ОГПУ, все расходы по перевозке аппарата и заключенных, по их содержанию обеспечивались Дальстроем самостоятельно, кроме этого было установлено что оплата рабочей силы из числа заключенных производится Дальстроем по ставкам, существующим для вольнонаемных рабочих за вычетом стоимости содержания²⁰.

Как свидетельствуют документы, компетенция ГУЛАГА по отношению к СВИТЛ была ограничена. Например, до 1939 г. ГУЛАГ не получал от УСВИТЛ никакой информации кроме данных о количестве заключенных²¹. Роль ГУЛАГА заключалась в функции поставщика рабочей силы, на первоначальном этапе источником ее пополнения стал Дальлаг ОГПУ. После усиления репрессий в 1937 г. количество заключенных в Севвостлагере резко выросло. Как отмечают исследователи, динамичное увеличение численности заключенных началось с июля 1937 г. и привело к тому, что на 1 января 1939 г. в Севвостлаге находилось 138 170 заключенных, что составило более 10 % общего числа заключенных в лагерях НКВД СССР²².

К началу 1940-х гг. в результате нескольких реорганизаций сложилась структура Севвостлага, в июне 1940 г. он был реорганизован в Управление северовосточными исправительно-трудовыми лагерями, а районам Севвостлага НКВД СССР были присвоены статусы управления лагерей. Всего в составе УСВИТЛ насчитывалось семь лагерей: Заплаг, Севлаг, Юзлаг, Юглаг, Теньлаг, Транслаг, Дорлаг²³. Количество лагерей соответствовало численности крупнейших производственных управлений Дальстроя, каждый из лагерей вел работы по обслуживанию соответствующего участка работы. Например заключенные Севлага работали на приисках Северного горнопромышленного управления Дальстроя, Юглаг обслуживал Южное горнопромышленное управление и т.д. Максимальное приближение лагеря к производству было подтверждено принципом единоначалия, закрепленного приказами руководства Дальстроя и заключавшегося в том, что на каждом уровне организационной структуры Дальстроя начальники лагерных подразделений находились в подчиненном положении по отношению к начальникам производственных управлений и подразделений.

Работа Дальстроя, начавшаяся в 1932 г. в бухте Нагаева и в районе Верхней Колымы, к 1943 г. охватывала площадь в 2 млн 266 тыс. кв. км²⁴, включая в себя северное побережье Охотского моря

от Удской до Пенжинской губы, полностью бассейны рек Колымы, Индигирки, Яны, Восточная Хандыгы и Чукотский полуостров. Административно территория деятельности Дальстроя входила в состав Хабаровского края и Якутской АССР. Главное управление Дальстроя располагалось в г. Магадане. Начальник Дальстроя имел в подчинении несколько заместителей (в том числе заместителя – начальника политуправления, заместителей начальника по строительству, по оловодобыче, по кадрам), равный статус с которыми имел главный инженер Дальстроя. Аппарат Главного управления состоял из более чем 20-ти подразделений (в 1942 г.)²⁵, среди которых были Производственно-технический отдел, Маркшейдерский отдел, Планово-экономический отдел, Финансовый отдел, Административно-хозяйственный отдел, Строительно-технический отдел, Отдел главного механика, Энергоотдел, Горный отдел, Промышленно-заводская инспекция, Контрольно-ревизорский отдел, Фабрично-заводской отдел, Ветеринарная инспекция, Горно-техническая инспекция, Транспортный отдел, Отдел кадров, Отдел нормирования труда и зарплаты, Главная бухгалтерия, Юридическое бюро, Научно-технический совет, секретариат и другие структурные подразделения.

Разветвленная структура аппарата Главного управления как управленческого центра Дальстроя отражала многонаправленную организационную схему Дальстроя, которая в конце 1942 г. включала следующие управления и организации: Политуправление (в подчинении сеть политотделов управлений, Магаданский горком и райкомы ВКП(б)), Геолого-разведочное управление, Управление «Севвостлаг», Административно-гражданский отдел (в ведении деятельность исполкомов Среднеканского, Ольского, Северо-Эвенского районов Хабаровского края), Управление капитального строительства, Управление исправительно-трудовых лагерей, Управление автотранспорта, Управление Нагаевского порта, Колымское речное управление, Управление дорожного строительства Алдана, Управление дорожного строительства Севера, Управление «Дальстройуголь», Управление связи, Управление рыболовства, Управление сельского хозяйства, Аэрогеодезическое управление, Управление «Колымпроект», Авиаотряд. Кроме того, действовали авторемонтный завод, судоремонтный завод, энергокомбинат, промышленный комбинат, городской коммунальный отдел, гидрометеослужба, центр научно-исследовательской лаборатории и издательство. Снабжением ведали тресты «Колымснаб» (г. Магадан) и «Дальстройснаб» (г. Москва), а также Приморское управление Дальстроя.

Основная деятельность Дальстроя была связана с добычей золота и олова. Она осуществлялась через восемь горнопромышленных управлений (конец 1942 г.): Северное, Западное, Чай-Урьинское, Южное, Тенькинское, Юго-Западное, Янское, Чаун-Чукотское²⁶. Горнопромышленные управления охватывали основные горнодобывающие районы на обширной территории северо-востока СССР.

Так, Северное ГПУ с центром в поселке Ягодное располагалось на расстоянии 545 км. от Магадана, Западное с центром в поселке Сусуман на расстоянии 641 км. от Магадана, Юго-Западное в поселке Сеймчан в 600 км от Магадана, Чаун-Чукотское в поселке Певек в 2 000 км от Магадана.

Территориально-организационная структура горнопромышленных управлений постоянно изменялась в соответствии с производственными требованиями. Южное управление было выделено из Юго-Западного в 1938 г., Тенькинское управление начало работу в 1939 г., Чай-Урьинское было выделено из состава Западного управления в 1940 г., Янское горнопромышленное управление было создано в 1941 г. для разработки оловоносных месторождений в Якутии, для организации добычи олова на Чукотке в 1942 г. было образовано Чаун-Чукотское горнопромышленное управление, в 1944 г. начало работу Индигирское горнопромышленное управление.

Горнопромышленные управления Дальстроя в 1942 г. объединяли 38 приисков, 10 рудников и 16 обогатительных фабрик. Как было отмечено, в распоряжении начальника горнопромышленного управления для обеспечения рабочей силой находились ресурсы соответствующего лагеря Севвостлага. Кроме того, каждое горнопромышленное управление имело в подчинении целый комплекс необходимых предприятий, включая геолого-разведочную службу, электростанции, ремонтно-механические мастерские, автобазы и дорожные отделы, связь, санитарные учреждения, жилищно-коммунальное хозяйство, подсобные сельские и лесные хозяйства, строительные конторы и мастерские бытового обслуживания, предприятия торговли и общественного питания.

Структура главка отражала масштаб задач, стоящих перед Дальстроем: для выполнения планов по добыче золота и олова необходимо было организовать транспортную и снабженческую инфраструктуру, обеспечить развитие обслуживающих отраслей.

В 1946 г. в Дальстрое работало 204 150 человек, из них вольнонаемных 104 730 человек, заключенных 65 453 человек, специальный контингент (так в отчетных документах Дальстроя именовались послевоенные репатрианты – советские граждане, по разным причинам в годы войны оказавшиеся на вражеской территории; в эту группу включались командиры Красной армии из числа бывших военнопленных, а также лица, служившие рядовыми в немецкой армии, армии Власова, национальных легионах, полиции и т.д.)²⁷ – 29 515 человек. Среди вольнонаемного состава были 20 620 человек, прибывших по договорам и направлениям партийных и советских органов и членов их семей, 1 110 человек представителей коренных национальностей, при этом среди вольнонаемного состава насчитывалось 73 324 человек бывших заключенных²⁸. Согласно расчетам, к 1945 – 1946 гг. около 70 % всего вольнонаемного состава работников Дальстроя составляли бывшие заключенные Северо-восточных лагерей, остальная часть – в основном прибывшие на работу в Дальстрой по договорам и направлениям еще до начала войны.

Помимо приехавших по направлениям ЦК ВКП(б) и НКВД СССР, организованный набор включал комсомольцев и молодежь направленных на работу в Дальстрой комсомольскими организациями Москвы, Ленинграда и других городов по указанию ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ. Однако в целом ежегодное пополнение за счет вербовки не обеспечивало потребности Дальстроя в квалифицированных специалистах. Например, в 1939 г. прибыло 3 654 человека, в 1940 г. – 5 589 человек, в 1941 г. – 1 006 человек, в 1942 г. из 144 человек специалистов, выделенных для Дальстроя на 1 декабря 1942 г. прибыли только 29 человек²⁹. Как видно, работа на Дальнем Севере в тяжелых условиях была непопулярна в центральных регионах страны, а с началом войны и традиционные методы пополнения персонала перестали действовать.

Условия, в которых жили и работали люди на Колыме и Чукотке в период войны, были чрезвычайно тяжелыми. К тому же с 1 октября 1942 г. вольнонаемным работникам Дальстроя было прекращено начисление процентных надбавок за работу в районах Крайнего Севера и отменены прочие льготы (удлиненные отпуска, единовременные пособия и другие)³⁰. Изменения объяснялись нуждами фронта. Во время войны все работающие были закреплены в Дальстрое, и начиная с 1943 г., с изменением положения на фронте, а в особенности после победы многие работники ставили вопрос об увольнении из Дальстроя и выезде в Москву и другие города страны или предоставлении отпусков, однако получали отказ. Они направляли жалобы в центральные партийные и советские органы, в том числе в НКВД–МВД СССР. Стремление людей к выезду на прежнее место жительства в центральные районы страны в Дальстрое получило название «материковских настроений»³¹.

Добыча золота Дальстроем, по нашим подсчетам, составила 314,4 т в 1931 – 1940 гг., и 537,5 т в 1941 – 1950 гг.³² Всего в СССР с 1931 по 1940 гг., также по нашим подсчетам, было добыто 1 247 т золота³³, а с 1941 по 1950 гг. – 1390 т³⁴, причем удельный вес золотодобычи Дальстроя составил около 1/3 от общего производства золота в СССР в 1930 – 1940-е гг. Результаты Дальстроя основывались на разработке богатейших участков золотых россыпей при широкомасштабном использовании принудительного ручного труда. Учитывая абсолютное значение золота для выполнения пятилетних планов, а также тот факт, что себестоимость дальстроевского золота была самой низкой в СССР, Дальстрой сыграл в 1930 – 1940-е гг. решающую роль в обеспечении внешнеторговых операций и наращивании золотого запаса страны. В годы войны роль Дальстроя заключалась и в удержании темпов золотодобычи, тогда как в других золотодобывающих районах СССР и мира наблюдалось падение производства.

Таким образом, указанные факторы подчеркивали особое отношение высшего руководства страны и лично И.В.Сталина к Дальстрою, что наряду с характером поставленных задач, географией деятельности, тяжелыми условиями производства и суровым климатом Крайнего Северо-Востока обусловили формирование в Дальстрое

специфической системы управления. К ее главным особенностям относились: централизация управления – сосредоточение в Главном управлении Дальстроя, помимо основных функций, связанных с добычей металлов, также функций по управлению лагерным сектором (через Управление северо-восточных исправительно-трудовых лагерей НКВД СССР «Севвостлаг»), партийными органами – горкомом и райкомами ВКП(б) (через Политическое управление Дальстроя), советскими органами Среднеканского, Ольского, Северо-Эвенского районов (через Административно-гражданский отдел Дальстроя); сосредоточение всей полноты властных полномочий в руках руководителя – директора (начальника) на всей территории Дальстроя и в руках начальников горнопромышленных управлений Дальстроя на периферии; широкомасштабное использование труда заключенных и связанное с этим подчинение лагерного сектора производственному на всех уровнях управления; полная независимость от всех учреждений и организаций СССР, непосредственная подчиненность Совету труда и обороны СССР, а с марта 1938 г. – НКВД СССР; выделение огромной территории деятельности в практически автономный, особый административный район; непосредственное осуществление государственных задач, связанных с решениями партии и правительства – проведение коллективизации, реконструкция хозяйства, культуры и быта коренных народов Севера; автономное руководство в использовании имеющихся ресурсов (водных, лесных); наличие собственных военизированных подразделений, морского и речного флота, авиационных единиц и аэродромов; секретность, связанная с характером выполняемых работ (добыча золота), использованием заключенных, наличием протяженной государственной границы и охраной пограничной территории.

Указанные особенности организации экономической деятельности и системы управления позволили ученым выделить Дальстрой как особый институт освоения Севера – «интегральный комбинат»³⁵ или «суперорганизацию»³⁶. Данный подход отмечает уникальность Дальстроя в системе государственной власти СССР, и обращает внимание на особенности формирования руководящих кадров, являвшихся проводниками государственных решений. Думается, вопросы эффективности государственного управления должны рассматриваться в связи со спецификой руководящего состава Дальстроя.

* * *

Руководящие кадры Дальстроя периода 1932 – 1937 гг. подбирались первым директором Э.П. Берзиным, многие прибыли вместе с ним в бухту Нагаева еще в феврале 1932 г.³⁷ Высшее руководство первой волны отличала принадлежность к органам ОГПУ, заметный удельный вес беспартийных и уроженцев окраин бывшей Российской империи (что было связано с личным опытом и связями Э.П. Берзина), а также революционная психология. Колыма воспринималась ими как важный революционный проект на сложном отда-

ленным участке. В этот период Дальстрой структурно не подчинялся ОГПУ–НКВД, тем не менее контроль за деятельностью Дальстроя и связь с Берзиным осуществлялась непосредственно через руководителя ОГПУ–НКВД. Э.П. Берзин имел большую степень свободы в принятии решений, управленческая верхушка треста персонально формировалась первым директором и отличалась своеобразием. В силу сложности условий, уровня секретности поставленных задач и особенностей лагерной экономики руководящие кадры Дальстроя пополнялись сотрудниками ОГПУ–НКВД, в том числе людьми с опытом работы в ГУЛАГе.

В середине 1930-х гг. одной из ключевых фигур в организации взаимодействия Дальстроя и ГУЛАГа являлся З.А. Алмазов, занимавший должность помощника начальника Дальстроя и начальника Московского управления Дальстроя, и одновременно с 1933 г. замещавший должность помощника начальника ГУЛАГа, а в ноябре 1934 – июле 1935 гг. во время отпуска Э.П.Берзина, – и.о. директора Дальстроя.

Тем не менее, особенностью Дальстроя было обособленное структурное положение, все кадровые вопросы по руководящим кадрам рассматривались персонально и решались исключительно через первого директора Э.П.Берзина. Эти процессы имели место как при направлении на работу в Дальстрой, так и при выезде с территории Дальстроя. Показательна в этой связи отправка в Дальстрой группы бывших ленинградских чекистов (в том числе Ф.Д. Медведя и И.В.Запорожца), осужденных по делу об убийстве С.М.Кирова. Нарком внутренних дел СССР Г.Г. Ягода в на встрече с Э.П. Берзиным предложил ему использовать ленинградцев по линии НКВД, на что Э.П.Берзин ответил: «... Использовать я их использую, но так, как мне нужно». И после встречи с бывшими чекистами в Москве, принял решение направить их на дорожные работы³⁸. Неограниченная власть первого директора Дальстроя, его личные доходы и имущество, закрытость и особое положение Дальстроя послужили в июне 1937 г. материалом для письма бывшего начальника ГУЛАГа Л.М. Когана заместителю наркома внутренних дел СССР «о подозрительной деятельности» Э.П.Берзина³⁹. По всей видимости, данное письмо, по сути являвшееся доносом, сыграло свою роль и в аресте Э.П. Берзина в декабре 1937 г.

После ареста Э.П. Берзина, начальником Дальстроя был назначен старший майор госбезопасности К.А. Павлов. Вместе с ним на Колыму прибыла группа новых руководящих работников, а также «московская бригада» чекистов. В 1937 – 1938 гг. в рамках сфабрикованного дела о «Колымской антисоветской, шпионской, повстанческо-террористической, вредительской организации» многие руководящие работники первой волны, в том числе соратники Э.П. Берзина, были репрессированы⁴⁰.

С передачей Дальстроя в ведение НКВД, он был включен в общую систему наркомата, в сравнении с берзиновским периодом происходил активный обмен руководящими кадрами с аппаратом

НКВД, осуществлявшийся уже в служебном порядке. Вместе с увеличением количества заключенных, увеличивалась и численность аппарата Севвостлага и вооруженной охраны. Начальник Дальстроя в 1937 – 1939 гг. К.А. Павлов, непосредственно руководивший Большим террором на Колыме, постоянно изъявлял желание покинуть Дальстрой, тем не менее пользовался личной поддержкой И.В. Сталина, о чем свидетельствуют телеграммы вождя в ответ на жалобы на порядки в Дальстрое и на недостатки в работе начальника Дальстроя⁴¹.

При К.А. Павлове в составе Хабаровского края указом Верховного совета РСФСР от 14 июля 1939 г. был создан Колымский округ с центром в Магадане, этим же указом преобразованным в город⁴². Создание округа подразумевало создание Колымского исполкома и окружного комитета партии, однако после шифротелеграммы генерального секретаря ЦК ВКП(б) этот процесс был остановлен. И.В. Сталин указывал: «... Предложение об освобождении Дальстроя от ряда важнейших функций и превращение его в простой главк считаю схематичным, нежизненным. В Москве мыслится Дальстрой не как главк, а как комбинат специального типа, работающий в специфических условиях использования исключительно или почти исключительно уголовных людей. Эта специфика требует особых условий работы, особой дисциплины и особого режима. Оторвать от Дальстроя важнейшие функции, хотя бы и не связанные непосредственно с добычей металла, – значит ликвидировать особый характер Дальстроя, как комбината, базирующегося на уголовной силе. Вы упустили из виду, что другого населения в районе Дальстроя, кроме уголовного, нет или почти нет. Мне кажется далее, что неправильно поступили, организовав для Колымы специальный окружок. Эту ошибку придется на днях исправить»⁴³. Настоящее послание вождя – образец сталинской политики воспитания кадров, показывающее что их решения ничего не стоят, а учитывая, что создание округа и попытки освобождения Дальстроя от несвойственных функций происходили на пике кампании «добывания троцкистов» на Колыме и при одобрении К.А. Павлова, это также был сигнал прекратить усердное «исправление недочетов» берзинского периода. Фраза вождя о «комбинате специального типа» надолго стала визитной карточкой Дальстроя, использовавшейся в отчетных документах и партийно-советской фразеологии.

Одновременно послание И.В.Сталина подготовило почву для смены высшего руководства. Это был карт-бланш для нового начальника Дальстроя комиссара госбезопасности 3-го ранга Ивана Федоровича Никишова, в ноябре 1939 г. приступившего к исполнению обязанностей. Статус И.Ф. Никишова был усилен тем, что он был не просто начальником Дальстроя, но одновременно являлся представителем ЦК ВКП(б) и кандидатом в члены ЦК. Это было сделано с тем, чтобы подчеркнуть подчиненное положение начальника Политуправления в системе Дальстроя. Вместе с новым начальником в Магадан прибыла группа работников, назначенных на руково-

дящие должности. Так, заместителем И.Ф. Никишова был назначен старший майор госбезопасности С.Е. Егоров, до этого являвшийся заместителем начальника ГУЛАГа, И.К. Сидоров стал начальником Политического управления, В.Ф. Белов – заместителем начальника Политического управления (в 1940 г. был избран первым секретарем Магаданского горкома ВКП(б)). Руководством были пересмотрены дела осужденных и находившихся под следствием дальстроевцев, многие были освобождены и вновь приняты на работу. В целом с приходом И.Ф. Никишова прослеживается установка на стабилизацию и начало новой кадровой политики.

Судя по имеющимся данным, в 1930-е гг. не было целенаправленной работы с руководящими кадрами. В целом работа по штатам до 1941 г. не была сосредоточена в отделе кадров Главного управления: ею занимались различные отделы, включая Финансовый, Плановый и Отдел нормирования труда и зарплаты (такая же ситуация была и на периферии). Фактически в работе по структуре и штатам ограничивались утверждением штатов в начале года. После передачи Дальстроя в ведение НКВД СССР этой сфере деятельности стало уделяться большее внимание. В 1939 – 1940-х гг. были отдельные попытки привести в порядок работу по руководящим кадрам, однако работа по-прежнему сводилась в основном к распределению прибывавших в Дальстрой работников, оформлению выезда, уволенных и выбывающих в отпуск, а также к регистрации перемещений и назначений работников.

С началом войны обстановка потребовала коренной перестройки работы Дальстроя, в том числе по руководящим кадрам и персоналу. В этой связи важно отметить, что до 1941 г. за все время существования Дальстроя не было проведено ни одного совещания работников по кадрам.

Формирование новой системы было положено приказом начальника Дальстроя № 070 от 9 июля 1941 г. которым был утвержден перечень должностей номенклатуры начальника Главного управления строительства Дальнего Севера, а также инструкция о порядке назначения, утверждения, снятия, увольнения, перемещения и ведения дел номенклатурных работников⁴⁴. В декабре 1941 г. впервые было проведено совещание работников по кадрам, на котором были подведены итоги работы и намечены очередные задачи. На совещании в качестве одной из мер для улучшения работы с кадрами был принят договор о социалистическом соревновании между отделами (и отделениями) кадров управлений, предприятий и организаций Дальстроя.

В марте 1942 г. было утверждено «Положение об отделах и отделениях кадров управлений Дальстроя», которым установлена четкая система организации всей работы по кадрам. Отделы и отделения кадров были обязаны планировать свою работу, для чего каждый месяц составлялись планы работ. В 1942 г. в отделе кадров Главного управления Дальстроя работало 29 человек.

Основными направлениями были работа по руководящим ка-

драм, подготовка и комплектование кадров, трудоустройство бывших заключенных, организация управленческого аппарата и штатов, оформление и допуск к секретной работе, учет военнообязанных, организация справочной работы, обеспечение повседневных нужд сотрудников Дальстроя. Условия работы на Колыме и Чукотке, отсутствие на территории Дальстроя «нормальных» органов Советской власти и преобладание заключенных и бывших заключенных в структуре трудовых ресурсов обусловили и особенности работы с кадрами. В силу этого, наряду с выполнением основных обязанностей по работе с кадрами отдел кадров Главного управления занимался привлечением к работе бывших заключенных, а также обеспечением социально-бытовых условий для сотрудников, прибывавших на работу в Дальстрой в порядке организованного набора. Такая деятельность заключалась в оформлении вызова членов семей, переезда, выдаче документов на бронирование жилья, перевод семьям зарплаты, отправка вещей, установление пенсий, оформление выезда из Магадана. Фактически отдел выполнял функции адресного стола, справочного бюро для работников Дальстроя, занимался организацией и учетом военнообязанных.

В рамках работы по руководящим кадрам отдел подбирал работников и оформлял материалы для замещения должностей, осуществлял консультирование подчиненных подразделений по кадрам в руководстве работой по подбору и закреплению работников, а также вел работу по формированию резерва молодых кадров для выдвижения на руководящую работу.

Подбор и расстановка руководящих кадров осуществлялась через институт номенклатуры. Под «номенклатурой» исследователями понимается перечень наиболее важных должностей в государственном аппарате и организациях, кандидатуры на которые предварительно рассматривались, рекомендовались, утверждались и отзывались партийным комитетом вплоть до ЦК партии⁴⁵.

Институт номенклатуры, направленный на контроль за кадрами, а также на обеспечение компромисса между партийным и государственным аппаратом, эволюционировал с 1920-х гг. вместе с внутриполитическими изменениями в СССР. Основной принцип оставался неизменным: административная верхушка каждого ведомства или организации утверждалась по списку вышестоящего уровня – ЦК, министерства или обкома. Важные посты в партийных, государственных и общественных организациях были номенклатурой Политбюро, Секретариата или отделов ЦК партии⁴⁶. Перед рассмотрением кандидатур на Политбюро или Секретариате с ними проводилось собеседование в соответствующем отделе ЦК.

В Дальстрое с 1941 г. сложилась кадровая система, включающая три основных номенклатуры: первая – объединенный список должностей номенклатуры ЦК ВКП(б) и НКВД СССР; вторая – номенклатура начальника Дальстроя; третья – номенклатура начальников управлений.

В целом, к руководящим кадрам Дальстроя можно отнести ра-

ботников, занимавших номенклатурные должности согласно указанным спискам, при этом первая номенклатура включала должности высшего руководства Дальстроя – утверждение кандидатов проводилось НКВД СССР при согласовании с аппаратом ЦК ВКП(б). Должности второй номенклатуры – среднее звено руководящего состава – утверждались персонально начальником Дальстроя, должности третьей номенклатуры – низового звена руководящих кадров – начальниками управлений Дальстроя.

Высшее руководство Дальстроя формировалось на основе должностей номенклатуры ЦК ВКП(б) и номенклатуры НКВД СССР. По вопросам назначения необходимые документы на кандидатов готовились в НКВД СССР. Кандидатуры на утверждение согласовывались между Секретариатом ЦК и Отделом кадров НКВД СССР. Согласно отчетным документам Дальстроя, вплоть до конца 1940-х гг. два этих списка объединялись в единый список как «номенклатура ЦК ВКП(б) и НКВД СССР по Дальстрою» или «первая номенклатура». В рамках первой номенклатуры объединялись должности по Главному управлению Дальстроя и по Политическому управлению Дальстроя. Это отражало специфику Дальстроя и было связано с тем, что все партийные комитеты, действовавшие на территории деятельности Дальстроя – Магаданский горком, Среднеканский, Ольский и Северо-Эвенский райкомы, а также комитеты ВЛКСМ (1942 г.) – подчинялись непосредственно Политическому управлению Дальстроя, начальник Политуправления Дальстроя одновременно являлся заместителем начальника Дальстроя. Все ключевые должности в Дальстрое, включая руководство Политуправления и УСВИТЛ входили в первую номенклатуру.

На конец 1942 г. в Дальстрое имелось 63 должности, входящих в номенклатуру ЦК ВКП(б) и НКВД СССР, 61 должность была замещена. Из числа работающих в занимаемых должностях были утверждены ЦК ВКП(б) и НКВД СССР 45 человек, в 1939 г. – 3 человека, в 1940 г. – 5 человек, в 1941 г. – 12 человек, в 1942 г. – 25 человек⁴⁷. Помимо начальника Дальстроя и пяти должностей заместителей, в номенклатуру ЦК ВКП(б) и НКВД СССР также входили должности: главный инженер, 14 должностей начальника отдела Главного управления, 31 должность начальника управления и предприятия, начальник УСВИТЛ и две должности заместителя, две должности начальника отдела УСВИТЛ, начальник штаба ВОХР, начальник и заместитель начальника треста «Дальстройснаб», три должности начальника отдела треста «Дальстройснаб»⁴⁸.

Среди руководящих работников Дальстроя на 1 января 1944 г. работало 95 человек офицерского состава, имеющих военные и специальные знания, включая начальника Дальстроя комиссара госбезопасности III ранга И.Ф. Никишова, начальника Политуправления комиссара госбезопасности И.К. Сидорова, заместителя начальника Дальстроя комиссара госбезопасности С.Е. Егорова. Всего на 1 января 1945 г. в Дальстрое имелось 95 должностей, состоящих в номенклатуре ЦК ВКП(б) и НКВД СССР, из которых 92 были замеще-

ны, утверждены были 88 человек⁴⁹. Таким образом, в 1942 – 1945 гг. состав должностей первой номенклатуры увеличился с 63 до 95 должностей.

В номенклатуру начальника Главного управления Дальстроя входили должности основных руководящих работников отраслевых управлений, организаций и предприятий Дальстроя. Номенклатура этих должностей и назначение работников на должности были определены приказами начальника Дальстроя. При назначении, перемещении, снятии, увольнении работников, состоящих в номенклатуре начальника Дальстроя, руководствовались приказом начальника Дальстроя № 070 от 9 июля 1941 г. Приказом № 600 от 3 ноября 1943 г. был утвержден новый перечень должностей и усилен контроль начальника Дальстроя за назначением руководящих работников⁵⁰. Для назначения работника на должность начальник управления или предприятия предоставлял в Отдел кадров на выдвигаемого работника анкету, подробную автобиографию, две фотографии и справку. В случае перемещения номенклатурного работника одновременно выдвигалась кандидатура взамен перемещаемого работника.

Перечень номенклатуры начальника Дальстроя в 1942 г. был дважды увеличен, и к концу года состоял из 1 746 должностей, что говорило о желании руководства усилить контроль за подбором и расстановкой кадров в условиях военного времени. Из 1746-ти должностей было замещено 1 665 должностей и утверждено 1 208 работников⁵¹. Среди утвержденных работников было 520 членов и кандидатов ВКП(б) и 38 членов ВЛКСМ; партийно-комсомольская прослойка составила 46 %. С высшим образованием было 411 человек, с незаконченным высшим – 62 человека, со средним специальным – 419. В занимаемых должностях не были утверждены 457 человек или 27,4 %, что объяснялось недавним расширением номенклатуры и необходимостью подготовки документов. К 1 января 1945 г. номенклатура начальника Дальстроя увеличилась до 2 343-х должностей, из которых были замещены 2 188, включая 293 должности, замещенных бывшими заключенными⁵².

Номенклатура начальников управлений Дальстроя относилась к низовому звену руководящих работников и устанавливалась приказом начальников управлений. Если в отношении высшего и среднего звеньев руководящих кадров определенная работа проводилась и в предвоенное время, то по низовым должностям до 1942 г. подбор и назначение кадров слабо контролировались со стороны руководства Дальстроя. Фактически вопрос о создании номенклатуры начальников управлений встал в конце 1941 г. в связи с необходимостью формирования резерва для выдвижения кадров по номенклатуре начальника Дальстроя.

Номенклатура формировалась по должностям горнопромышленных и производственных управлений, приисков и рудников, производственных предприятий, гостреста «Колымснаб», УСВИТЛ и ВОХР. В номенклатуру начальников управлений входили: начальники отделений, групп, участков, частей, участковые геологи, началь-

ники смен, начальники промприборов, заведующие мастерскими, начальники цехов и т.д. Это был управленческий костяк Дальстроя. В течение 1942 г. была проведена работа по формированию номенклатуры, подбору и назначению кадров. Согласно данным из 3 652-х замещенных должностей 987, т.е. около 1/3, были замещены бывшими заключенными⁵³. Это были большей частью специалисты с образованием: горняки, механики, экономисты, бухгалтера и административно-хозяйственные работники.

Прием на работу осуществлялся только по путевкам отдела кадров Главного управления, право на наем имели начальник управления, заместитель начальника и начальник Отдела кадров. Начальник управления, предприятия, Отдела кадров не имел права без разрешения Отдела кадров Главного управления принимать на работу ранее уволенных из Дальстроя с выездом с Колымы, а также тех, кто прибыл на территорию Дальстроя без соответствующего разрешения; увольнять работников из Дальстроя по каким бы то ни было причинам, кроме случаев увольнения в порядке ст. 47 п. «д» КЗОТ; откомандировывать и направлять работников в другие управления Дальстроя и организации, не входящие в систему Дальстроя.

Руководство Дальстроя стремилось не раздвигать номенклатуру начальников управлений, так как это могло повредить систематической работе по изучению работников⁵⁴. На 1 января 1945 г. по штату имелось 5 155 должностей, из которых были замещено 4 853 должности. Членов и кандидатов в члены ВКП(б) среди них было 1 176 человек, членов ВЛКСМ – 236; партийно-комсомольская прослойка составляла 29,3 %. Лиц с высшим образованием работало 866 человек (18,9 %), лиц со средним специальным образованием – 1 199 (24,7 %)⁵⁵.

Помимо номенклатуры начальников управлений, действовали номенклатуры начальника Политуправления и начальника Управления Северо-восточных лагерей. Так, в 1944 г. номенклатура начальника Политуправления включала 138 должностей, начальника УСВИТЛ – 789 должностей⁵⁶.

В ходе систематизации работы с руководящими кадрами Отделом кадров Главного управления был создан резерв на выдвижение. Это был практический инструмент для комплектования должностей. Например, в течение 1942 г. из кадрового резерва на должности, входящие в номенклатуру начальника Дальстроя, выдвинули 377 человек, на должности, входящие в номенклатуру начальников управлений – 562. В самом резерве в декабре 1942 г. на должности первой номенклатуры было 452 человека, второй номенклатуры – 533 человека⁵⁷. В течение 1944 г. из резерва в номенклатуру начальника Дальстроя было выдвинуто 352 человека, на 1 января 1945 г. в резерве состояло 409 человек⁵⁸.

Целью введения номенклатуры было «персональное утверждение определенной категории работников, которые решают успех всего дела»⁵⁹. Каждый работник-кандидат по 2 343 должностям номенклатуры начальника Дальстроя (1945 г.) персонально утверждал

ся на должность начальником Дальстроя И.Ф. Никишовым. Важную роль в определении основных направлений кадровой политики на протяжении всего периода также играл заместитель начальника Дальстроя по кадрам Н.А. Никешичев.

В результате четкой поставленной работы с резервом на выдвижение, в годы войны на руководящие должности выдвигались талантливые управленцы, готовые к работе в условиях Дальстроя. В документах эта категория работников обозначалась как сотруddники, «выросшие на работе в Дальстрое». Среди продвинувшихся по карьерной лестнице в 1941 – 1945 гг. были А.Г. Прун (в 1942 г. выдвинут на должность заместителя начальника Дальстроя по оловодобыче), В.П. Березин (в 1942 г. утвержден в должности начальника Планово-технического отдела Главного управления), Я.М. Арм (в 1942 г. утвержден в должности начальника Чай-Урьинского горнопромышленного управления), Ф.Ц. Нагорнов (в 1942 г. утвержден в должности начальника Западного горнопромышленного управления), М.В. Груша (в 1942 г. утвержден в должности начальника Юго-Западного горнопромышленного управления), Е.И. Азбукин (в 1943 г. выдвинут на должность начальника Северного горнопромышленного управления), А.Ф. Киняшов (в 1944 г. выдвинут на должность начальника Янского горнопромышленного управления), Б.Н. Ленков (в 1944 г. назначен начальником Управления дорожного строительства). Многие из перечисленных долгие годы будут руководить различными направлениями работы на северо-востоке страны. Так, В.П. Березин занимал руководящие должности в Дальстрое, Магаданском (Северо-Восточном) совнархозе, руководил объединением «Северовостокзолото», а в 1971 – 1975 гг. работал в Москве, в должности начальника Главного управления золото-платиновой и алмазной промышленности (Главзолото) Министерства цветной металлургии СССР.

Кадровый резерв стал реально действующим механизмом, открывавшим дорогу прежде всего для профессионалов, специалистов своего дела. Отделы кадров обязаны были изучать выдвигаемых работников для конкретных задач, отсеивать сомнительных и неспособных работников, и после назначения работника должны были следить за его деятельностью, оказывая необходимую поддержку. Поэтому особо был поставлен учет специалистов с высшим и средним образованием, начальники управления несли персональную ответственность за использование специалистов. Более того, без разрешения Отдела кадров Главного управления начальник управления или предприятия не мог перемещать по работе специалистов с высшим образованием. На работников, состоящих в номенклатуре начальника Дальстроя, и специалистов с высшим образованием велись дубликаты личных дел.

Кроме того, был установлен прямой запрет на назначение молодых специалистов на аппаратные должности⁶⁰, установка была на направление молодежи на производство, где имелись опытные квалифицированные специалисты, которые должны были способ-

ствовать приобретению необходимого опыта. К 1 января 1945 г. в Дальстрое из общего числа специалистов 7 560 человек, работало 3 534 специалиста с высшим образованием и 4 026 специалистов со средним образованием⁶¹.

Среди специалистов с высшим образованием, приехавших по направлению партийных и советских органов и по договорам насчитывалось, 2 328 человек (65,9 %) и 1 206 человек бывших заключенных (34,1 %). Среди специалистов со средним образованием, прибывших по направлениям и договорам, было 2 100 человек (52 %), бывших заключенных 1 926 человек (48 %) ⁶². Таким образом, удельный вес бывших заключенных среди специалистов составлял 41 % (3 132 человека). Из общего состава специалистов с высшим образованием мужчин работало 2 945 человек (83,4 %), женщин 589 человек (16,6 %), членов и кандидатов в члены ВКП(б) 607 человек (17 %) ⁶³.

Среди бывших заключенных—специалистов с высшим образованием подавляющее большинство (около 80 %) отбывали наказание по «контрреволюционным» статьям, остальные были осуждены за преступления против порядка управления и за должностные преступления.

Таким образом, сложившаяся на Северо-Востоке чрезвычайно централизованная система управления вызвала необходимость подбора руководящих кадров, готовых к выполнению государственных задач в тяжелых условиях Дальстроя. Между тем управленцев и специалистов в центральных регионах страны не привлекала работа на Колыме и Чукотке. Даже при максимальном использовании ресурсов аппарата ЦК ВКП (б) и НКВД СССР, планы вербовки хронически не выполнялись. Это откладывало отпечаток на всю организацию жизнедеятельности, учитывая, что для работников Дальстроя в 1942 г. были отменены «северные льготы». Кроме этого, ни вольнонаемные работники, прибывшие по договорам, ни бывшие заключенные не могли покидать территорию Дальстроя в период войны.

В этой ситуации руководство Дальстроя пополняло кадровый состав за счет бывших заключенных. Наши подсчеты показывают, что вольнонаемной состав работников в 1938 – 1945 гг. увеличился с 19 тыс. до 102 тыс. человек, или более чем в 5 раз, и это увеличение произошло в основном за счет бывших заключенных; при этом общая численность работающих с 1941 по 1945 гг. уменьшилась с 210 тыс. до 189 тыс., а численность заключенных – с 148 до 87 тыс. ⁶⁴ В целом, согласно подсчетам, к 1945 г. из всех специалистов с высшим образованием, прибывших по направлениям и договорам, более половины работали на Крайнем Севере свыше 5-ти лет, а 42 % – более 3-х лет.

* * *

Смены высшего руководства Дальстроя, произошедшие в 1937 и 1939 гг., следовали основным тенденциям и перестановкам в цен-

тральных органах власти. За арестом Э.П. Берзина в конце 1937 г. последовала передача Дальстроя в ведение НКВД СССР и большая чистка дальстроевских управленцев первой волны, приведшая к ослаблению организации и попыткам политических органов и хабаровской партийной организации низвести Дальстрой до производственного главка в системе НКВД СССР. Но известная шифротелеграмма И.В. Сталина об особом статусе Дальстроя подтвердила исключительное значение «особого комбината», а смена К.А. Павлова на пограничника И.Ф. Никишова, направленного из Хабаровска, знаменовала конец кампании по чистке руководящих кадров и установку на стабилизацию ситуации.

В целом, с включением Дальстроя в структуру НКВД СССР отмечается начало системной работы с руководящими кадрами, которая упорядочивается с началом войны в 1941 г. С 1938 г. начинается и более активный в сравнении с предыдущим периодом обмен кадрами между Дальстроем и ГУЛАГом. К концу 1930-х гг. в результате расширения производственных задач (добыча олова, развитие местной промышленности), а также с увеличением вольнонаемного персонала отмечается значительный рост руководящих кадров. За годы войны состав должностей высшего и среднего звена руководящих кадров увеличился более чем на треть и в 1945 г. включал 95 должностей первой номенклатуры и 2 343 должности номенклатуры начальника Дальстроя. Многие руководящие работники имели военные и специальные звания. По нашим подсчетам, доля бывших заключенных среди работников первой и второй номенклатуры составляла 10–12 %, к низовому руководящему звену относились 5 155 должностей номенклатуры начальников управлений, среди которых бывшие заключенные замещали уже около 1/3 должностей.

Главным принципом работы с руководящими кадрами стала жесткая централизация контроля за назначением и перемещением работников и персонализация утверждения выдвигаемых кадров – личное утверждение кандидатов начальником Дальстроя И.Ф. Никишовым. В непростых условиях и напряженной обстановке военного времени на руководящие посты выдвигались люди, которые, во-первых, связывали ближайшие жизненные планы с Дальстроем, а во-вторых, были способны выполнять задачи, которые ставило руководство. В этой связи механизм кадрового резерва выполнял важную роль, являясь своеобразным социальным лифтом для специалистов Дальстроя, в том числе бывших заключенных.

В этом не последнюю роль сыграла «заморозка» движения кадров во время войны, когда не было возможности активно пополнять персонал новыми наборами из НКВД. Это непосредственно влияло на эффективность управления. Если во второй половине 1930-х гг. на должности начальников производственных управлений назначались преимущественно кадровые работники ОГПУ–НКВД, не имеющие специального образования, то в военное время возможность продвинуться по карьерной лестнице получили специалисты горно-геологической отрасли, уже получившие опыт работы на про-

изводстве в Дальстрое.

Характерными особенностями формирования руководящих кадров в системе Дальстроя являлись: значительный удельный вес заключенных, что в меньшем масштабе было относительно приемлемо для предыдущего опыта Дальстроя, но в целом неприемлемо для партии и НКВД, а было вызвано исключительными условиями Дальстроя в военное время, а также назначение на руководящие должности реальных квалифицированных специалистов.

Указанная специфика способствовала формированию особой социальной среды, в которой дальстроевские управленцы выполняли государственные задачи. По нашему мнению, именно период военного времени стал этапом активного формирования элиты или «золотого фонда» Дальстроя – руководящих кадров с особой психологией, которые будут играть ведущую роль на северо-востоке СССР вплоть до конца 1950-х гг.

Примечания

¹ Козлов А.Г. Из истории колымских лагерей (конец 1937 – 1938 гг.) // Краеведческие записки. Вып. 19. Магадан, 1993. С. 117–143; Навасардов А.С. Из истории строительства Колымской трассы (1928 – 1940 гг.) // Краеведческие записки. Вып. 17. Магадан, 1991. С. 14–25; Николаев К.Б. Тяжелый металл, или как родился, жил и умирал Дальстрой // На Севере Дальнем. 1989. № 2. С. 54–83.

² Пилясов А.Н. Трест «Дальстрой» как суперорганизация (1932 – 1956 гг.) // Колыма. 1993. № 8. С. 34–37; № 9–10. С. 37–41; № 11. С. 28–33.

³ Пилясов А.Н. Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива и прогноз). Магадан, 1996; Широков А.И. Дальстрой: Предыстория и первое десятилетие. Магадан, 2000; Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932 – 1953): Дальстрой. Магадан, 2002.

⁴ Зеляк В.Г. Пять металлов Дальстроя: История горнодобывающей промышленности Северо-Востока России в 30 – 50-х гг. XX в. Магадан, 2004.

⁵ Зеляк В.Г. Валютный цех страны: История развития горнопромышленного комплекса Северо-Востока России в 1928 – 1991 гг. Томск, 2015; Широков А.И. Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920 – 1950-х гг.: Опыт и уроки истории. Томск, 2009; Широков А.И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока СССР (1930 – 1950-е гг.). М., 2014.

⁶ Широков А.И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока СССР (1930 – 1950-е гг.). М., 2014. С. 652.

⁷ Гребенюк П.С. «Никто и не думает сверяться с фактами...»: Письмо писателя Н.В. Козлова секретарю Магаданского обкома И.Н. Каштанову: 1963 г. // Исторический архив. 2007. № 1. С. 44–62.

⁸ Широков А.И. Вольнонаемные работники Дальстроя: Колымская повседневность 1930 – 1950-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 197–201.

⁹ Николаев К.Б. Жизнь и смерть Эдуарда Берзина: Документальное повествование. Воронеж, 2011.

¹⁰ Ефимов С.П. Начальник Дальстроя И.Ф. Никишов // Колымские про-

сторы. 2015. № 21. С. 187–193.

¹¹ Государственный архив Магаданской области (ГАМО). Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1348, 1466, 1467, 1584, 1718.

¹² Сборник руководящих материалов и указаний по работе с кадрами в системе Дальстроя НКВД СССР. Магадан, 1945.

¹³ Хлевнюк О.В. Экономика ОГПУ–НКВД–МВД СССР в 1930 – 1953 гг.: Масштабы, структура, тенденции развития // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2008. С. 69.

¹⁴ Широков А.И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока СССР (1930 – 1950-е гг.). М., 2014. С. 48–54.

¹⁵ Широков А.И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока СССР (1930 – 1950-е гг.). М., 2014. С. 50.

¹⁶ Эрци С. Лагерная система в 1930 – 1950-е гг.: Эволюция структуры и принципов управления // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2008. С. 104.

¹⁷ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1348. Л. 4.

¹⁸ ГУЛАГ: Главное управление лагерей, 1918 – 1960. М., 2000. С. 248.

¹⁹ История сталинского Гулага: Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т.2. Карательная система: структура и кадры. М., 2004. С. 95–96.

²⁰ Там же. С. 96.

²¹ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923 – 1960: Справочник / Сост. М.Б. Смирнов. М., 1998. С. 118.

²² Шулубина С.А. Особенности организации Севвостлага (1932 – 1941 гг.) // Колымский гуманитарный альманах. Вып. 1. Магадан, 2006. С. 80.

²³ Шулубина С.А. Особенности организации Севвостлага (1932 – 1941 гг.) // Колымский гуманитарный альманах. Вып. 1. Магадан, 2006. С. 83.

²⁴ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1348. Л. 4.

²⁵ Там же. Л. 50.

²⁶ Там же. Л. 47.

²⁷ Чернолуцкая Е.Н. Спецпоселенцы «власовцы» на советском Дальнем Востоке (1945 – 1955 гг.) // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2011. № 2. С. 106–113.

²⁸ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1718. Л. 10.

²⁹ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1348. Л. 6.

³⁰ Широков А.И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока СССР (1930 – 1950-е гг.). М., 2014. С. 402.

³¹ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1348. Л. 15.

³² ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 3. Л. 4–5.

³³ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1542. Л. 31.

³⁴ Зеляк В.Г. Валютный цех страны: История развития горнопромышленного комплекса Северо-Востока России в 1928 – 1991 гг. Томск, 2015. С. 452.

³⁵ Славин С.В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М., 1961. С. 46.

³⁶ Пилясов А.Н. Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива и прогноз). Магадан, 1996. С. 71.

³⁷ Козлов А.Г. Магадан: Возникновение, становление и развитие административного центра Дальстроя (1929 – 1945). Магадан, 2007. С. 38.

³⁸ Козлов А.Г. Из истории политических репрессий: Ленинградские чекисты в ссылке на Колыме (1935 – 1937) // Исторические исследования на Севере Дальнего Востока. Магадан, 2000. С. 110.

³⁹ История сталинского Гулага: Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Т. 2. С. 129–130.

⁴⁰ Козлов А.Г. Севвостлаг НКВД СССР (1937 – 1941) // Исторические исследования на Севере Дальнего Востока. Магадан, 2000. С. 77–102.

⁴¹ История сталинского Гулага: Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 2. С. 153–154.

⁴² Советская Колыма (Магадан). 1939. 18 июля.

⁴³ История сталинского Гулага: Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Т. 2. С. 154–155.

⁴⁴ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1079. Л. 156.

⁴⁵ Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25; Восленский М.С. Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 83.

⁴⁶ Чернев А.Д. Правящая партия в системе советского государственного управления // Проблемы отечественной истории. Вып. 8. М., 2004. С. 167.

⁴⁷ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1348. Л. 12.

⁴⁸ Там же. Л. 13.

⁴⁹ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1584. Л. 6.

⁵⁰ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1361. Л. 172.

⁵¹ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1348. Л. 16.

⁵² ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1584. Л. 7.

⁵³ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1348. Л. 19–21.

⁵⁴ Сборник руководящих материалов и указаний по работе с кадрами в системе Дальстроя НКВД СССР. С. 21.

⁵⁵ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1584. Л. 8.

⁵⁶ Там же. Л. 23–24.

⁵⁷ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1348. Л. 22.

⁵⁸ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1584. Л. 8.

⁵⁹ Сборник руководящих материалов и указаний по работе с кадрами в системе Дальстроя НКВД СССР. С. 17.

⁶⁰ Там же. С. 25.

⁶¹ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1584. Л. 10.

⁶² Там же. Л. 11.

⁶³ Там же. Л. 12.

⁶⁴ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 3. Л. 52.

Автор, аннотация, ключевые слова

Гребенюк Павел Сергеевич – канд. ист. наук, научный сотрудник Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения Российской академии наук (Магадан)

grebenyuk.pavel@gmail.com

В статье рассматривается малоизученная сторона истории Дальстроя в 1938 – 1945 гг.: состав его руководящих кадров. На основе опубликованных и архивных документов автор проанализировал источники и механизм формирования руководящих кадров. Особое внимание уделено трем видам номенклатуры должностей руководящего состава, которые существовали в Дальстрое. После передачи Дальстроя в ведение НКВД СССР в 1938 г. произошло кардинальное обновление и количественный рост руко-

водящих кадров за счет сотрудников НКВД СССР, включая тех, кто имел опыт работы в ГУЛАГе. В условиях военного времени и запрета выезда с территории Дальстроя обновление кадров за счет работников, присланных органами Коммунистической партии и НКВД, резко сократилось. Однако руководящие кадры Дальстроя продолжали расти с помощью механизма кадрового резерва: на руководящие должности назначались вольнонаемные образованные специалисты с опытом работы в Дальстрое, а также бывшие заключенные. Делается вывод, что в условиях военного времени такая кадровая политика высшего руководства Дальстроя привела к формированию «золотого фонда» Дальстроя – управленцев высшего и среднего руководящего звена, которые будут играть ведущую роль на Северо-Востоке СССР вплоть до конца 1950-х гг.

Великая Отечественная война, северо-восток России, Всероссийская коммунистическая партия (большевиков) (ВКП(б)), Народный комиссариат внутренних дел СССР (НКВД СССР), Главное управление лагерей (ГУЛАГ), Главное управление строительства Дальнего Севера (Дальстрой), исправительно-трудовой лагерь, добывающая промышленность, золотодобыча, руководящие кадры, номенклатура, кадровая политика, заключенные, Колыма, Магадан, Э.П. Берзин, К.А. Павлов, И.Ф. Никишов

References (Articles from Scientific Journals)

1. Chernolutsкая E.N. Spetsposelentsy “vlasovtsy” na sovetskom Dalnem Vostoke (1945 – 1955 gg.). *Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo tsentra DVO RAN*, 2011, no. 2, pp. 106–113.

2. Grebenyuk P.S. “Nikto i ne dumaet sveryatsya s faktami...”: Pismo pisatelya N.V. Kozlova sekretaryu Magadanskogo obkoma I.N. Kashtanovu: 1963 g. *Istoricheskiy arkhiv*, 2007, no. 1, pp. 44–62.

3. Efimov S.P. Nachalnik Dalstroya I.F. Nikishov. *Kolymskie prostory*, 2015, no. 21, pp. 187–193.

4. Korzhikhina T.P., Figatner Yu. Yu. Sovetskaya nomenklatura: stanovlenie, mekhanizmy deystviya. *Voprosy istorii*, 1993, no. 7, p. 25.

5. Nikolaev K.B. Tyazhelyy metall, ili kak rodilsya, zhil i umiral Dalstroy. *Na Severe Dalnem*, 1989, no. 2, pp. 54–83.

6. Pilyasov A.N. Trest “Dalstroy” kak superogranizatsiya (1932 – 1956 gg.). *Kolyma*, 1993, no. 8, pp. 34–37.

7. Pilyasov A.N. Trest “Dalstroy” kak superogranizatsiya (1932 – 1956 gg.). *Kolyma*, 1993, no. 9–10, pp. 37–41.

8. Pilyasov A.N. Trest “Dalstroy” kak superogranizatsiya (1932 – 1956 gg.). *Kolyma*, 1993, no. 11, pp. 28–33.

9. Shirokov A.I. Volnonaemnye rabotniki Dalstroya: Kolymskaya povsednevnost 1930 – 1950-kh gg. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 23, pp. 197–201.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

10. Chernev A.D. Pravyashchaya partiya v sisteme sovetskogo gosudarstvennogo upravleniya. *Problemy otechestvennoy istorii* [Problems of Domestic History]. Moscow, 2004, vol. 8, p. 167.

11. Erts S. Lagernaya sistema v 1930 – 1950-e gg.: Evolyutsiya struktury

i printsipov upravljeniya. *GULAG: Ekonomika prinuditelnogo truda* [GULAG: The Economics of Forced Labour]. Moscow, 2008, p. 104.

12. Khlevnyuk O.V. Ekonomika OGPU–NKVD–MVD SSSR v 1930 – 1953 gg.: Masshtaby, struktura, tendentsii razvitiya. *GULAG: Ekonomika prinuditelnogo truda* [GULAG: The Economics of Forced Labour]. Moscow, 2008, p. 69.

13. Kozlov A.G. Iz istorii kolymskikh lagerey (konets 1937 – 1938 gg.). *Kraevedcheskie zapiski* [Local History Notes]. Magadan, 1993, vol. 19, pp. 117–143.

14. Kozlov A.G. Iz istorii politicheskikh repressiy: Leningradskie chekisty v ssylke na Kolyme (1935 – 1937). *Istoricheskie issledovaniya na Severe Dalnego Vostoka* [Historical Research in the North of the Far East]. Magadan, 2000, p. 110.

15. Kozlov A.G. Sevvostlag NKVD SSSR (1937 – 1941). *Istoricheskie issledovaniya na Severe Dalnego Vostoka* [Historical Research in the North of the Far East]. Magadan, 2000, pp. 77–102.

16. Navasardov A.S. Iz istorii stroitelstva Kolymskoy trassy (1928 – 1940 gg.). *Kraevedcheskie zapiski* [Local History Notes]. Magadan, 1991, vol. 17, pp. 14–25.

17. Shulubina S.A. Osobennosti organizatsii Sevvostlaga (1932 – 1941 gg.). *Kolymskiy gumanitarnyy almanakh* [Kolyma Humanitarian Almanac]. Magadan, 2006, vol. 1, p. 80.

18. Shulubina S.A. Osobennosti organizatsii Sevvostlaga (1932 – 1941 gg.). *Kolymskiy gumanitarnyy almanakh* [Kolyma Humanitarian Almanac]. Magadan, 2006, vol. 1, p. 83.

(Monographs)

19. Batsaev I.D. Osobennosti promyshlennogo osvoeniya Severo-Vostoka Rossii v period massovykh politicheskikh repressiy (1932 – 1953): Dalstroy [Features of the Industrial Development of the North-East of Russia in the Period of Mass Political Repressions (1932 – 1953): Dalstroy]. Magadan, 2002, 217 p.

20. Kozlov A.G. Magadan: Vzniknovenie, stanovlenie i razvitie administrativnogo tsentra Dalstroya (1929 – 1945) [The Beginnings, Formation and Development of the Administrative Center of the Dalstroy (1929 – 1945)]. Magadan, 2007, p. 38.

21. Nikolaev K.B. Zhizn i smert Eduarda Berzina: Dokumentalnoe povestvovanie [The Life and Death of Edward Berzin: A Documentary Narrative.]. Voronezh, 2011, 228 p.

22. Pilyasov A.N. Zakonomernosti i osobennosti osvoeniya Severo-Vostoka Rossii (retrospektiva i prognoz) [Appropriateness and Features of Development of the North-East of Russia (Retrospective and Prediction).]. Magadan, 1996, 145 p.

23. Pilyasov A.N. Zakonomernosti i osobennosti osvoeniya Severo-Vostoka Rossii (retrospektiva i prognoz) [Appropriateness and Features of Development of the North-East of Russia (Retrospective and Prediction).]. Magadan, 1996, p. 71.

24. Shirokov A.I. Dalstroy: Predystoriya i pervoe desyatiletie [The Dalstroy: The Background and the First Decade]. Magadan, 2000, 151 p.

25. Shirokov A.I. Gosudarstvennaya politika na Severo-Vostoke Rossii v 1920 – 1950-kh gg.: Opyt i uroki istorii [State Policy in the North-East of

Russia in the 1920 – 1950s: Experience and Lessons from History]. Tomsk, 2009, 460 p.

26. Shirokov A.I. Dalstroy v sotsialno-ekonomicheskom razvitii Severo-Vostoka SSSR (1930 – 1950-e gg.) [The Dalstroy in the Social and Economic Development of the North-East of the USSR (1930 – 1950s)]. Moscow, 2014, 654 p.

27. Shirokov A.I. Dalstroy v sotsialno-ekonomicheskom razvitii Severo-Vostoka SSSR (1930 – 1950-e gg.) [The Dalstroy in the Social and Economic Development of the North-East of the USSR (1930 – 1950s)]. Moscow, 2014, pp. 48–54.

28. Shirokov A.I. Dalstroy v sotsialno-ekonomicheskom razvitii Severo-Vostoka SSSR (1930 – 1950-e gg.) [The Dalstroy in the Social and Economic Development of the North-East of the USSR (1930 – 1950s)]. Moscow, 2014, p. 50.

29. Shirokov A.I. Dalstroy v sotsialno-ekonomicheskom razvitii Severo-Vostoka SSSR (1930 – 1950-e gg.) [The Dalstroy in the Social and Economic Development of the North-East of the USSR (1930 – 1950s)]. Moscow, 2014, p. 402.

30. Shirokov A.I. Dalstroy v sotsialno-ekonomicheskom razvitii Severo-Vostoka SSSR (1930 – 1950-e gg.) [The Dalstroy in the Social and Economic Development of the North-East of the USSR (1930 – 1950s)]. Moscow, 2014, p. 652.

31. Slavin S.V. Promyshlennoe i transportnoe osvoenie Severa SSSR [Industrial and Transport development of the North of the USSR]. Moscow, 1961, p. 46.

32. Voslenskiy M.S. Nomenklatura: Gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuza [Nomenklatura: Ruling Class of the Soviet Union]. Moscow, 1991, p. 83.

33. Zelyak V.G. Pyat metallov Dalstroya: Istoriya gornodobyvayushchey promyshlennosti Severo-Vostoka Rossii v 30 – 50-kh gg. XX v. [Five Metals of Dalstroy: The History of the Mining Industry of the North-East of Russia in 30 – 50s of 20th century]. Magadan, 2004, 283 p.

34. Zelyak V.G. Valyutnyy tsekh strany: Istoriya razvitiya gornopromyshlennogo kompleksa Severo-Vostoka Rossii v 1928 – 1991 gg. [The Currency Shop of the Country: History of Development of Mining Complex of the North-East of Russia in 1928 – 1991]. Tomsk, 2015, 449 p.

35. Zelyak V.G. Valyutnyy tsekh strany: Istoriya razvitiya gornopromyshlennogo kompleksa Severo-Vostoka Rossii v 1928 – 1991 gg. [The Currency Shop of the Country: History of Development of Mining Complex of the North-East of Russia in 1928 – 1991]. Tomsk, 2015, p. 452.

Author, Abstract, Key words

Pavel S. Grebenyuk – Candidate of History, Researcher, North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute n.a. N.A. Shilo, Far East Branch, Russian Academy of Sciences (Magadan, Russia)
grebenyuk.pavel@gmail.com

The article highlights the composition of the Dalstroy (Main Directorate of Construction of the Far North) management which is, so far, an understudied issue in the history of Dalstroy during 1938 – 1945. Aided by published and archival documents, the author analyzes the resources and mechanism of

Dalstroy management recruitment. Three categories of Dalstroy's nomenclature are focused upon. After it was transferred under the competency of NKVD of the USSR in 1938 a cardinal renewal and increase of management staff took place from the pool of NKVD officers including those who had work experience in GULAG. Later during the war time with a ban for leaving the territory introduced, the inflow of NKVD and Communist party staff sharply decreased. However, the Dalstroy management drew from staff reserve hiring qualified contract professionals having previously worked in Dalstroy as well as former prisoners. It is concluded that this employment policy of the Dalstroy management led to the formation of Dalstroy's 'golden fund' – top and mid-level managers who played a leading role in the USSR's North-East until - topoy fund»opped.oyment policy d in Dalstroy as well as for,er convicts:Communist party staff sopped.late 1950s.

Great Patriotic War, Russian North-East, All-Russian Communist Party (Bolsheviks) (CPSU(b)), People's Commissariat of Internal Affairs (NKVD), Main Directorate of Camps (GULAG), Main Directorate of Construction of the Far North (Dalstroy), forced labor camp, mining industry, gold mining, management staff, nomenclature, personnel policy, prisoners, the Kolyma river, Magadan, E.P. Berzin, K.A. Pavlov, I.F. Nikishov

РОССИЙСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ Everyday Life in Russia

С.И. Ипполитов

«ЗАПИСКА КЛЮШНИКА О ПОГРЕБЕ», ИЛИ ЧЕМ ПОТЧЕВАЛИ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА В ПОЛОТНЯНОМ ЗАВОДЕ (1830 и 1834 годы)

S. Ippolitov

“A Food Keeper's Note About A Cellar”, Or Dishes Served for Alexander Pushkin in Polotnyanyy Zavod (1830 and 1834)

Пред ним roast-beef окровавленный...
А.С. Пушкин. «Евгений Онегин»

Нет, наверное, в российской исторической науке другого человека, чья жизнь была бы изучена столь скрупулезно, а перипетии его трагической судьбы вызвали бы такой интерес и двести лет спустя. Действительно, мы знаем о Пушкине практически все, но, как это ни удивительно, многие события его жизни продолжают оставаться неизученными, а исследование неизвестных ранее источников открывает нам все новые страницы его повседневной жизни. И одной из таких малоизученных страниц по-прежнему остаются поездки поэта в имение родителей Н.Н. Гончаровой Полотняный Завод в 1830 и 1834 гг.

Казалось бы, «программа визита» хорошо известна: в 1830 г. Пушкин встречался с дедом Натальи Николаевны и вел переговоры о приданом. В 1834 г. – проведаль семью, задержавшись на две недели. Но какие события и люди сопутствовали этим визитам? С кем встречался, разговаривал поэт в эти дни, как проходил его досуг, чем, наконец, угощала Пушкина его родня по линии жены? Первые открытые нами материалы о некоторых гипотезах визита А.С. Пушкина в Полотняный Завод весной 1830 г., когда он мог познакомиться с прототипом своего литературного героя Ивана Петровича Белкина, уже опубликованы¹. Пришло время более обстоятельно реконструировать кулинарные предпочтения семьи Гончаровых и представить, чем потчевали поэта в дни тех двух визитов.

Фонд Гончаровых, хранящийся в Государственном архиве древних актов, дает нам такую уникальную возможность. Делопроизводство в Полотняном Заводе было поставлено на прочную, почти профессиональную основу. Учету подлежало буквально все: парусина и валенки для дворовых людей, свежая рыба и семена для канареек, грибы и свечи, французское вино и старое платье, зернистая икра и медвежьи шкуры, вакса и дробь «для стреляния ворон»... Настоящий рай для историка барской повседневности той поры.

Среди амбарных (хозяйственных) книг, использовавшихся для учета, сохранилась книга с названием «Записка клюшника о погребѣ», в которой хранитель продуктов Полотняного Завода записывал имеющиеся съестные припасы и их расход. В разное время эту обязанность исполняли и делали записи то «клюшники», то «клюшницы».

Отдельное внимание книги учета провизии уделяли продуктам, поставлявшимся крепостными крестьянами. Существовал поименный список рыбаков, где тщательно фиксировался улов, вид пойманной рыбы, число и месяц улова. Речка Суходрев, протекавшая по землям Гончаровых, рыбой была богата. Хорошие уловы давали и окрестные пруды. Щука и шереспер, голавли и налимы, окуни, лещи, язи и караси в изобилии попадали на господский стол².

Очень трогательное впечатление производит книга учета грибов. Она также содержала поименный список крестьян и подробную классификацию того, что удавалось разыскать в местных лесах. Причем все найденные грибы подразделялись на четыре основных категории: белые, черные, грузди и рыжики. К «черным» относились все остальные. Так, сохранились сведения, что крестьянин Иван Матвеев сдал 50 белых грибов, 200 черных и 35 груздей. Но абсолютным рекордсменом считался крестьянин Михаил Растокин: за один раз он собрал 100 белых грибов, 180 груздей и 50 рыжиков³.

С особым вкусом и тщанием в Полотняном Заводе варили варенье. В 30-х гг. XIX в. на стол Гончаровых его подавалось не менее 12-ти сортов: клубничное, из малины белой и малины красной, вишневое, из красной, черной и белой смородины, грушевое, сливовое, из крыжовника, персиков, абрикосов и ананаса. В одном только 1837 г. за лето было сварено более 8 пудов варенья различных сортов⁴. Три последних варенья – ананасовое, абрикосовое и персиковое – вызывают особый интерес. В хозяйственных книгах не удалось обнаружить ни одной записи о покупке этих экзотических фруктов на рынке в Калуге, откуда обычно доставлялись в имение продукты. Между тем, ананасы и персики на столах дворян той эпохи отнюдь не были редкостью. Марта Вильмот, ирландская путешественница и мемуаристка, вспоминала: «...Обеды, на которых подаются всевозможные деликатесы, плоды совместного труда природы и человека: свежий виноград, ананасы, спаржа, персики, сливы». И описанный обед происходил зимой, в Москве, в 26-градусный мороз (!). Где же

выращивалось все это великолепие? Ее сестра, Кэтрин Вильмот, отвечала на этот вопрос: «Теплицы здесь – насущная необходимость. Их в Москве великое множество, и они достигают очень больших размеров: мне приходилось прогуливаться меж рядами ананасных деревьев – в каждом ряду было по сто пальм в кадках...»⁵.

Простим мемуаристке «ананасные деревья» (ананасы на деревьях не растут), но ее эмоциональные ощущения от увиденного в Москве вполне понятны. В Полотняном Заводе, как известно, тоже была оранжерея, до наших дней не сохранившаяся, где выращивались ананасы, абрикосы, виноград, лимоны и персики, подававшиеся на стол и отправлявшиеся на варку варенья. Масштабы, в которых в имении выращивались экзотические фрукты, впечатляют. Только за май-июнь 1839 г. в оранжерее созрело 65 ананасов, три из которых, вместе с персиками и сливами, были отправлены в подарок калужскому губернатору. Такие фруктовые подарки были весьма популярны в пушкинскую эпоху. К.Я. Булгаков, русский дипломат и администратор, писал своему брату: «Жихарев [Жихарев Степан Петрович (1787 – 1860) – автор записок, дворянин Тамбовской губернии. – С.И.] мне прислал преогромный и прекраснейший ананас своего воспитания... Оказалось с лишком три фунта»⁶.

За эти же два месяца с деревьев в оранжерее Гончаровых было снято 243 персика и около 500 слив, которые подлежали тщательному учету и записывались в хозяйственные книги поштучно⁷. С.С. Гейченко, писатель и пушкинист, многолетний хранитель пушкинского заповедника «Михайловское», в своей книге «У Лукоморья» цитировал слова близкого друга Пушкина П.А. Вяземского о поэте: «Он вовсе не был лакомка, он даже, думаю, не ценил и не хорошо постигал тайн поваренного искусства; но на иные вещи был он ужасный прожора. Помню, как в дороге съел он почти одним духом двадцать персиков, купленных в Торжке. Моченым яблокам также доставалось от него нередко»⁸. Можно с уверенностью утверждать, что и в мае 1830 г., и в августе 1834 г. поэта в Полотняном Заводе ожидали его любимые фрукты, и в изрядном количестве.

Сахар ценился в помещичьей среде начала XIX в. особо. Был он редкостью, и стоил дорого. Александра Осиповна Смирнова-Россет, фрейлина русского императорского двора, друг и собеседник А.С. Пушкина, вспоминая детство и молодость, писала о своей бабушке, которая с осуждением отзывалась о соседке-помещице, ставя той в вину, что «варенье у нее на меду, и она не стыдится им подносить»⁹. Такой парадоксальный для нашего современника упрек объяснялся просто: мед был дешев, поскольку почти в каждом помещичьем хозяйстве держали пчелиные ульи, а сахар – дорог. Поэтому угощать гостей «вареньем на меду» считалось проявлением скупости и дурным тоном.

Хозяева гончаровского имения к своим гостям относились уважительно, и варенья на меду им не подавали, да и сами предпочитали варить это лакомство исключительно на сахаре, который составлял весьма заметную статью хозяйственных расходов. В среднем за

год Гончаровы расходовали на покупку сахара более 600 руб., причем расходы на всю остальную провизию, покупавшуюся на рынке, не превышали 1 000 руб. в год¹⁰.

Кстати, изучение расхода сахара на варку варенья в имении Гончаровых неожиданно привело к любопытному выводу: господский сахар воровали, и воровали немилосердно. В 1837 г. было сварено восемь пудов варенья, на которое, по «записке клюшника», было израсходовано более семи пудов сахара – почти вдвое больше, чем требовалось¹¹.

А.О. Смирнова-Россет в своих воспоминаниях о Жуковском и Пушкине рассказывала, что самым любимым деревенским вареньем Пушкина было крыжовенное: «На большом круглом столе, перед диваном, находились бумаги и тетради, часто несшитые, простая чернильница и перья; на столике графин с водой, лед и банка с крыжовниковым вареньем, его любимым»¹².

Варка крыжовенного варенья была делом сложным и хитрым. Вот как об этом говорит рецепт тогдашней «сельской энциклопедии»: «Очищенный от семечек, сполосканный, зеленый, неспелый крыжовник, собранный между 10 и 15 июня, сложить в муравленый горшок, перекладывая рядами вишневыми листьями и немного щавелем и шпинатом. Залить крепкою водкою, закрыть крышкой, обмазать оную тестом, вставить на несколько часов в печь, столь жаркую, как она бывает после вынута из нее хлеба»¹³. После этого крыжовник ожидали другие многочисленные операции, в результате которых он должен был превратиться в «пушкинское» варенье.

Но есть ли у нас какие-либо основания считать, что в имении Гончаровых поэт мог попробовать свое любимое лакомство? Да, есть. «Записка клюшника» точно указывает, что использовался именно этот рецепт: специально для варки крыжовенного варенья из погреба выдавалась крепкая водка¹⁴.

Изучение «сахарных» дел Полотняного Завода позволило добавить дополнительные черты к характеру Натальи Николаевны Пушкиной. Как оказалось, она была хорошей хозяйкой, домашней работы не гнушалась, и любила сама готовить. Наталья Николаевна, после смерти мужа приехавшая в Полотняный Завод, в 1837 г. часто сама варила детям малиновый кисель, для чего получала у клюшника сахар, и собственноручно пекла крендели¹⁵. Дети Пушкина очень любили мороженое, которое летом делали им часто, венские пироги, кисели и компоты с черносливом¹⁶.

Большой скотный двор Полотняного Завода обеспечивал все семейство мясом и молоком. Скотник, судя по источнику, был человеком творческим. Каждая корова и каждый бык в его хозяйстве имели особые приметы, по которым и проводился учет. Так, в описи значились быки: буро-пестрый, пестро-белый, рыже-пестрый, рыже-лысый. Коровы у Гончаровых были более привлекательны: бело-черноухая, буро-пестроголовая, черно-белопузая, «черна ва лбу бело пятно», светло-рыже-белоногая и чернобурая¹⁷.

Но, конечно, собственное хозяйство и окрестные леса не могли

удовлетворить все вкусы и потребности семьи. Поэтому часто на рынок в Калугу отправлялась «оказия» для закупки недостающих продуктов. Приобреталась дорогая рыба для господского стола: судак, белуга, навага, сардины, осетрина, черная зернистая и паюсная икра, и обязательно много соленой рыбы и солонины для «дворовых людей». Закупались швейцарский сыр, чай, кофе, масло, миндаль, пряности. Наталья Ивановна Гончарова – мать Натальи Николаевны – часто сама контролировала кухонные потребности. Сохранились ее автографы на записках повара о потребной к столу провизии: под корявым, с множеством ошибок, текстом, писанным крепостным человеком, каллиграфическим почерком ставилось «Наталья Гончарова». А на одной такой записке Н.И. Гончарова собственноручно приписала: «миндалю сладкого 2 фунта»¹⁸.

Внимание, которое уделяла Н.И. Гончарова домашнему хозяйству, находилось в русле столичной моды тех лет. К концу первого десятилетия XIX в. представительницы высшего света стали проявлять живой интерес к собственному хозяйству. Писатель Г.Т. Северцев отмечал: «Нельзя не упомянуть о модном увлечении хозяйством. Даже богатые люди, не привыкшие считать свои расходы, следовали этой моде и сами отправлялись на рынок один раз в неделю для закупки всего необходимого. Это увлечение проникло к нам из Англии, являвшейся в то время идеалом экономии и правильного ведения хозяйства»¹⁹.

Однако мода эта длилась недолго: очень скоро, к середине 20-х гг. XIX в., знатные дворянки уже не позволяли себе такого неосмотрительного поведения, появление на кухне для них вновь стало дурным тоном. Поэтому стремление Натальи Николаевны Пушкиной сделать что-нибудь вкусное детям собственными руками шло вразрез с модой и мнением света. Тем дороже для нас эти маленькие человеческие штрихи к ее портрету.

Так какие же блюда готовились на кухне Полотняного Завода и подавались к господскому столу в 1830-х гг.?

Ответ на этот вопрос дает кухмистерская книга – ценнейшая находка, позволившая изучить меню и вкусы семьи Гончаровых. Вопреки ожиданиям, эти вкусы оказались очень простыми, если не сказать скромными. Приведем несколько наиболее типичных обеденных меню, которые повар планировал заранее и составлял к нему список необходимых продуктов:

18 февраля. Уха горячая, пироги, холодный винегрет, осетрина под соусом, на горячее – лещ, десерт – сладкий пирог;

19 февраля. Щи горячие, пироги, холодная белуга, ботвинья, соус, котлеты, жареный лещ, на сладкое – левашники [Маленькие пирожки с ягодой, жареные в масле. – С.И.];

20 февраля. Постное: щи, пироги, холодная белуга, соус соте, оладьи постные, кашка молочная; скоромное: суп казацкий, холодная осетрина под соусом, макароны, на сладкое – миндальный торт;

11 апреля. Щи кислые, пирожки с рыбой, холодный язык, соус зеленый, жареная говядина, хлеб, заварные кольца²⁰.

Никаких экзотических импортных продуктов, вычурных рецептов, иноязычных названий блюд. Единственным исключением за месяц стало блюдо, названное поваром «суп канцыме» [Консоме – светлый бульон из курицы или говядины. – С.И.]²¹. Готовились кислые щи и уха, весной – щи из крапивы; вторые блюда обычно состояли из жареной рыбы, холодного мяса, котлет, макарон. Все это подавалось на стол под различными соусами. На десерт повар пек пирожки с самой разной начинкой, плетенки, торты, делал крем и мороженое. Начали входить в дворянскую гастрономическую моду макароны. Привозили их в то время из Италии: особенно славились неаполитанские, которые подавались с пармезаном. Пушкин в письме к своему другу, библиофилу и библиографу С.А. Соболевскому писал:

У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармезаном макарони
Да яишницу свари...²²

Современники утверждали, что «варить хорошо макароны – великое искусство»²³. Вот какой рецепт могли прочитать хозяйки в 1826 г.: «Отвари макароны в бульоне с солью, перцем и тертым мускатным орехом, и коль скоро они будут свободно подаваться под пальцами, вынь их и переложь в кастрюлю с коровьим маслом, наскобленным сыром пармезаном, крупно толченым перцем и малою долею сметаны. Когда сыр распустится, положи макароны, обсыпав их тертым мякишем белого хлеба, смешанным с тертым же сыром; облей растопленным коровьим маслом и дай зарумяниться в печи под разогретым противнем, или вода над макаронами железной раскаленной лопаткою»²⁴.

Не обошла стороной мода на макароны и Полотняный Завод. В 1812 г. в источниках довольно часто встречаются упоминания о покупке в Калуге макарон и вермишели; кухмистерская книга более позднего периода, 1830-х гг., также содержит блюда с макаронами.

Повседневное меню семьи Гончаровых было скромным и очень «национальным», чуждым иностранных изысков. Но зато винный погреб мог похвастать изобилием самых изысканных вин из разных концов света. Шампанское красное и белое, бургундское красное и белое, мадера, медок, сотерн, шато лафит, портвейн, рейнское и венгерское, шабри и коньяк, ром и гравес – всего более двух десятков наименований. И это не считая домашних настоек и наливок, которые изготавливались регулярно и очень нравились всем взрослым²⁵.

Любимыми винами Гончаровых были гравес, мадера, Сен-Жульен, ром, шампанское. Другие марки вин, хранившиеся «в погребе», подавали редко.

Вино, названное ключником «гравес», на самом деле называлось Graves (грав) по названию региона французской провинции Бордо: ключник не был силен во французской транскрипции и записывал в

книгу учета то, что видел на этикетке. Иногда он именовал это вино «графским». Оттуда же, из Бордо, было родом и вино Сен-Жульен. Считается, что Пушкин, в молодости предпочитавший шампанское, в зрелые годы «изменил» ему с Бордо. Именно об этой смене вкуса поэт говорит в Онегине:

Но изменяет пеной шумной
Оно желудку моему,
И я Бордо благоразумный
Уж нынче предпочел ему.

Изучение винного погреба Полотняного Завода в 1830 г. приводит нас к любопытной гипотезе. Что же было подано к столу в мае 1830 г., когда поэт приехал в семью своей невесты? Обычно в месяц для семьи и гостей к столу подавалось от 30-ти до 50-ти бутылок вина. Но если внимательно подсчитать, сколько вина было взято со склада именно в мае 1830 г., то окажется, что за этот месяц было подано к столу 86 бутылок,²⁶ что в два, а то и в три, раза превышает «обычное» количество (!). И наибольшее количество вина было подано именно сорта Бордо. Этот факт может свидетельствовать лишь об одном: в мае 1830 г. в Полотняном Заводе было торжество, приуроченное к визиту Пушкина, да к тому же в его день рождения. Это торжество не нашло никаких иных подтверждений в источниках, мы сегодня располагаем только косвенными сведениями и гипотезами. Но очень вероятно, что в один из дней визита поэта в имении Гончаровых был устроен бал, на который съехались ближайшие соседи и знакомые семьи Натальи Николаевны, и где, не исключено, Пушкин мог познакомиться с соседом Гончаровых по имени из древнего рода Белкиных, ставшим прототипом для его Ивана Петровича Белкина. Чем иным можно было бы объяснить визит в Полотняный Завод владельца городского книжного магазина и библиотеки Ивана Антипина и его приятеля Фаддея Абакумова, как не широкой оглаской этого события? События, о котором знали все соседи Гончаровых, и весть о котором дошла даже до Калуги?

Фонд рода Гончаровых дает нам возможность заглянуть в повседневную жизнь семьи, оказавшуюся навеки связанной с именем Пушкина. Но рядом с Полотняным Заводом, с Болдино, с Михайловским текла параллельная жизнь простых людей, крестьян, чей рацион был не столь обилен и интересен, но который позволяет реконструировать частичку народного быта пушкинской эпохи. А, как известно, народный быт середины 1830-х гг. был тесно связан с эпидемией холеры.

Эпидемия не застала поэта в Полотняном Заводе, первые ее симптомы появились в России летом 1830 г. В том году холера обошла стороной Калужскую губернию. Однако превентивные меры, принятые правительством для борьбы с ней, внушают уважение. Конечно, с высоты современной медицины они кажутся наивными и неэффективными, но для начала XIX в. это был прорыв.

Для профилактики, своевременной диагностики и лечения болезни каждое помещичье хозяйство получило циркуляр, названный «Наставление простому народу как предохранить себя от холеры и лечить занемогших сею болезнью в местах, где нет ни врачей, ни аптек, подготовленный Медицинским Советом с утверждения господина министра внутренних дел». В числе прочего, этот документ давал рекомендации по «правильному питанию» в условиях эпидемии холеры и был разослан в каждое помещичье имение с обязательным указанием довести его содержание до крестьян. А.Н. Гончаров получил Наставление осенью 1830 г.²⁷ Нет сомнений, что в Болдино Пушкина тоже поджидал этот документ.

До нас дошел рассказ известного писателя П.Д. Боборыкина о «проповеди» Пушкина болдинским крестьянам: «Дядя П.П. Григорьев любил передавать мне разговор [Пушкина] с тогдашней [Нижегородской] губернаторшей Бутурлиной... Это было в холерный год. — «Что же вы делали в деревне, Александр Сергеевич?» спрашивала Бутурлина. — «Скучали?» — «Некогда было, Анна Петровна. Я даже говорил проповеди». — «Проповеди?» — «Да, в церкви, с амвона, по случаю холеры. Увещевал их. — «И холера послана вам, братцы, оттого, что вы оброка не платите, пьянствуете. А если вы будете продолжать так же, то вас будут сечь. Аминь!»²⁸.

Но что еще мог сказать в своей «проповеди» Пушкин? Не только же про «оброк» и «пьянство»? И почему вдруг пришла к нему такая идея — выступать перед крестьянами? Ведь, как известно, сам поэт относился к эпидемии довольно легкомысленно. Думается, что в основу своей «проповеди» Пушкин положил именно «Наставление простому народу», скорее всего, творчески его переработав и снабдив собственными комментариями. А сама «проповедь» была его долгом законопослушного помещика, не исполнить который он не имел права.

Ужасно жаль, что текст этой пушкинской проповеди не дошел до нас. Но вполне вероятно, что Пушкин, помимо «оброка» и «пьянства», просвещал болдинских крестьян советами из «Наставления» о том, как и чем они должны питаться, дабы избежать заражения холерой: «Чтобы кушанье ели не сырое, а все вареное: щи, кашу, свеклу, картофель, кашу, похлебку из хороших молодых не червивых грибов, например, березовых, осиновых, белых, сыроежек, подорешин [Желтый груздь. — С.И.], только бы не были они варены целые, а мелко изрубленные. Можно есть умеренно морковь, репу, редьку, зрелые яблоки, груши и вкусные спелые ягоды, но чтобы не объедались.

Чтобы не ели грибов червивых, старых, также скрыпиц, волуев, дуплянок, синюх [Рядовка фиолетовая. — С.И.] и других жестких и нездоровых; не ели бы крепко засоленной рыбы, прогорьклой икры, старой солонины и ветчины; не объедались бы репою, огурцами, кочарыгами, гороховыми стручками и бобами; не ели бы много кислого молока, простокваши, киселя с суслом, квасу с капустою или огурцами и ботвиньею, ибо холодят в животе. Одним словом, не ели

бы ничего такого, что производит в человеке жажду, принуждает много пить и охлаждает желудок»²⁹.

А что же про пьянство? Неужели это только пушкинская фантазия, дежурный призыв помещика к крестьянам о трезвости? Нет, не фантазия. Вот что было сказано в «Наставлении» по этому поводу: «Чтобы жили воздержанно и скромно. Потому что холера пристаёт больше к людям пьяным, вздорным, неопрятным, которые привыкли бездельничать и свое здоровье портить. В низовых городах в Астрахани, Саратове, на Дону, в Пензе, Нижнем, в Москве и в других местах такие худаго разбора люди, почитай, все занемогли холерою и примерли, а те, которые остепенелись и стали жить смирно, трезво, чисто, опрятно, как следует добрым людям и христианам, все с божьей помощью от злой болезни избавились»³⁰.

* * *

Обыденная, повседневная жизнь Полотняного Завода была похожа на жизнь любой русской помещичьей усадьбы той поры. Крепкое хозяйство обеспечивало семью всем необходимым, и если бы не безрассудные поступки деда Натальи Николаевны, хозяйство приносило бы доход и служило надежным пристанищем. «Боже мой, — писал Пушкин жене в июне 1834 г., — кабы Заводы были мои, так меня в Петербург не заманили бы и московским калачом. Жил бы себе барином... Ух, кабы мне удрать на чистый воздух...»³¹ Это был спокойный, теплый, домашний мир российской провинции, мир, к которому Пушкин стремился все свои зрелые годы, но которого так и не смог достичь.

Мир, который мог спасти Пушкина для России...

Примечания

¹ Ippolitov S., Tiupa V. The Initial Text of the Russian Classical Prose // Новый филологический вестник. 2016. № 2 (37). С. 52–60.

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1265. Оп. 1. Д. 3305. Л. 10об.

³ РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1854. Л. 4.

⁴ РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 3088. Л. 151об.

⁵ Лаврентьева Е.В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры: Этикет. М., 2005. С. 433.

⁶ Лаврентьева Е.В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры: Этикет. М., 2005. С. 438.

⁷ РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 3299. Л. 5-6.

⁸ Гейченко С.С. У Лукоморья: Рассказывает хранитель Пушкинского заповедника. Л., 1981. С. 311.

⁹ Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 42.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 3683. Л. 9об.

¹¹ РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 3088. Л. 151.

¹² Смирнова-Россет А.О. Указ. соч. С. 54.

¹³ Бурнашев В.П. Энциклопедия русской опытной городской и сельской хозяйки, ключницы, экономки, поварики, кухарки, скотницы и птичницы,

содержащая в себе наставления и руководства по всем отраслям городского и сельского хозяйства, извлеченные из 40, 50 и 60 летних опытов русских хозяек Борисом Волежником: С присовокуплением домашней бухгалтерии и описания дамского гардероба и наставления кроить и шить всякого рода платья и др. уборы. СПб., 1842. С. 97.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 3088. Л. 21об.

¹⁵ Там же. Л. 8, 12, 24, 38.

¹⁶ Там же. Л. 24.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 3079. Л. 2.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1915. Л. 3.

¹⁹ Лаврентьева Е.В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры: Этикет. М., 2005. С. 477.

²⁰ РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 3316. Л. 3.

²¹ Там же. Л. 5.

²² Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 10 т. Т. II. Л., 1977. С. 316.

²³ Лаврентьева Е.В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры: Этикет. М., 2005. С. 443.

²⁴ Карманная книжка для поваров и поварих. Ч. 2. К употреблению в городе и деревне. М., 1826. С. 645.

²⁵ РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 2315. Л. 1–20.

²⁶ Там же. Л. 20.

²⁷ РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 2320. Л. 2.

²⁸ Боборыкин П.Д. За полвека: Воспоминания. М., 2003. С. 31.

²⁹ РГАДА. Ф. 1265. Д. 2320. Л. 6об.

³⁰ Там же. Л. 6.

³¹ Пушкин А.С. Письма к жене. Л., 1987. С. 62.

Автор, аннотация, ключевые слова

Ипполитов Сергей Сергеевич – канд. ист. наук, шеф-редактор журнала «Юриспруденция» (Москва)
nivestnik@yandex.ru

Статья написана на основе документов, недавно обнаруженных в фонде рода Гончаровых, который хранится в Российском государственном архиве древних актов. Эти неизвестные прежде документы позволили автору воссоздать некоторые стороны повседневной жизни семьи Гончаровых в их родовом имении Полотняный завод Калужской губернии в 1830-е гг. Главное внимание уделяется заготовкам съестных припасов, кулинарии и гастрономическим предпочтениям семьи Гончаровых, их любимым блюдам и винам. По мнению автора, повседневная жизнь Полотняного Завода, включая питание помещиц семьи Гончаровых, была похожа на жизнь любой русской помещицкой усадьбы той поры. Автор строит предположения, какие блюда пищу и какие вина могли подавать к столу в те дни, когда в имении Гончаровых гостил Александр Сергеевич Пушкин (1830 и 1834 годы), включая день рождения великого поэта.

А.С. Пушкин, Калужская губерния, Малоярославецкий уезд, Полотняный Завод, помещики, семья Гончаровых, Наталья Гончарова, повседневность, съестные припасы, питание

References (Articles from Scientific Journals)

1. Ippolitov S., Tiupa V. The Initial Text of the Russian Classical Prose. *Novyy filologicheskiy vestnik*, 2016, no. 2 (37), pp. 52–60.

(Monographs)

2. Lavrenteva E.V. *Povsednevnyaya zhizn dvoryanstva pushkinskoy pory: Etiket* [The Everyday Life of the Gentry in the Pushkin Time: Etiquette]. Moscow, 2007, p. 433.

3. Lavrenteva E.V. *Povsednevnyaya zhizn dvoryanstva pushkinskoy pory: Etiket* [The Everyday Life of the Gentry in the Pushkin Time: Etiquette]. Moscow, 2007, p. 438.

4. Lavrenteva E.V. *Povsednevnyaya zhizn dvoryanstva pushkinskoy pory: Etiket* [The Everyday Life of the Gentry in the Pushkin Time: Etiquette]. Moscow, 2007, p. 443.

5. Lavrenteva E.V. *Povsednevnyaya zhizn dvoryanstva pushkinskoy pory: Etiket* [The Everyday Life of the Gentry in the Pushkin Time: Etiquette]. Moscow, 2007, p. 477.

Author, Abstract, Key words

Sergey S. Ippolitov – Candidate of History, Chief Editor, Journal “Jurisprudence” (Moscow, Russia)
nivestnik@yandex.ru

The article is based on documents recently found in the Goncharov family's fund which is kept in the Russian state archive of Ancient Acts. These previously unknown documents allowed the author to restore some of the fragments from the Goncharovs' everyday life in Polotnyaniy Zavod (Linen Factory), their ancestral estate in Kaluga province during the 1830s. The main attention is paid to the preparation of food and culinary, their gastronomic preferences, favourite dishes and wines. The author argues that the everyday life at Polotnyaniy Zavod including meals was similar to that of any other estate at that time. The author speculates as to what sort of food and wines could be served at the time when the estate was visited by Alexander Pushkin in 1830 and 1834, including the great poet's birthday.

A.S. Pushkin, Kaluga province, Maloyaroslavets uyezd, Polotnyaniy Zavod (Linen Factory), landlords, Goncharov family, Natalya Goncharova, everyday life, victuals, meals

РОССИЯ И МИР

Russia and the World

А.В. Друзяка

РУССКИЙ НОТАРИАТ В ХАРБИНЕ (1904 – 1930-е годы)*

А. Druzyaka

Russian notarial services in Harbin (1904 – 1930s)

История нотариальных учреждений на Дальнем Востоке, начавшаяся в 1897 г. одновременно с проведением судебной реформы в Приамурском генерал-губернаторстве, была бы далеко не полной без описания такого уникального общественно-правового явления, как русский нотариат в северо-восточном Китае. С 1904 по 1920 гг. здесь активно функционировали судебные и нотариальные органы, обеспечивавшие юрисдикцию России на территории Русской Квантунской области с центром в Порт-Артуре и в полосе отчуждения КВЖД с центром в Харбине. Осенью 1920 г. юрисдикция русских судебных органов здесь была принудительно прекращена китайскими властями, однако русский нотариат вплоть до 1940-х гг. продолжал свою деятельность в Харбине уже в структуре китайского окружного суда.

Изучение истории нотариата в России началось сразу после его официального учреждения, когда в ходе судебной реформы Александра II 14 апреля 1866 г. было опубликовано «Положение о нотариальной части», содержавшее подробную регламентацию деятельности органов нотариата. Однако общественно-правовой и правозащитный институт нотариата на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии до сих пор обстоятельно не изучен, в отечественной историографии он нашел отражение лишь в последние годы в нескольких публикациях¹.

На рубеже XIX – XX вв. китайская система юстиции не только не имела органов, хотя бы отдаленно напоминавших по своей сути и функциям европейский нотариат, но и не выработала к этому времени определенной системы гражданского права. В тот период здесь все еще действовала традиционная феодальная административно-судебная система, не только не отвечавшая интересам развития

этого региона, но и способствовавшая консервации его отсталости. Свод гражданского законодательства Китая умещался в то время на нескольких страницах, а большинство правоотношений регулировались конфуцианскими нормами, традициями и обычаями. Как отмечал известный австрийский писатель и путешественник Эрнест фон Гессе-Вартег, китайский мандарин в то время во вверенном ему районе «не был только представителем правительства, но и в то же время главным полицмейстером, судьей, податным инспектором, предводителем дворянства и нотариусом; в его руках сосредотачивались все нити управления районом»².

В Российской империи, напротив, начались долгожданные и давно назревшие преобразования. В ходе осуществления судебной реформы в восточной части страны в июле 1897 г. были введены в действие судебные уставы и установления Александра II. Суд был выведен из системы административного управления, быстро развивались новые правовые институты – мировой суд, адвокатура, нотариат, служба судебных приставов, прокурорский надзор. Происходили процессы, связанные с ростом общественно-правовой роли личности и частной собственности, способствовавшие их правовой защищенности. Тогда же в сфере российских экономических и политических интересов в этот период оказались соседние страны дальневосточного региона, и прежде всего северо-восточный Китай и Корея.

Российский Дальний Восток и Маньчжурия в условиях режима фактически открытой границы в этот период составили своего рода территориально-экономический симбиоз, основанный на широком взаимном привлечении природных, финансовых и людских ресурсов. Наиболее ярко это проявилось в развитии приграничной торговли, в формировании общего товарного рынка и рынка рабочей силы в приграничных районах, появлению и развитию новых отраслей промышленности. Экономическое и политическое влияние России способствовало быстрому развитию Маньчжурии в 1898 – 1920-х гг. Типичный для Российской империи тип колонизации здесь был основан на экспорте российского и масштабном привлечении международного капитала, новейших для того времени технологий, строительстве дорог, городов, морских портов, развитии культуры и образования. Начавшееся в конце XIX в. российское продвижение в Маньчжурию, строительство КВЖД и аренда Квантунской области потребовали учреждения здесь органов российской юстиции и введения современного законодательного регулирования в гражданско-правовой сфере.

Контракт на постройку КВЖД от 27 августа 1896 г. и договор между строительным управлением КВЖД и Гириным цзяньцунем (губернатором провинции) предполагал создание временного административно-судебного органа – Смешанного присутствия Цзяо Кэцзюй («Комиссия императорской экспертизы»), состоящего из китайских чиновников и уполномоченных русского главного инженера дороги. Эта комиссия, ведавшая вопросами

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Государственного фонда общественных наук Китайской Народной Республики, № 12BZS071

взаимоотношений между местным населением, строителями дороги и переселенцами, выполняла кроме прочего и нотариальные функции³. 16 августа 1899 г. было утверждено временное «Положение об управлении Квантунской областью», согласно которому на саму область и на южную ветвь КВЖД было распространено действие российских судебных уставов и установлений⁴.

26 февраля 1900 г. был открыт Порт-Артурский окружной суд. На территорию основной магистрали КВЖД была распространена компетенция Владивостокского и Читинского окружных судов, а на южную ветвь дороги от Харбина до Порт-Артура и на Квантунскую область – Порт-Артурского суда. В свою очередь, эти суды были подведомственны Иркутской судебной палате. 9 декабря 1902 г. был торжественно открыт мировой суд в Харбине. Первым русским мировым судьей здесь был назначен бывший судебный следователь Владивостокского суда К.И. Кайдо⁵.

Согласно указу императора Александра II Правительствующему Сенату от 28 февраля 1880 г., в тех местностях, где не были назначены нотариусы, совершать нотариальные засвидетельствования были обязаны мировые судьи. На линии КВЖД нотариальные обязанности в дальнейшем исполняли участковые мировые судьи на станциях Ханьдаохэцзы, Хайлар, Харбин и Маньчжурия, а также в Порт-Артуре. Основными нотариальными действиями являлись засвидетельствование подлинности подписей на актах, купчие крепости, закладные, документы на отвод городской земли. По общему мнению, учреждение нотариальных органов здесь было необходимо для упорядочения и обеспечения гражданского оборота. В строящихся Порт-Артуре и Дальнем с 1900 по 1902 гг. уже было совершено 116 различных нотариальных актов, удостоверенных судебными чинами. Председатель суда В.А. Скворцов в своем докладе в Иркутскую судебную палату сообщал, что общее собрание членов Порт-Артурского окружного суда, состоявшееся 23 января 1903 г., «учреждение при суде должности старшего нотариуса единогласно признало желательным»⁶.

14 мая 1903 г. министр финансов С.Ю. Витте, лично курировавший строительство Дальнего, Порт-Артура и Харбина, обратился в Министерство юстиции с ходатайством об учреждении в этих городах нотариальных органов. Он прямо связал его с необходимостью правового обеспечения развития этих городов: «Что касается Харбина, то необходимость в особом нотариальном учреждении там вполне назрела. Число жителей в этом городе превышает ныне 20 000 человек, в нем появилось немало торговых и промышленных заведений, возник довольно оживленный торговый оборот, который требует постоянного участия нотариуса. При введении в полосу отчуждения КВЖД судебных учреждений, устройство нотариальной части на общих, действующих в Империи основаниях представлялось затруднительным уже потому, что в то время едва ли нашлись бы лица, которые... открыли бы в малоизвестной и малонаселенной местности нотариальную контору.

Ныне в этом отношении обстоятельства существенно изменились. Во время совершения минувшей осенью поездки для обозрения КВЖД, мне были сделаны заявления о желании некоторых лиц принять на себя исполнение обязанностей нотариуса на общих основаниях, т.е. без назначения содержания из казны»⁷. После этого было принято решение об учреждении должности нотариуса в Порт-Артуре⁸.

Между тем, полоса отчуждения вдоль железной дороги от Забайкалья до Владивостока и Ляодунского полуострова, с административными центрами в Харбине и Порт-Артуре, уже фактически представляла собой своеобразную «Заамурскую губернию» с особым начальником, русской полицией, русским судом, войсками, пограничной охраной, тюрьмой и т.д. Здесь действовали также законодательство и судебные уставы и установления Российской империи.

С утратой Порт-Артура и Дальнего в ходе Русско-японской войны главным административным и деловым центром Маньчжурии стал Харбин. В 1904 г. у мирового судьи восточного участка КВЖД К.И. Кайдо объем работы по нотариальной части увеличился почти вдвое: если в период с 1 февраля по 1 октября 1903 г. он засвидетельствовал 2 788 актов, то за аналогичный период 1904 г. – уже 4 980⁹. В очередном обращении в Иркутскую судебную палату председатель Пограничного суда В.А. Скворцов писал о том, что к 1906 г. «торговая часть Харбина (Пристань) переполнена населением, что вызывает крайний подъем цен на квартиры, постоянное переполнение всех гостиниц и меблированных комнат, весьма оживленный характер торговой деятельности, на которую, по всей видимости, не оказывают влияния военные события... Быстрый рост экономической жизни края, в особенности в Харбине, должен также, несомненно, вызывать как увеличение дел исковых, так и нотариальных сделок, подлежащих утверждению старшего нотариуса, обязанности которого исполняет один из членов суда»¹⁰.

19 мая 1904 г. в Харбине была учреждена вакансия нотариуса, а 7 сентября 1904 г. на нее был назначен Владимир Федорович Адамс, ранее занимавший должность нотариуса во Владивостоке. Вторая должность городского нотариуса была введена в городе указом Николая II от 13 сентября 1906 г. После проведения конкурсного отбора на нее был назначен К.И. Кайдо, вышедший в отставку с поста мирового судьи и занимавшийся адвокатской деятельностью¹¹.

Как и в большинстве портовых городов и крупных торгово-промышленных центров России, харбинские нотариусы занимали в городской социальной иерархии высокое место, а их правовой статус был уникальным для своего времени. Их должности учреждались специальными императорскими указами, а именные печати украшал не областной герб, как у их коллег, действовавших в пределах России, а государственный герб империи с двуглавым орлом и короной. В связи с неопределенным правовым статусом российской власти в Маньчжурии, вопросы, касающиеся их деятельности, порой решались на самом высшем уровне государственного управления.

Так, вплоть до 1907 г. существенную проблему составляло отсутствие правового статуса харбинского муниципалитета. По действовавшему в России законодательству, местные сборы нотариусы были обязаны передавать в городскую казну, но в связи с отсутствием в полосе отчуждения КВЖД городов, имевших официальный статус в Российской империи, нотариусы перечисляли местные сборы на депозит окружного суда. Положение об общественном управлении в Харбине было выработано в особом совещании при премьер-министре П.А. Столыпине и утверждено императором Николаем II 29 ноября 1906 г. В 1907 г. в Харбине было введено выборное городское самоуправление, которое получило законное право на сборы с актов, совершаемых у местных нотариусов, и на издание обязательных для них постановлений¹².

К 1904 г. Харбин представлял собой крупный город с населением в 30 тыс. человек, население которого постоянно росло за счет русских, азиатских и европейских переселенцев. Свообразным харбинским Сити в то время был район Пристани с главной улицей, имевшей название Китайская (ныне центральная пешеходная улица в историческом районе Харбина Дао Ли (Dao Li) – ул. Чжун ян (Zhun Yang Jie)). Здесь размещались биржа, крупнейшие банки, фешенебельные отели, магазины и рестораны, представительства мировых торговых и промышленных компаний, здесь же были открыты конторы харбинских нотариусов.

К 1917 г. в Харбине работали две нотариальные конторы – К.И. Кайдо (помощником у него работал М.В. Второв) и В.С. Алейникова. Контора Кайдо находилась по адресу ул. Мостовая, дом 12, в собственном доме на углу улицы Участковой. На той же улице Мостовой в доме Трофимова, напротив Банка взаимного кредита, находилась контора Алейникова. Нотариусы активно участвовали в формировании органов городского самоуправления. К.И. Кайдо и М.В. Второв стояли у истоков создания харбинского Общества землевладельцев и домовладельцев, которое К.И. Кайдо впоследствии долгое время возглавлял. Помимо объединения и правовой защиты интересов городских собственников, это общество, устав которого был зарегистрирован 13 марта 1912 г., осуществляло также их кредитование из фондов собственного банка. Первоначально в состав общества входили только европейцы, с 1920 г. к ним присоединились и китайские собственники городской недвижимости¹³.

После смерти нотариуса В.С. Алейникова в 1917 г. на вакантную высокодоходную должность харбинского нотариуса претендовали 11 соискателей. В результате на нее был назначен бывший председатель Харбинского общественного управления М.С. Уманский. Его контора находилась недалеко от набережной Сунгари, по улице Китайской, дом 7¹⁴.

Двери нотариальных контор были всегда открыты для всех жителей Харбина, без учета их национальности или гражданства, имущественного и социального положения. К нотариусам

обращались не только проживавшие в Маньчжурии европейцы, японцы и американцы, но и китайцы, все более вовлекаемые в сферу деловых взаимоотношений в российском правовом поле. Они нередко обращались к нотариусу даже при необходимости засвидетельствования двусторонних актов, совершаемых без участия европейцев. Например, в 1918 г. русскоязычная харбинская газета «Вестник Маньчжурии» поместила на своих страницах следующее объявление: «Сим объявляю, что доверенными моими китайцы Лю Минчжен и Ван Ченпин больше не состоят. Выданные мною им доверенности, засвидетельствованные у Харбинских нотариусов, прошу считать недействительными. Подрядчик Ти Юйсин»¹⁵.

По данным историка КВЖД Е.Х. Нилуса, деятельность двух городских нотариусов в Харбине в 1904 – 1920 гг. выразилась в следующих цифрах: «...Ими было совершено 148 513 нотариальных актов и различных засвидетельствований на сумму 250 824 049 руб. 25 коп.; было протестовано 32 350 векселей на сумму 10 542 875 руб. 40 коп. Всего ими было совершено разных нотариальных действий на сумму 11 156 569 руб. В общей сложности нотариусами Харбина в период 1904 – 1920 гг. было совершено разных нотариальных действий на сумму 272 523 484 руб. 65 коп. Кроме того, ими было получено и внесено в городскую казну сборов на сумму 292 877 руб. Только в период с 01.01.1920 по 01.07.1920 гг. двумя городскими нотариусами Харбина было совершено 4 786 нотариальных актов на сумму 19 111 392 руб. 55 коп., протестовано 34 векселя на сумму 588 262 руб., внесено в пользу городского общественного управления 74 672 руб. 20 коп.»¹⁶.

В период революционных потрясений и Гражданской войны харбинские нотариусы не только не прекратили свою деятельность, но даже активизировали ее. Деловая активность в городе увеличилась, так как дальневосточный и сибирский капитал поспешно выводил свои активы из зоны боевых действий в относительно спокойную Маньчжурию. Деловому Харбину в этот момент стабильность была особо необходима, поэтому российские и китайские власти стремились сохранить здесь привычный для всех “status quo” до окончания войны.

После поражения белых в европейской части России ситуация изменилась коренным образом.

В феврале 1920 г. была упразднена Иркутская судебная палата, в ведении которой находились все судебные установления Восточной Сибири, Дальнего Востока и Маньчжурии. 23 сентября 1920 г. декретом президента Китайской республики был отменен правовой режим экстерриториальности иностранцев на ее территории. 25 сентября 1920 г. распоряжением Чжан Цзолина на территории созданного Особого района восточных провинций Китайской республики были закрыты российские консульства. Ранее были упразднены подразделения русской городской полиции и охранной стражи КВЖД. 1 октября 1920 г. был принудительно закрыт Пограничный окружной суд в Харбине. Существование российской

юстиции в Маньчжурии было официально закончено, однако нотариальная часть при этом не прекратила свою деятельность.

Как могут свидетельствовать справочные издания того времени, после учреждения в Маньчжурии китайского Окружного суда и Судебной палаты Особого района восточных провинций, все ключевые должности (председателя суда и судебной палаты, судей и прокуроров) занимали китайцы. Из всех учреждений юстиции, связанных с упраздненным русским судом, в 1920 г. не подвергся закрытию лишь нотариат, «как институт хотя и чуждый пока китайскому законодательству, но жизненно ему необходимый»¹⁷. Через некоторое время стало очевидно, что китайским властям ничего иного не остается, как возобновить работу нотариальных контор на новой организационной основе. Нотариат отныне был подведомствен гражданской палате окружного суда Особого района восточных провинций, однако в качестве правовой основы его функционирования было решено сохранить гражданское законодательство Российской империи и «Положение о нотариальной части» 1866 г.

В марте 1921 г. русские нотариусы М.С. Уманский и А.Ф. Сакович получили назначение на должности в новом, китайском окружном суде Особого района восточных провинций¹⁸. Нотариат отныне был подведомствен гражданской палате этого суда. Вслед за этим была разрешена деятельность русских адвокатов, были частично сохранены кадры русской полиции (наружное наблюдение и уголовный розыск), а также тюремной охраны.

К русским служащим приставили драгоманов – штатных китайских переводчиков, посредников и наблюдателей, однако существенного влияния на характер и порядок деятельности нотариата это не оказало¹⁹. Власти Особого района восточных провинций в этот период предприняли действия, которые можно назвать рецепцией основ гражданского законодательства Российской империи и «Положения о нотариальной части» 1866 г. Эти правовые акты, уже утратившие свое юридическое значение в Советской России, были переведены на китайский язык и в дальнейшем, вплоть до 1940-х гг., сохранялись в качестве основы гражданских правоотношений в Харбине.

Доказательством того, что город в этот период не утратил русский нотариат, служат биографические данные нотариусов М.С. Уманского, М.Ф. Второва, А.Ф. Саковича, Л.И. Изотова, официальные сведения о штатах судебных учреждений, материалы городской периодической печати. Так, М.В. Второв в марте 1921 г. поступил на службу во вновь открывшуюся контору нотариуса М.С. Уманского. После смерти последнего, 23 декабря 1923 г., был уволен со службы, но уже 31 декабря приказом председателя Судебной палаты Особого района восточных провинций был вновь назначен на должность нотариуса города Харбина, которую бессменно занимал до 1 декабря 1937 г.²⁰

В 1920-е гг. в Харбине были упразднены все учреждения русской

государственной власти, были поставлены под контроль китайских властей органы городского самоуправления. Важной основой для объединения русских эмигрантов в этот период стали церковные общины. Рухнувшие государственные устои жители города пытались заменить общественными авторитетами. Нотариусы, всегда игравшие в жизни российской диаспоры значительную роль, принимали в деятельности православных церковных общин самое живое и непосредственное личное участие. Нотариус А.Ф. Сакович был избран председателем финансовой комиссии общественного комитета по сбору средств на строительство новой Благовещенской церкви в Харбине. Сбором средств на строительство Свято-Алексеевской церкви в районе Модягоу в Харбине руководил нотариус М.В. Второв. После того как храм с невероятными трудностями был достроен, он с 1926 по 1941 гг. состоял при нем церковным старостой. Эти факты свидетельствуют о высоком общественном признании и авторитете харбинских нотариусов.

Значение института нотариата в организации городской жизни стало возрастать именно в 1920-е гг. После окончания Гражданской войны в России и поражения белых на Дальнем Востоке, их остатки укрылись в Маньчжурии, вместе с ними сюда хлынул поток беженцев. В 1920 – 1924 гг. здесь проживало не менее 150 – 180 тыс. русского населения, затем его численность начала снижаться за счет выезда эмигрантов в третьи страны. В условиях численного сокращения русской диаспоры и трансформации всей системы властных органов в Харбине и полосе отчуждения КВЖД русский нотариат сумел пережить ряд мощных потрясений, связанных с передачей муниципального самоуправления в руки китайских властей (1926 г.), созданием Маньчжоу-Го (1932 г.), продажей КВЖД (1935 г.).

Правовые услуги харбинских нотариусов были востребованы и советским руководством КВЖД. Так, доверенность на представительство интересов в суде, выданная юрисконсульту дороги, гражданину СССР В.Б. Разумовскому, была засвидетельствована харбинским нотариусом А.Ф. Саковичем 5 июля 1928 г. в его конторе на улице Китайской, дом 17²¹. Этот факт примечателен тем, что профессиональный юрист, бывший прокурор Благовещенского окружного суда, нотариус Анатолий Федорович Сакович в годы Гражданской войны являлся юрисконсультom контрразведки КВЖД и одновременно возглавлял в этом органе отдел по борьбе с большевизмом²². Текст доверенности орфографически и стилистически свидетельствует о том, что форма нотариальной делопроизводства в Харбине и в конце 1920-х гг. осталась подчеркнута «старорежимной».

Личность нотариуса, безусловно, отвечала запросу большинства европейского населения города, состоявшего преимущественно из бывших российских подданных, эмигрантов и иностранцев. Вместе с тем, бытовавшая здесь историческая форма нотариата и сама фигура русского нотариуса стали воплощением хотя и временного,

но достаточно удачного компромисса, достигнутого властью и обществом, «белыми» эмигрантами, «красными» работниками и служащими КВЖД, европейцами и азиатами под общей юрисдикцией китайской администрации и городского самоуправления, а с 1932 г. – под бдительным контролем японских завоевателей. В условиях уникального по своей эклектике социально-культурного пространства города Харбина 1920 – 1930-х гг. правовой институт нотариата остался общедоступным, легитимным и был широко востребован.

Уже в 1920 г. в Харбине действовали конторы китайских нотариусов. В 1931 г., после временного отстранения А.Ф. Саковича, в должности нотариуса был утвержден Ли Цзиншан. 14 июля 1931 г. в русскоязычной газете «Гун Бао» было опубликовано его объявление о том, что «в настоящее время передача дел бывшего Нотариуса уже закончена и моя контора открыта для производства дел с 14 июля сего года. При наличии всяких дел, порученных населением как китайским, так и иностранным для засвидетельствования, я, Нотариус, буду свидетельствовать, основываясь на началах справедливости, равенства и скорейшего выполнения, чтобы права населения были неоспоримо закреплены»²³. По данным на 1932 г., в Харбине открылась контора нотариуса Юй Ляньцзы, однако вытеснения русских нотариусов за этим не последовало²⁴. После отставки М.В. Второва с конца 1937 г. нотариусом Харбина служил Л.И. Изотов, бывший прокурор Пограничного суда.

Беззатратный и высокодоходный для государства, нотариат всегда привлекал клиентов еще и наличием правовых гарантий. В случае юридической ошибки или неправомерных действий по должности нотариус был обязан компенсировать причиненный вред всем своим имуществом. Значение деятельности общественно-правового и правозащитного института русского нотариата в Маньчжурии состоит в том, что она обеспечивала правовую стабильность и защищенность деловой активности, гражданского оборота и отношений собственности в этой части Азии, на время ставшей второй родиной для десятков тысяч россиян. Более чем сорокалетняя история русского нотариата в Маньчжурии является важной частью истории двусторонних отношений, а своеобразие условий его функционирования и судьбы работавших здесь русских нотариусов, на наш взгляд, заслуживают внимания и дальнейшего изучения. Практика российского нотариата в Харбине сегодня вызывает активный интерес у действующих нотариусов России и Китая, прежде всего как образец общественного консенсуса, сложившегося в результате взаимодействия нотариата с администрацией, населением и предпринимательским сообществом Харбина.

Примечания

¹ Друзья А.В. «Пасынки Фемиды» или последний оплот законности?:

Нотариат на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии (1897 – 1930-е гг.) // Россия и АТР. 2015. № 4. С. 145–154; Друзья А.В. Нотариусы «Русской Атлантиды» // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 1. С. 44–60; Друзья А., Buyarov D., Kireev A. “Institute at Still and Strange to Chinese Law, but Vitality He Needs”: Russian Notary in Manchuria (1904 – 1940-ies.)” // Journal of Advanced Research in Law and Economics. Spring 2016. Vol. VII. Issue 1 (15). P. 49–55.

² Гессе-Варнег Э. Китай и китайцы: Жизнь, нравы и обычаи современного Китая. СПб., 1900. С. 28.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 323. Оп. 1. Д. 1253. Л. 120–124

⁴ Собрание узаконений и распоряжений Правительства. 1899. № 1524. Ст. 537.

⁵ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 246. Оп. 2. Д. 13. Л. 17, 17об.

⁶ ГАИО. Ф. 246. Оп. 6. Д. 26. Л. 5.

⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 415. Л. 2–3.

⁸ Собрание Узаконений и распоряжений Правительства. 1903. Отд. 1. № 71. Ст. 835.

⁹ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1389. Л. 24.

¹⁰ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1389. Л. 22.

¹¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 415. Л. 1–5

¹² ГАИО. Ф. 246. Оп. 2. Д. 13. Л. 51, 55.

¹³ Юбилейный сборник Харбинского общества домовладельцев и землевладельцев. Харбин, 1937. С. 69.

¹⁴ ГАИО. Ф. 246. Оп. 9а. Д. 4. Л. 33–35.

¹⁵ Вестник Маньчжурии (Харбин). 1918. 27 июля.

¹⁶ Нилус Е.Х. Исторический обзор КВЖД: 1896 – 1923 гг. Харбин, 1923. С. 568, 569.

¹⁷ Нилус Е.Х. Исторический обзор КВЖД: 1896 – 1923 гг. Харбин, 1923. С. 565.

¹⁸ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 41726. Л. 1–5.

¹⁹ Весь Харбин: Адресная и справочная книга на 1926 год. Харбин, 1926.

²⁰ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 8904. Л. 1.

²¹ РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 691. Л. 43об.

²² ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 41726. Л. 1–5.

²³ Гун Бао (Харбин). 1931. 14 июля.

²⁴ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 8904. Л. 8–9; Гид Харбина (1932 – 1933). Харбин, 1933. С. 21.

Автор, аннотация, ключевые слова

Друзья Андрей Викторович – канд. ист. наук, доцент Благовещенского государственного педагогического университета
druzyaka12@mail.ru

В статье на основании ранее не опубликованных документов из российских центральных и региональных архивов рассматриваются основные события истории нотариальных учреждений в Маньчжурии. Основное внимание уделяется историческим условиям становления и

трудностям деятельности русского нотариата в 1904–1930-х гг. Кроме того, даются сведения о судьбах русских нотариусов. По заключению автора, русский нотариат в Харбине стал воплощением удачного компромисса между властью и обществом, между антибольшевистскими русскими эмигрантами и советскими служащими КВЖД, между европейцами и азиатами под общей юрисдикцией китайской администрации и городского самоуправления. Работа русского нотариата в Маньчжурии обеспечила стабильность прав собственности и защищенность коммерческой деятельности в Маньчжурии, которая на длительное время стала второй родиной для десятков тысяч русских людей.

Русско-японская война, Гражданская война в России, Маньчжурия, Особый район восточных провинций Китая, Харбин, Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), русская эмиграция, городское самоуправление, нотариат, нотариальная контора, нотариус

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Druzyaka A.V. Notariusy “Russkoy Atlantidy”. *Problemy Dalnego Vostoka*, 2014, no. 1, pp. 44–60.
2. Druzyaka A.V. “Pasyunki Femidy” ili posledniy opлот zakonnosti?: Notariat na Dalnem Vostoke Rossii i v Manchzhurii (1897 – 1930-e gg.). *Rossiya i ATR*, 2015, no. 4, pp. 145–154.
3. Druzyaka A., Buyarov D., Kireev A. “Institute at Still and Strange to Chinese Law, but Vitally He Needs”: Russian Notary in Manchuria (1904 – 1940-ies.)”. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, Spring 2016, vol. VII, issue 1 (15), pp. 49–55.

(Monographs)

4. Nilus E.Kh. Istoricheskiy obzor KVZhD: 1896 – 1923 gg. [Historical Overview of Chinese Eastern Railway: 1896 – 1923]. Harbin, 1923, p. 565.
5. Nilus E.Kh. Istoricheskiy obzor KVZhD: 1896 – 1923 gg. [Historical Overview of Chinese Eastern Railway: 1896 – 1923]. Harbin, 1923, pp. 568, 569.

Author, Abstract, Key words

Andrey V. Druzyaka – Candidate of History, Senior Lecturer, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk, Amur Region, Russia)
druzyaka12@mail.ru

This article is based on previously unpublished documents from Russian federal and regional archives. The author examines the main events in the history of notarial services in Manchuria. It focuses on the historical formation and the difficulties in the daily functioning of Russian notaries between 1904 – 1930s. In addition, data about the destinies of the Russian notaries is presented. According to the author's conclusion, the Russian notary in Harbin became the embodiment of a good compromise between power and society, between the anti-Bolshevik Russian émigrés and the Soviet employees of the Chinese Eastern

Railway Company, between the Europeans and the Asians under the general jurisdiction of the Chinese administration and municipal self-government. The work of the Russian notaries in Manchuria ensured the stability of property rights and security of commercial activities in Manchuria, which became a second homeland for tens of thousands of Russian people for a long time.

Russian-Japanese War of 1904 – 1905, Russian Civil War, Manchuria, Special Administrative Region of the Eastern Provinces of China, Harbin, Chinese Eastern railway (CER), Russian emigration, municipal self-government, notaries, notary office, notary

А.А. Попов

**«НАШ ОТВЕТ»
ЕВРОПЕЙСКОМУ ОБЪЕДИНЕНИЮ УГЛЯ И СТАЛИ:
ПОПЫТКИ КООПЕРАЦИИ СТРАН СЭВ
В СФЕРЕ ДОБЫЧИ УГЛЯ И ЖЕЛЕЗНОЙ РУДЫ
(1950-е годы)**

A. Popov

**“Our Response” to the European Coal and Steel Community:
Cooperation Efforts of the CMEA Countries
in the Sphere of Coal and Iron Ore Mining (1950s)**

События 1956 г. в значительной мере определили новые контуры «социалистического лагеря» в Восточной Европе. Разоблачение Н.С. Хрущевым культа личности И.В. Сталина на XX съезде КПСС, Познанское рабочее восстание в Польше, антикоммунистическое восстание в Венгрии и ввод туда советских войск для его подавления – каждое из этих событий сыграло значительную роль в формировании новой системы отношений между СССР и странами «народной демократии». Но в тени этих драматичных событий и процессов осталось немало планов и решений, весьма важных для понимания альтернатив развития политической и экономической интеграции «Восточного блока».

В последние годы вырос интерес исследователей к проблеме влияния западноевропейской интеграции, в том числе формирования наднациональных организаций в Западной Европе в 1951 – 1955 гг., на политику советского руководства по отношению к странам «народной демократии»¹. Хорошо изучен один из самых ярких примеров такого влияния – появление Объединенного института ядерных исследований (ОИЯИ), которое было прямой реакцией на появление Европейской организации по ядерной энергии (ЦЕРН) и подготовки стран «малой Европы» к созданию Евратома². Но многие аспекты такого влияния, особенно в контексте существовавших на тот момент объективных проблем кооперации между социалистическими странами, до сих пор изучены слабо.

* * *

В середине 1950-х гг. власти СССР, столкнувшись с объективными проблемами экономического развития, санкционировали реформу системы Госплана³. Параллельно для расширения возможностей планирования была активизирована работа созданного в 1949 г. Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), деятельность которого в послевоенный период носила во многом формальный характер⁴.

Почти все страны «народной демократии» испытывали острую необходимость в поставках железной руды и угля. Советский

Союз и Польша могли обеспечить поставки этих ресурсов, но сами нуждались в инвестициях для развития добычи. В то же время удачный опыт стран Западной Европы (Франция, Германия, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург), где с 1952 г. функционировал единый рынок железной руды, стали и угля в рамках Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), говорил о необходимости расширения кооперации в этой сфере.

Вопросы углубления экономического сотрудничества уже в 1956 г. были вынесены на самый высокий уровень обсуждения – Совещания руководителей коммунистических и рабочих партий европейских стран народной демократии (с июня 1956 г. – Совещания руководителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран).

Стенограммы Совещаний и материалы заседаний Президиума ЦК КПСС вместе с официальными торговыми договорами и статистическими данными стран СЭВ позволяют реконструировать процессы как возникновения и краха планов по углублению многосторонней кооперации, так и формировании вместо них системы централизованного распределения угля и железной руды.

На пути к единой системе распределения угля и железной руды

Первое в 1956 г. Совещание руководителей коммунистических и рабочих партий европейских стран народной демократии состоялось 6 – 9 января в Москве. Большую часть времени работы Совещания заняло обсуждение первого пункта повестки – «Вопросы экономического сотрудничества». Во вступительном слове Н.С. Хрущев призвал участников к «широкой кооперации внутри наших стран» и специализации стран в отдельных отраслях производства для решения важнейших проблем неэффективного использования одних и дефицита других ресурсов⁵.

На следующем заседании глава восточногерманской делегации и Первый секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии Вальтер Ульбрихт, выступая в качестве председателя, конкретизировал стоявшую перед странами «социалистического лагеря» глобальную задачу, прямо указав на успехи западноевропейской интеграции: «Превосходство лагеря социалистических государств может быть достигнуто лишь в том случае, если будут осуществлены тесное сотрудничество, а также в известной мере разделение труда. Невозможно строить социализм в народно-демократическом государстве лишь своими собственными силами. Мы бы хотели, чтобы совещанию были подготовлены некоторые материалы по организации экономического сообщества в европейском объединении угля и стали и в Северо-атлантическом блоке (НАТО). Из известных нам материалов вытекает, что империалистические великие державы по многим вопросам сотрудничают более организовано, чем мы в настоящее время»⁶.

Необходимость расширения сотрудничества признавалась

всеми участниками, но выступление каждой делегации содержало претензии к партнерам по СЭВ. Наибольшие вопросы вызывали специализация в сфере машиностроения и поставки сырья для металлургии и энергетики.

Проблема дефицита угля и железной руды и неэффективности инвестиций в расширение добычи этих ресурсов собственными силами была поднята уже в первый день главой чехословацкой делегации – Первым секретарем ЦК Коммунистической партии Чехословакии Антонином Новотным. Отвечая ему, Хрущев впервые обозначил контуры будущего сотрудничества: «Главное, надо развивать добычу в Советском Союзе, у которого есть большие запасы и с очень большим содержанием железа руда, например, криворожская до 60 проц. У нас это очень плохо делается и в этом уже мы виноваты»⁷.

Еще четче проблему нехватки угля и руды обозначил глава польской делегации – Первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии Болеслав Берут. Поскольку Польская народная республика (ПНР) наравне с Советским Союзом и Чехословакией была одним из главных экспортеров природных ресурсов, в частности энергетического угля, именно от ее возможностей во многом зависели границы расширения кооперации.

На третьем заседании, 9 января, свою речь Берут начал с того, что добыча железной руды в Польше нецелесообразна: «Капиталовложения в рудную промышленность являются малоэффективными, и эти же самые деньги, вложенные в горную промышленность, дали бы экономически гораздо больше. Поэтому мы считаем нужным поставить вопрос о целесообразности форсирования в Польше добычи самых бедных и низкосортных руд»⁸.

Далее, характеризуя ситуацию в угледобывающей отрасли, он заявил, что к 1960 г. добыча каменного угля должна составить 110 млн тонн, то есть на 15,5 млн тонн больше, чем в 1955 г. Отмечая и тяжелые условия труда шахтеров, Берут заявил, что нехватка инвестиций – главная угроза для дальнейшего развития отрасли: «В пятилетие с 1956 по 1960 гг. будет работать 8 новых крупных шахт, будет введено около 30, примерно, до 40 мелких шахт и будут вестись работы по строительству 15 новых шахт как заделка для будущего плана... Все это, как уже было указано, требует больших капиталовложений, составляющих 20 проц. всех капиталовложений в промышленность. Дальнейшее увеличение было бы не по силам Польше»⁹.

Вероятно, Берут уступал инициативу внесения предложений по кооперации в сфере инвестирования добычи угля советской стороне, но в озвученных им в итоге предложениях не было упоминаний проблемы эффективного распределения ресурсов. В то же время, в 5-м пункте Берут предлагал увязать решение проблемы торговых балансов (взаимные задолженности между странами СЭВ в процессе торговли росли, а дефицит платежного баланса часто покрывался

только за счет советских кредитов) с принятием рекомендаций по поставкам как основы двусторонних соглашений¹⁰. Упоминание Берутом этого пункта уже предполагало, что Польша будет готова обсуждать планы экспортных поставок только после покрытия задолженностей ее партнерами.

Конкретные предложения по вопросам кооперации в своем заключительном слове озвучил Хрущев. Правда, начал он начал с идеи, которая в целом (исключая довольно общее предложение еще в первый день Совещания Первого секретаря Венгерской партии трудящихся Матяша Ракоши) не вытекала из выступлений на Совещании, а именно – о необходимости создания Восточного института ядерных исследований, поскольку «западные страны создали уже такой институт»¹¹. Целесообразным вынести такое предложение Президиум ЦК КПСС признал еще 16 ноября 1955 г. по предложению Министерства среднего машиностроения.

И лишь во вторую очередь Хрущев внес два предложения, непосредственно касавшихся наиболее обсуждаемых вопросов: первое – развивать добычу железной руды на базе Советского Союза, второе – развивать добычу угля на базе Польше (и в меньшей степени Чехословакии) по принципу долевого участия стран, заинтересованных в поставках советской руды и польского угля¹².

В этом фрагменте его выступления не было указаний на влияние организаций Западной Европы, но сама идея формирования единых систем по добыче угля и руды на базе наиболее богатых бассейнов за счет капиталовложений заинтересованных сторон явно испытала влияние Европейского объединения угля и стали. Из приведенного выше фрагмента выступления Ульбрихта ясно, что руководители стран народной демократии, как минимум, были ознакомлены с западноевропейским опытом.

Реализация планов кооперации, озвученных Хрущевым, по большому счету, зависела от возможностей Советского Союза и Польши по добыче железной руды и угля соответственно, а также от готовности остальных стран вкладывать капиталы в расширение добычи этих ресурсов. Ключевая проблема заключалась в том, что страны-импортеры (прежде всего, ГДР, Венгрия и Чехословакия как импортер энергетических углей) воспринимали инвестиции как залог будущих сверхплановых поставок, тогда как для экспортеров (Польши, СССР и Чехословакии как экспортера коксующихся углей) вливание капитала было необходимо уже для выполнения текущего плана. Для Советского Союза такое положение дел не было критичным, но польская экономика тяжело страдала от нехватки инвестиций.

Уже через полгода стало ясно, что планам кооперации в изначальном виде не суждено было сбыться.

Кризис системы долевого участия

12 марта 1956 г. неожиданно умер польский лидер Берут. Сразу

начали циркулировать слухи о насильственном характере смерти неугодного Москве консерватора. При поддержке Кремля Польскую объединенную рабочую партию возглавил Эдвард Охаб, считавшийся уравновешенным и предсказуемым политиком¹³. Между тем, экономическое положение в Польше продолжало ухудшаться. Для поддержания собственной экономики польские власти вынуждены пойти на срыв поставок угля в Чехословакию и Венгрию, что вызвало критику и в Москве, и в других социалистических столицах.

Обстановка накануне нового московского Совещания руководителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран 22 – 23 июня 1956 г. оказалась весьма накалена.

В первую же сессию Совещания, утром 22 июня, в специальном докладе, посвященном развитию добычи угля в СЭВ, представитель Польши в СЭВ П. Ярошевич высказал предположение о том, что «польская сторона может предложить уменьшение добычи угля в 1957, 1958 и 1959 гг.»¹⁴. Наиболее острой критике планируемое сокращение добычи подвергли в своих выступлениях представители венгерской и чехословацкой делегаций, государства которых уже столкнулись с проблемой срыва поставок.

Но затем последовало заявление члена Политбюро ЦК КПСС и министра торговли СССР А.И. Микояна о том, что советское правительство и ЦК КПСС «заседая вчера по этому вопросу решили, что надо идти навстречу всем странам, а в первую очередь Польше», поэтому Польша освобождалась от долевого участия в добыче советской руды¹⁵. Фактически это означало признание исключительно тяжелого положения в польской экономике.

С точки зрения развития кооперации, появление исключений уже было плохим знаком, но реальные масштабы проблемы прояснило лишь выступление вечером того же дня самого Охаба.

Глава польской делегации сходу заявил: «Я думаю, что вполне прав тов. Хрущев, когда сказал, что из претензий к полякам угля не будет, а нужно принять серьезные меры, чтобы к 1960 г. дать больше угля стране. Я думаю, что в 1960 г. мы не сможем дать 110 млн тонн каменного угля»¹⁶.

И в отличие от Берута он не ограничился простым рассказом о трудном положении польских шахтеров, а описал мрачную картину, грозящую социальным взрывом: «Нет ни одной неколонизальной страны, в которой шахтеры работали бы так, как в Польше: 24 воскресных дня, иногда 30 воскресных дней. В феврале этого года шахтеры работали без отдыха 4 недели – 27 дней в шахте без отдыха. В таких условиях работали наши шахтеры, но больше так работать не хотят. Больше они так работать не будут, и это нужно учитывать. Несколько дней тому назад, я был на конференции горняков в Сталиногруде [Катовице. – А.П.]. Старые шахтеры, которых хорошо знаю еще по подпольной работе, говорили со мной, что дальше дело не пойдет, нельзя требовать от рабочих, чтобы они работали в воскресные дни, а то получится так, что мы будем говорить

“работайте в воскресенье”, а они пойдут в другую сторону»¹⁷.

Более того, он довольно жестко обрисовал ближайшие перспективы: «Нужно считаться с тем, что в 1957, 1958, 1959 годах мы не дадим того количества угля, которое намечено по плану. Мы будем бороться всеми силами, чтобы выполнить план. Мы сами больше всех заинтересованы в том, чтобы побольше дать угля. Мы же получаем 58 80 млн [В машинописном тексте исправлено от руки. – А.П.] золотых рублей за миллион тонн угля. Какая же тут нужна еще агитация! А нам не хватает валюты. Агитировать нас за добычу угля, когда мы никакому другому вопросу в правительстве, в Политбюро не посвящаем столько времени, как углю – это прямо удивляет нас и товарищи видно не знают хорошо условий, в каких мы боремся за уголь... Я считаю своим долгом сказать, что мы видим угрозу даже для этого плана 110 млн тонн угля в 1960 г., особенно в 1957 – 1959 гг.»¹⁸.

Далее Охаб перешел к другой угрозе выполнения плана – торговым балансам. Суть проблемы, в его изложении, заключалась в том, что страны народной демократии были должны Польше свыше 2 млрд руб., при этом самой Польше не хватало валюты для закупки необходимых ресурсов. Обвинения, будто бы Польша получила от капиталистических стран 1,7 млрд руб., глава польской делегации назвал «фантазией», после чего сделал громкое заявление: «Конечно, если мы не получим из стран народной демократии зерно, которого нам не хватает, основные виды сырья, хлопок, шерсть, цветные металлы, то тогда у нас нет другого выхода, мы должны будем снимать тот же уголь из стран даже часть угля из поставок странам [В машинописном тексте исправлено от руки. – А.П.] народной демократии. Ради наших красивых глаз капиталисты нам зерно, шерсть, медь не дадут»¹⁹.

По мнению польской стороны, срыв плана по добыче угля был вызван несколькими факторами. Во-первых, «невыносимые условия» привели к дефициту рабочей силы в шахтах, который власти попытались компенсировать привлечением заключенных и военнослужащих, что только усугубило ситуацию²⁰. Во-вторых, рост расхода угля внутри страны, даже с учетом того, что в марте некоторые предприятия и школы были закрыты для экономии электроэнергии и соответственно угля, привел к дефициту в 2,5 млн тонн угля, которые, по словам Охаба, «на ходу» снимали с экспорта²¹. В-третьих, не хватало инвестиций для модернизации производства и улучшения условий труда.

Хрущев был вынужден просить Охаба не обижаться, но все же настоял на том, что Польша – единственный источник угля для стран СЭВ. После непродолжительного спора Охаб конкретизировал свою позицию по долевному участию: «Мне кажется, что нужно прямо сказать, что если не будет капиталовложений со стороны отдельных стран, мы угля *сверх плана* [В машинописном тексте добавлено от руки. – А.П.] не дадим, нет такой возможности. Если отдельные страны откажутся от капиталовложений, от долевого участия,

нужно понимать, что они отказываются от угля»²². С такой позицией Хрущев согласился, но не высказал конкретных предложений. Охаб же выразил надежду на помощь Советского Союза.

Ни в эмоциональном выступлении главы ПНР, ни в словах его оппонентов, уже не шло речи о западноевропейском опыте, поскольку текущие экономические проблемы и взаимные задолженности ставили крест на перспективах полноценной кооперации за счет взаимных инвестиций, по крайней мере, в вопросе добычи угля. Дальнейшая судьба «угольного вопроса» и изменения в структуре советско-польской торговли ресурсами, дают основание полагать, что проблемы поставок и инвестирования капиталов в польскую экономику частично были решены в рамках системы «принудительной» кооперации через централизованную торговлю с СССР.

«Угольный вопрос» в советско-польских отношениях

Обращение Охаба за помощью к СССР было вполне логичным, но не столько потому, что СССР был главным кредитором блока, сколько потому, что экспорт польского угля в СССР был одним из главных источников дисбалансов в польском торговом балансе.

С августа 1945 г. Польша, в соответствии «Соглашением между правительством СССР и Временным правительством национального единства Польской Республики по вопросу о возмещении ущерба, причиненного германской оккупацией» поставляла уголь в СССР по специальной цене²³. Из секретной докладной записки М.З. Сабурова, Н.К. Байбакова, И.Г. Кабанова, К.И. Коваля и А.А. Громыко по вопросу экономической помощи СССР Польше от 29 сентября 1956 г. следует, что эта специальная цена была равна «1,13 доллара за тонну против 11,7 долларов за тонну по торговым соглашениям соответствующих лет»²⁴. То есть, польская экономика если и получала по «58 80 млн золотых рублей за млн тонн угля», но не от Советского Союза. При этом курс польского злотого к руб. в 1950 – 1961 гг. был 1 : 1. При официальном обменном курсе руб. (или злотого) на долл. 1 : 4, сумма была в 17,7 раз меньшей, а именно – 4,52 млн руб. за млн тонн угля.

Объемы поставок польского угля в СССР составляли ежегодно более 8,5 млн тонн (и 13 млн тонн по плану) в первые годы действия соглашения, и 6 – 6,5 млн тонн после снижения в 1947 г. плановой нормы вдвое. Накануне описываемых событий, в 1955 г., Польша экспортировала в СССР более 8 млн тонн угля, и даже с учетом сокращения поставок в 1956 г. общий объем составил около 6 млн тонн²⁵.

Фактически это означало, что за один только 1955 г. польская сторона (если верить курсу в 80 млн руб. за млн тонн) могла недополучить около 600 млн руб., при том что торговля бы шла не по текущим, а по ценам рыночным ценам на момент подписания торговых соглашений предыдущих лет. При этом до конца не было

ясно, насколько цены 1955 г. отличались от «специальных цен» периода 1945 – 1953 гг.

Советская позиция по этому вопросу основывалась на том, что установленная «специальная цена» и фиксированные объемы поставок вполне обеспечены капиталами немецких предприятий, которые остались на германских территориях, присоединенных к Польше после 1945 г. Кроме того, СССР выделял польской стороне кредиты и осуществлял необходимые сверхплановые поставки важнейших продуктов (в особенности зерна, дефицит которого в Польше ощущался наиболее остро).

Через несколько дней после завершения Совещания произошли драматичные события в Познани, когда выступления рабочих закончились вводом в город военных частей и жертвами среди населения. Разразился кризис в верхних эшелонах польской власти, во время которого отношения с Советским Союзом значительно ухудшились. Пика напряженности ситуация достигла в октябре, когда маршал СССР и министр национальной обороны К.К. Рокоссовский отдал приказ о движении советских войск к Варшаве. В польскую столицу вылетела советская делегация во главе с Хрущевым. В ходе этого визита был достигнут компромисс, условия которого обсуждались уже в ноябре на двусторонней встрече в Москве и были закреплены в соответствующем договоре.

Новое руководство Польши во главе Владиславом Гомулкой добилося существенного укрепления позиций страны в отношениях с СССР. В том числе был положительно решен «угольный вопрос» – одна из трех принципиальных для польской стороны проблем наряду с соотношением курсов злотого и руб. и расчетами за транзитные торговые перевозки в 1945 – 1954 гг.²⁶. Стороны договорились, что «задолженность Польши по состоянию на 1 ноября 1956 года по использованным суммам кредитов, предоставленным Советским Союзом Польше» считается погашенной, «в оплату полной стоимости угля, поставленного из Польши в СССР в 1946 – 1953 гг. на основании соглашения от 16 августа 1945 г.»²⁷.

Но в итоге и этот успех не решил проблему балансов полностью. Во-первых, не была ясна судьба компенсации полной стоимости угля за 1955 – 1956 гг. Во-вторых, не была решена важная проблема нормализации торговых отношений с ближайшими соседями, взаимные задолженности с которыми также были весьма существенными.

В этом плане наиболее показателен конфликт Польши с Чехословакией по поводу обмена польских энергетических углей на чехословацкие коксующиеся угли. Этот вопрос рассматривался не только на двух описанных Совещаниях, но и на состоявшемся между ними заседании Металлургической комиссии СЭВ в Москве. И при том что необходимость такого обмена была признана обеими сторонами, даже в конце июня 1956 г. компромисс достигнут не был.

Между СССР и ПНР был заключен новый договор о взаимных поставках на 1958 – 1960 гг., где провозглашалось, что «цены

на товары, подлежащие поставке по настоящему соглашению, будут согласовываться между советскими внешнеторговыми организациями и польскими внешнеторговыми организациями при заключении контрактов на базе мировых цен основных рынков по соответствующим товарам»²⁸. Переход к мировым ценам в качестве основы для двусторонних торговых отношений подтверждался во всех последующих аналогичных соглашениях. Статистические данные по внешней торговле СССР подтверждают, что цены советско-польской торговли углем были близки к рыночным. В частности, их динамика с небольшим временным лагом совпадает с динамикой цен на уголь на североамериканском рынке. Но нерыночный характер имела сама эта торговля.

Новые механизмы распределения угля и субсидирования отрасли

В 1957 г. СССР резко сократил закупку польского угля до 3 млн тонн. Эта мера была лишь отчасти следствием перехода к рыночным ценам. В большей степени повлияли ускоренные темпы разработки угольных месторождений Донбасса в 1955 – 1956 гг. и начало широкомасштабного перехода в электроэнергетике на газ.

Если верить Хрущеву, польская сторона вскоре обратилась к советскому руководству с просьбой возобновить поставки: «Поставки угля из Польши в Советский Союз были прекращены. И что же? Некоторое время спустя товарищ Гомулка, с которым мы отдыхали вместе в Крыму, поставил перед нами вопрос – купите наш уголь! Но в это время польский уголь нам уже был не нужен: мы построили за год на Украине 37 новых шахт и таким образом полностью удовлетворили свои потребности в угле. Он удивился: “Как это вам удалось? Ведь мы строим шахту в течение пяти лет!” Я ответил: “Ну что ж, а мы строим шахты за девять месяцев”. И вот угля у нас сейчас вполне достаточно. Как я уже Вам сказал, мы даже закрываем сейчас некоторые шахты, так как заменяем уголь нефтью и газом»²⁹.

И тем не менее СССР не только увеличил объем закупок польского угля в полтора раза – до 4,5 млн тонн в год (вплоть до 1964 г.), – но и начал поставлять в Польшу необходимый ей коксующийся уголь. При этом по мере выхода на полную мощность нового польского металлургического комбината Нова Гута под Краковом росли и поставки коксующегося угля из СССР, которые в 1963 г. достигли 1,1 млн тонн в год.

С приходом к власти Л.И. Брежнева в 1964 г. Советский Союз ежегодно увеличивал импорт польского угля и к 1975 г. довел его до 9,8 млн тонн в год³⁰. При том, что рост импорта проходил на фоне явных проблем в собственной угольной отрасли, когда председатель Совета министров А.Н. Косыгин был вынужден встречаться с директорами убыточных шахт (которые было невозможно закрыть по социальным причинам), чтобы объяснить им, что с 1965 г. для них

«социалистической прибылью» считается сокращение убытков»³¹.

Более того, СССР сам являлся крупнейшим экспортером угля среди стран СЭВ, продавая до 30 млн тонн угля в половину государств блока и поставляя высококачественный антрацит для нужд химических отраслей капиталистических стран, в числе которых были Франция и Италия.

Наконец, с 1964 по 1970 гг. Советский Союз в пересчете на тонну угля покупал польские энергетические угли дороже, чем продавал собственные, теоретически более дорогие, коксующиеся угли, по сути, финансируя торговый баланс Польши.

После резкого роста цен на энергоносители в середине 1970-х гг. Советский Союз не отказался от закупок польского угля по рыночной цене. В то же время из официальных статистических отчетов Министерства внешней торговли СССР в период 1976–1986 гг. исчезает пункт об импорте польского угля. Нужно отметить, что в этот период последовательно ухудшалась и детализация статистики по экспорту энергоносителей, но даже с учетом этого факта исчезновение таких сумм из структуры импорта удивляет. Информация об импорте польского угля вновь появилась только в отчете за 1987 г. Данные отчета свидетельствуют о том, что в 1986 г. СССР закупил 11,8 млн тонн польского угля³².

Названные факты и цифры позволяют предположить, что советско-польская торговля углем была ценна не столько с экономической точки зрения, сколько как эффективный инструмент перераспределения ресурсов и инвестирования капиталов. Нам не известны мотивы советского руководства, но совершенно ясно, что подобная активизация советско-польской торговли углем решила значительную часть проблем, связанных с распределением и угля между странами СЭВ.

* * *

Таким образом, родившаяся в самом начале 1956 г. идея долевого участия в развитии добычи советской железной руды и польского угля возникла под влиянием европейской интеграции. Однако создать полноценный аналог ЕОУС или организацию со сходными функциями странам-членам СЭВ не удалось.

Причиной этого не в последнюю очередь стали противоречия внутри СЭВ, вызванные, в том числе, принудительным плановым распределением и неравноправными отношениями между странами, что влекло за собой серьезное нарушение торгового баланса и негативно влияло на саму реализацию национальных пятилетних планов.

Вместо этого была создана система, при которой относительно эффективное и бесконфликтное распределение (по крайней мере, в том, что касается значительной доли энергетического угля) достигалось путем закупки больших объемов польских углей Советским Союзом и, чаще всего, перепродажи их другим странам

«социалистического лагеря».

Сложившаяся система была далека от институтов европейской интеграции, но, учитывая взаимные претензии и реальные проблемы стран СЭВ во второй половине 1950-х гг., построить некий «народно-демократический вариант» ЕОУС оказалось невозможно. Поэтому в дальнейшем эффективность снабжения стран СЭВ углем и железной рудой достигалась путем повышения доли каждой отдельной страны в торговле с СССР.

Примечания

¹ Липкин М.А. Советский Союз и европейская интеграция: середина 1940-х – середина 1960-х годов. М., 2011; Липкин М.А. Европейская интеграция и советские экономические инициативы (1950-е – первая половина 1970-х годов): По новым материалам российских и зарубежных архивов // Новая и новейшая история. 2009. № 3. С. 47–64; Орлик И.И. Центрально-восточная Европа: от СЭВ до Евросоюза // Новая и новейшая история. 2009. № 2. С. 3–20; Васильева Н.Ю. СССР и образование Совета Европы // СССР, Франция и объединение Европы (1945 – 1957). М., 2008. С. 97–105.

² Кадышевский В.Г. 40 лет Объединенному институту ядерных исследований // Успехи физических наук. 1996. № 9. С. 921.

³ Некрасов В.Л. Реформа Госплана СССР 1955 г.: Разработка новой модели планирования экономики // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 386. С. 99.

⁴ Липкин М.А. Европейская интеграция и советские экономические инициативы (1950-е – первая половина 1970-х годов): По новым материалам российских и зарубежных архивов // Новая и новейшая история. 2009. № 3. С. 55.

⁵ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

⁶ РГАНИ. Ф. 10. Оп. 1, Д. 2. Л. 27.

⁷ РГАНИ. Ф. 10. Оп. 1, Д. 1. Л. 100.

⁸ РГАНИ. Ф. 10. Оп. 1, Д. 3. Л. 13.

⁹ Там же. Л. 16.

¹⁰ Там же. Л. 36.

¹¹ Там же. Л. 40.

¹² Там же. Л. 46–47.

¹³ Орехов А.М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: Из истории советско-польских отношений. М., 2005. С. 77.

¹⁴ РГАНИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 25.

¹⁵ Там же. Л. 63.

¹⁶ РГАНИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 3–4.

¹⁹ Там же. Л. 5.

²⁰ РГАНИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 26.

²¹ РГАНИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 15. Л. 8.

²² Там же. Л. 12.

²³ Соглашение между правительством СССР и Временным правительством национального единства Польской Республики по вопросу

о возмещении ущерба, причиненного германской оккупацией от 16 августа 1945 г. // Советский Союз – Народная Польша, 1944 – 1974: Документы и материалы. М., 1974. С. 93.

²⁴ Докладная записка М.З. Сабурова, Н.К. Байбакова, И.Г. Кабанова, К.И. Ковалю и А.А. Громыко по вопросу экономической помощи СССР Польше от 29 сентября 1956 г. // Президиум ЦК КПСС, 1954 – 1964: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2. М., 2006. С. 424.

²⁵ Внешняя торговля Союза ССР за 1956 г.: Статистический обзор. М., 1958. С. 79.

²⁶ Орехов А.М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: Из истории советско-польских отношений. М., 2005. С. 227.

²⁷ Из совместного заявления в связи с переговорами между делегацией ЦК КПСС и правительства СССР и делегацией ЦК ПОРП и правительства ПНР от 18 ноября 1956 г. // Советский Союз – Народная Польша, 1944 – 1974: Документы и материалы. М., 1974. С. 204.

²⁸ Соглашение между правительством СССР и правительством ПНР о взаимных поставках товаров на период 1958 – 1960 гг. от 4 февраля 1958 г. // Советский Союз – Народная Польша, 1944–1974: Документы и материалы. М., 1974. С. 261.

²⁹ Запись беседы Н.С. Хрущева с членом лейбористской партии К. Зиллиаксом от 4 сентября 1958 г. // Президиум ЦК КПСС, 1954 – 1964: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 3. 1959 – 1964. М., 2008. С. 828.

³⁰ Внешняя торговля СССР в 1976 г.: Статистический сборник. М., 1977. С. 170.

³¹ Баканов С.А. Угольная промышленность Урала: Жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск, 2012. С. 239.

³² Внешняя торговля СССР в 1987 г.: Статистический сборник. М., 1988. С. 162.

Автор, аннотация, ключевые слова

Попов Алексей Алексеевич – канд. ист. наук, доцент Южно-Уральского государственного университета (Челябинск)
aapopov@susu.ru

В статье рассматриваются планы по кооперации стран-членов Совета экономической взаимопомощи в угледобывающей и железорудной отраслях в 1950-е гг. Основным источником послужили стенограммы Совещаний руководителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, состоявшихся в Москве в январе и июне 1956 г. Впервые в отечественной историографии показана эволюция этих планов от модели, возникшей под влиянием западноевропейской интеграции, к централизованной системе распределения товарных потоков угля и руды. Особое внимание уделяется влиянию торговых отношений между главными экспортерами угля (СССР и Польши) на изменение планов кооперации СЭВ. Делается вывод, что переход к кооперации на основе долевого участия в сфере добычи угля в 1956 г. был сорван из-за противоречий между странами СЭВ. Эти противоречия были вызваны плановым распределением и неравноправными торговыми договорами. В результате сложилась централизованная система распределения товарных

потоков, при которой значительная часть торговли углем и рудой велась через СССР.

Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), Совещание руководителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, внешняя торговля, международная торговля, торговля углем, экономическая кооперация, плановое распределение, российско-польские отношения, Н.С. Хрущев

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Kadysheskiy V.G. 40 let Obedinennomu institutu yadernykh issledovaniy. *Uspekhi fizicheskikh nauk*, 1996, no. 9, p. 921.
2. Lipkin M.A. Evropeyskaya integratsiya i sovetskie ekonomicheskie initsiativy (1950-e – pervaya polovina 1970-kh godov): Po novym materialam rossiyskikh i zarubezhnykh arkhivov. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2009, no. 3, pp. 47–64.
3. Lipkin M.A. Evropeyskaya integratsiya i sovetskie ekonomicheskie initsiativy (1950-e – pervaya polovina 1970-kh godov): Po novym materialam rossiyskikh i zarubezhnykh arkhivov. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2009, no. 3, p. 55.
4. Orlik I.I. Tsentralno-vostochnaya Evropa: ot SEV do Evrosoyuza. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2009, no. 2, pp. 3–20.
5. Nekrasov V.L. Reforma Gosplana SSSR 1955 g.: Razrabotka novoy modeli planirovaniya ekonomiki. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 386, p. 99.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

6. Vasileva N.Yu. SSSR i obrazovanie Soveta Evropy. *SSSR, Frantsiya i obedinenie Evropy (1945 – 1957)* [USSR, France and the Unification of Europe (1945 – 1957)]. Moscow, 2008, pp. 97–105.

(Monographs)

7. Bakanov S.A. Ugolnaya promyshlennost Urala: Zhiznennyy tsikl otrasli ot zarozhdeniya do upadka [The Coal Industry of the Urals: The Life Cycle of the Industry from Inception to Decay]. Chelyabinsk, 2012, p. 239.
8. Lipkin M.A. Sovetskiy Soyuz i evropeyskaya integratsiya: seredina 1940-kh – seredina 1960-kh godov [The Soviet Union and European Integration: The middle of 1940s – middle of 1960s.]. Moscow, 2011, 304 p.
9. Orekhov A.M. Sovetskiy Soyuz i Polsha v gody “ottepeli”: Iz istorii sovetsko-polskikh otnosheniy [The Soviet Union and Poland during the “Thaw”: From the History of Soviet-Polish Relations]. Moscow, 2005, p. 77.
10. Orekhov A.M. Sovetskiy Soyuz i Polsha v gody “ottepeli”: Iz istorii sovetsko-polskikh otnosheniy [The Soviet Union and Poland during the “Thaw”: From the History of Soviet-Polish Relations]. Moscow, 2005, p. 227.

Author, Abstract, Key words

Aleksey A. Popov – Candidate of History, Senior Lecturer, South Ural State

University (Chelyabinsk, Russia)
aapopov@susu.ru

The article examines plans of the Council for Mutual Economic Assistance (CMEA) on cooperation in coal mining and iron ore industries in the 1950s. The author refers to the verbatim reports of the Meetings of Communist and Labour Parties from the socialist countries which was held in Moscow in January and June 1956. For the first time in historiography an evolution of these plans is demonstrated from a western-oriented integration model toward a centralized system of the distribution of commodity flows of coal and iron ore. Special attention is paid to trade relations between the USSR and Poland, the two major coal exporters, affecting transformations of the CMEA cooperation plans. It is concluded that the transition to cooperation based on equity participation in coal mining which was effected in 1956 ended in a failure due to contradictions among CMEA member-states. These contradictions were caused by planned distribution and unequal trade agreements. As a result it led to the centralized system of distribution of trade flows allowing the USSR to take up the bulk of trade in coal and iron ore.

European Coal and Steel Community (ECSC), Meeting of the Heads of Communist and Workers' Parties of the Socialist Countries, foreign trade, international trade, coal trade, economic cooperation, planned distribution, Russian-Polish relations, N.S. Khrushchev

ЕВРОПА В ПРОШЛОМ

Europe in the Past

С.В. Кондратьев

ЮНИОНИЗМ В ШОТЛАНДИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА И ЕГО ОСНОВАНИЯ В СОЧИНЕНИЯХ АНТИКВАРОВ

S. Kondratiev

Unionism in Scotland in the First Half of the 16th Century and Its Grounds in Antiquaries' Writings

Идея объединенной «Великой Британии», организационно оформленная как парламентская уния в Шотландии и Англии в январе-феврале 1707 г.¹, и проверенная на прочность в ходе драматического референдума 18 сентября 2014 г., имеет длительную шотландскую и английскую предысторию.

Англия еще со времен Эдуарда I (1272 – 1307) и Эдуарда III (1327 – 1377) пыталась подчинить или присоединить Шотландию. В Шотландии же идею союза между двумя королевствам активно пропагандировал и впервые попытался реализовать Яков VI Стюарт, унаследовавший в 1603 г. английскую корону, и правивший в Англии под именем Якова I (1603 – 1625)². В конце 1970-х – в 1980-е гг. Артур Уильямсон убедительно показал, что первые adeпты юнионизма появились в Шотландии в 1540-х гг.³ Позднее Роджер Мейсон уточнил, что идея союза двух государств под именем «Великобритания» была высказана Джоном Мейром (Мэйджором) в 1521 г.⁴ К 1540-м годам Р. Мейсон относит начало формирования концепта единой англо-шотландской, или британской, империи. Он подчеркивает значение протестантизма, который существенно продвинул идею унии и закрепил преобладание английского языка на острове⁵.

После работ Р. Мейсона принято считать, что первыми adeптами юнионизма в Шотландии были Джон Мейр (John Mair), Джон Элдер (John Elder) и Джеймс Хенрисон (James Henrisoun)⁶. Но все эти авторы были не просто пропагандистами идеи унии. Они апеллировали к истории, ища там истоки единства двух народов и двух королевств.

История тогда еще не стала профессией. К истории обращались разные люди, побуждаемые любопытством, увлеченные поиском старых памятников, либо ищущие в истории основания своим злободневным построениям⁷. Они были достаточно обеспечены, чтобы иметь досуг для таких занятий. Значительное влияние (в

Шотландии, вероятно, непосредственное, в Англии – опосредованное) на становление историописания оказали французские гуманисты, эрудиты, филологи-классики, такие как Гийом Бюде, Этьен Пакье и другие⁸. В Англии, например, этимологические сравнения и сопоставления англо-саксонских, латинских, иногда греческих и английских цитат с последующим комментированием надолго станут основным сочинительским приемом. Реформация, настаивающая на инаковости, отличии своего от римского, как минимум, на столетие будет побуждать к занятию историей. В Лондоне сложится неформальное сообщество любителей национальной истории и древностей – Антикварное общество (Society of Antiquaries), члены которого регулярно проводили собрания, обменивались копиями рукописей и писали исторические «размышления» (discourses). Дважды (1589 и 1614 гг.) они пытались его придать ему формальный статус, но оба раза в получении королевской хартии им было отказано⁹. В этих сочинениях древняя национальная история очень часто представлялась в мифологизированном виде¹⁰. Шотландские историки и антиквары пока изучены существенно меньше¹¹.

Цель данной статьи – реконструировать воззрения первых шотландских юнионистов и показать историческую основу их построений. Кроме того, учесть и прописать исторический и политический контекст их построений.

* * *

Джон Мейр, или Мейджор (Major) (1467–1550), как его имя стало писаться во время долгого проживания во Франции, родился в Шотландии, образование получил в Англии, в Кембридже. В 1593 г. Дж. Мейр перебрался в Париж, где изучал теологию в Сорбонне и Наварре, а затем стал профессором Сорбонны. Шотландец приобрел известность своими лекциями и трактатами по логике, теологии и философии. В 1518 г. он вернулся на родину, чтобы преподавать в университете г. Глазго. Здесь теолог написал «Историю Великой Британии – Англии и Шотландии» (Historia Majoris Britanniae, tam Angliae quam Scotiae), которая была издана в Париже в 1521 г.¹²

К XVI в. в Англии и Шотландии сложились свои мифические традиции национальной истории и появления государственности. По обеим сторонам границы хронисты сильно состарили происхождение англичан и шотландцев, возвели его к запамятным временам, сделали даже более древним, чем появление римлян. В 1480 г. английский первопечатник Уильям Кэксстон (William Caxton) опубликовал «Хроники Англии» – компиляцию из рукописных памятников, где повествовалось, что у некоего сирийского царя по имени Диоклетиан было 33 дочери, которые, выйдя замуж, отвергли своих мужей, за что были изгнаны отцом. Ведомые старшей из них по имени Альбина, они погрузились на корабль, полный провизии, и отправились на Запад, они плыли, пока не достигли острова, которым Альбина стала править как королева и который в ее честь был

назван Альбионом. Сестры вскоре вступили в связь с демонами и произвели от них жестоких и разбойных «гигантов»¹³.

Дальнейшая история острова связана с Брутом, которая представлена в «Хрониках» Кэкстона, но была больше известна Дж. Мейру по «Истории бриттов» Гольфрида Монмутского. Согласно Монмутскому, основателем Британии был легендарный Брут, якобы потомок Энея, бежавшего на Апеннины после захвата греками Трои. На охоте Брут нечаянно выпущенной стрелой убил своего отца, за что был изгнан. Покинув Италию, Брут перебрался на Балканы, где разбил греков и освободил находящихся у них в рабстве троянцев. Погрузившись затем на корабли и претерпев еще немало приключений и победоносных сражений, Брут и троянцы достигли острова Альбион и уничтожили гигантов. Остров Брут «нарек Британией, а своих сотоварищей бриттами». Позднее три сына Брута – Локрин, Камбр, Албанакт – разделили остров между собой: первому отошла середина острова, второму – Валлия (Уэльс), третьему – Скоттия (Шотландия)¹⁴. Рассказ о легендарном Бруте давал англичанам основание претендовать на первенство и превосходство на острове и на преимущество в случае желательного для них объединения.

В Шотландии, во многом благодаря «Хронике шотландского народа» (*Chronica gentis Scotorum*) Джона из Фордуна (John of Fordun), уже во второй половине XIV в. считали свое королевство ничуть не менее древним, чем английское, ибо основано оно было, якобы, потомками легендарных Гойдела из Афин и Скотты, дочери египетского фараона, которые покинули Египет незадолго до того, как Моисей организовал исход евреев. Их дети перебрались в Ирландию и Шотландию, где в 330 г. до н.э. (время деяний Александра Македонского) Фергус создал королевство¹⁵.

Уже на первых страницах своей истории Дж. Мейр отвергает обе мифологемы, характеризуя их как «сказки». По его мнению, Альбионом Британию называли из-за покрытых снегом оконечностей гор на восточном побережье. Ссылаясь на Беду Достопочтенного, он полагает, что имя «Британия» остров получил от галльских бриттов, которые переселились из Арморики – области, расположенной на севере Галлии¹⁶. Бритты основали здесь первое королевство – Британию. Затем на остров высадились завоеватели-пикты, и в Британии возникло два королевства – пиктов и бриттов. Позже появилось третье королевство – королевство переселившихся из Ирландии скоттов. Прародиной же скоттов была Испания. Историк здесь полностью принимает мнение шотландских хронистов и полагает, что скотов в Британию привел некий Фергус, сын Ферчарда (Fergus, son of Ferchard). В 330 г. до н.э. он захватил часть территории бриттов, основал первое шотландское королевство и «дал» первые законы.

Позднее уставшие от войн и вторжений бритты, обратились за помощью к римлянам, которые «сколько могли» обороняли их от заселивших север пиктов и скоттов. Когда римляне были вынуждены уйти, бриты призвали саксов. Дж. Мейр подробно описывает взаимо-

отношения короля бриттов Вортигерна (Vortigern) с вождем саксов Хенгестом (Hengest), который помог справиться с пиктами и скоттами, и Энгистом (Engist), обманом завладевшим землями бриттов и вытеснивших их в Уэльс. «Земля Энгиста» (Engist's land), на которой позднее возникло семь саксонских королевств, пишет историк, постепенно трансформировалась в латинское «Anglia» (Англия). Дж. Мейр считает, что все, кто родился на острове – будь то потомки переселившихся галлов, пиктов, скоттов (шотландцы) или саксов (англичане), – могут называться бриттами, или британцами. Хотя на острове существует три языка – язык древних бриттов, на котором говорят в Уэльсе, язык горных, или «диких шотландцев», который автор называет «коверканным ирландским», и английский – язык Англии и цивилизованных равнинных шотландцев¹⁷.

Обращаясь к истории взаимоотношений Шотландии и Англии, Дж. Мейр подробно повествует о военных столкновениях и стремлении Англии завоевать Каледонию. Он отвергает утверждение хроник Кэкстона о том, что во время нормандского завоевания шотландский король Малколм III (Malcolm) принес оммаж (вассальную присягу верности) Вильгельму Завоевателю, а король Давид I позднее – Генриху I. Он пишет: «Никогда Шотландия не была подданной Англии, и шотландец не находился в подчинении у англичанина <...> Среди шотландцев бытует одно непререкаемое мнение, а именно: что их королевство никогда не находилось в подчинении у кого-либо»¹⁸. Дж. Мейр пишет, что легенду о Бруте и его сыне, который начал править Скоттией, понадобилась Кэкстону для того, чтобы показать, что шотландцы изначально были «вассалами» бриттов, что должно подтверждать притязания на сюзеренитет над ними Эдуардов I, II и особенно III. По его мнению, «утверждать, что англичане стоят над шотландцами, значит сеять среди христиан семена раздора и войны, которым, вероятно, тогда никогда не будет конца»¹⁹.

Идея английского превосходства на острове во многом строилась еще на истории правления Эдуарда I, который после трагической гибели шотландского короля Александра III в 1286 г. получил возможность вмешаться в дела северного соседа. У Александра III оставался один прямой наследник – юная внучка Маргарет Мейд из Норвегии, которая одновременно приходилась Эдуарду I внучатой племянницей и права которой английский монарх решил защищать. Эдуард I сразу стал готовить брак между Маргарет Мейд и своим сыном, наследным принцем Эдуардом. Но по пути из Норвегии в Шотландию Маргарет, не выдержав морских тягот, умерла, что поставило Шотландию на грань гражданской войны. Епископ Сент-Эндрюса обратился к английскому королю с просьбой вмешаться, что Эдуард I и сделал.

Английский монарх опирался на исторический прецедент XII в., когда в 1174 г. шотландский король Вильгельм I Лев (1165 – 1214) признал себя вассалом и принес оммаж английскому королю Генриху II Плантагенету (1154 – 1189). Эдуард I был уверен, что

у него есть права феодального сюзерена над Шотландией. Именно тогда он приказал провести исторические изыскания и подкрепить английское верховенство историческими примерами. Эдуард I отправился в Шотландию и, собрав там в мае 1291 г. парламент, потребовал от шотландцев признать его верховенство. Шотландский парламент согласился передать ему это право до момента определения наследника. Когда выяснилось, что больше всего династических прав на престол оказалось у Джона Балиола и Роберта Брюса, была создана специальная комиссия, в которую каждый претендент делегировал по 40 своих представителей и еще 24-х делегировал Эдуард I. Комиссия в итоге вынесла, как считается, непредвзятый вердикт в пользу Джона Балиола. Став королем, Балиол принес Эдуарду I оммаж. Поскольку Эдуард I стал вести себя с Балиолом, как с вассалом, и заставлял того отвечать в суде по искам подданных, Балиол пошел на сближение с Францией и заключил договор с Филиппом IV Красивым. Ответом стала война, вторжение английских войск и пленение Балиола, а за всем этим в 1297 г. последовало антианглийское восстание шотландцев во главе с Робертом Брюсом²⁰.

Вспоминая 1290 – 1292 гг., когда решался вопрос о престолонаследии в Шотландии, и последующую борьбу Эдуарда I и Роберта Брюса, Дж. Мейр опровергает существующее в Англии мнение о вассальном оммаже, который принес Дж. Балиол, и о «незаконности сопротивления», организованного Р. Брюсом. Он пишет, что Дж. Балиол принес оммаж – и так поступали и другие шотландские монархи – не за Шотландию, а за свои английские владения. Не нравится ему также мнение о том, что Шотландия только бы приобрела от английского господства, как приобрел, окончательно присоединенный при Генрихе VIII, Уэльс²¹.

В центре «Истории» Дж. Мейра лежит идея о том, что взаимная вражда между двумя равноправными народами должна смениться миром, а им самим надлежит объединиться. После чего исчезнут названия «Шотландия» и «Англия», а вместо них появится королевство «Великобритания». Эту мысль Дж. Мейр высказывает несколько раз в ходе своего повествования. «К Господу, Повелителю всего, – восклицает он, – я взываю. Он один может даровать мир всем британцам, чтобы один из королей вступил в брак и обрел оба королевства. И не просматривается другой путь достижения устойчивого мира. Я осмеливаюсь утверждать, что англичанин и шотландец одинаково мало почитают своих монархов, если те постоянно не стремятся к совместному браку. Следовательно, единое королевство Британия может быть создано из двух ныне существующих»²².

Королем единого государства, считал Дж. Мейр, может быть и англичанин, если он приобретет это право «посредством брака, или каким-то другим законным образом». Британия, управляемая одним монархом, представляется ему благом. «Любой, будь то англичанин или шотландец, который будет говорить противное, лишен глаз, поскольку не усматривает пользы для своей страны и не видит общего блага»²³. «Мое решение таково: следует держаться правила, чтобы

шотландские короли женились на дочерях английских королей, и также поступали английские короли. И придет день, когда один из них обретет всю Британию». Если объединение произойдет не посредством законной процедуры, лучше всего брака, то шотландцы не станут повиноваться англичанину, а англичане – шотландцу²⁴.

Идею создания единого государства через заключение династического брака попытался реализовать Генрих VIII Тюдор (1509 – 1547), который еще со времен вступления на престол подумывал о соединении британского льва и шотландского единорога. В 1542 г. произошла война между Генрихом VIII и его племянником, шотландским королем Яковом V (1512 – 1542), заключившим союз с враждебной Англии Францией. В сентябре 1542 г. была издана специальная «Декларация, перечисляющая справедливые причины и основания ведущейся в настоящее время войны с шотландцами».

Документ гласил, что Генрих VIII всегда был расположен к своему племяннику, покойному королю Шотландии, и проявлял невиданную кротость, несмотря на происки последнего. Он старался решить все проблемы переговорами, посылал послов, назначал племяннику встречу в Йорке, но шотландцы напали на приграничные территории и нанесли ущерб подданным Генриха VIII²⁵.

«Декларация» недвусмысленно заявляла, что англичане стремятся не просто восстановить справедливость, но и обрести традиционный, как утверждалось, сюзеренитет над Шотландией. Шотландские короли, о чем, по словам «Декларации», свидетельствует история, всегда признавали английское «верховенство», принося оммаж и клятву верности²⁶. «Декларация» воспроизводит легенду о Бруте, который разделил остров, названный Британией, между сыновьями. Старшему из них – Локрину – досталась Англия, которому младшие должны были принести «оммаж и признать его верховенство». Это верховенство английских монархов, утверждалось в «Декларации», никогда не прерывалось. Даже современный венецианский автор, Марк Антоний Сабелликус (Anthonius Sabellicus) сказано в документе, «называет Шотландию частью Англии»²⁷.

«Декларация», как было принято в Средние века, скрупулезно воспроизводит примеры англо-саксонского и английского сюзеренитета над Шотландией. Начиная с Эдуарда I Старшего и завоевавшего Каледонию Этельстана (X век) до Генриха VI (1422 – 1461), английские короли обладали превосходством, а короли шотландцев 18 раз находились «в повиновении» и приносили оммаж. Эти отношения время от времени прерывались войнами и волнениями, но всегда восстанавливались. Волнения во времена войны Роз прекратили на время практику принесения оммажа. Сам Генрих VIII не требовал принесения оммажа от Якова V, поскольку их должны были связывать узы родственной любви. Теперь же он вынужден силой вернуть свое «превосходство», свой сюзеренитет, над мятежным племянником²⁸. Война, таким образом, представлялась, как восстановление британского единства и английского верховенства, установленного еще самим легендарным Брутом.

В 1542 г., после поражений в войне с Генрихом VIII, умер шотландский король Яков V. Корона Шотландии переходила к его дочери – Марии Стюарт, которой исполнилось только 6 дней. Англия попыталась воплотить в жизнь свой матримониальный план: заключить брак между Марией и наследником Генриха VIII принцем Эдуардом, присоединить Шотландию и распространить на нее проведенную в Англии Реформацию. Безуспешные попытки Генриха VIII и затем протектора Сомерсета, сопровождаемые вторжениями в Шотландию и войной, добиться заключения брака между Марией Стюарт и Эдуардом VI, названные позднее Вальтером Скоттом «грубым сватовством», не увенчались успехом. Однако утвердили юнионизм в политической повестке Шотландии. У шотландских протестантов появилась надежда, что с объединением Британии в Шотландию придет Реформация. Из-под пера шотландских авторов выходят первые тексты, где идея единой монархии, английского превосходства и шотландского «послушания» проходит рефреном.

В 1542 г. Джон Элдер (John Elder), протестантский священник и картограф из горной, гэльской части, Шотландии адресует английскому королю письмо, названное «Предложение об объединении Шотландии с Англией», которое полно реминисценций из упоминаемой «Декларации» Генриха VIII. Он пишет, что, находясь под влиянием католических епископов, покойный король Шотландии Яков V отверг «естественную склонность и любовь» к своему дяде Генриху VIII и Господу. Теперь же «надлежит» заключить брак между принцем Эдуардом и «юной королевой Шотландии», изгнать «дьявольскую конвокацию», «королевства Англия и Шотландия объединить в одно», а правителем его и королем должен стать Генрих VIII. Английского короля он оценивает очень высоко, как умного, образованного, милостивого, щедрого, расточающего награды и прощающего, как показывает истории Ирландии, мятежников²⁹.

Шотландию Дж. Элдер, называет «частью империи Англии» и, вспоминая ее историю, упоминает и Брута, и его среднего сына Албанакта. До Брута Скоттия была населена «гигантами и дикими людьми», не знающими порядка и цивилизации. Говорили они на ирландском языке. Албанакт привел их к «порядку и цивилизации», назвал страну Албонией (Albon), что с ирландского должно переводиться, как Шотландия, а жителей – албонийцами (albonyghe), или шотландцами. По Дж. Элдеру получалось, что шотландцы происходят от Албанакта, который был их первым «правителем и королем». Но, подчеркивает он, паписты, «римский кардинал и епископы» не принимают эту историю, они ведут происхождение шотландцев от приплывшей из Египта Скотты³⁰.

Шотландия, по мнению Дж. Элдера, находится в состоянии «болезни», причина которой католицизм и французское влияние в Шотландии, усилившееся в течение правления покойного Якова V. Если же посредством заключения брака между королевой Марией и принцем Эдуардом произойдет объединение стран, то из шотландских сердец «будут изгнаны лицемерие, суеверие и французский

король»³¹. Уровень цивилизации в горной Шотландии Дж. Элдер оценивает еще ниже ирландского, поэтому надеется, что с объединением корон в Шотландии не только победит Реформация, но и изменится образ жизни и культура³².

После написания своего письма Дж. Элдер перебрался в Англию, где ему была назначена специальная пенсия³³.

В 1547 г. Джеймс Хенрисон (James Henrisoun; в Англии его фамилия писалась как Harryson) опубликовал трактат «Увещание шотландцам подтвердить свою приверженность к почтенному, надлежащему и благословенному союзу между двумя королевствами Англией и Шотландией». Дж. Хенрисон был протестантом и успешно торгующим с Голландией эдинбургским купцом. Известно, что после захвата в 1544 г. маркизом Хертвордом Эдинбурга, Дж. Хенрисон перебрался в Англию, где, как и Дж. Элдер, стал получать пенсию от английской короны. В 1547 г. маркиз Хертворд был уже герцогом Сомерсетом и протектором Англии. Герцог являлся активным сторонником объединения королевств и брака между Эдуардом VI и Марией Стюарт. Именно ему Дж. Хенрисон посвятил свое произведение³⁴. Судя по тексту трактата, Дж. Хенрисон был хорошо гуманистически образован и обладал литературными дарованиями. Его трактат наполнен аллюзиями, метафорами и реминисценциями.

Для Дж. Хенрисона характерны две сочинительские манеры: с одной стороны, он взывает к эмоциям соотечественников, описывая ужасы и бедствия войны и «происки, злобу и лицемерие» сторонников «раздора между двумя нациями», а с другой – к разуму и общей истории, которые должна толкать к союзу и объединению³⁵.

По словам автора, не может не вызывать удивление, что два королевства, родственные по крови, разделяющие одну христианскую веру, расположенные по соседству на одной окруженной морем земле, находятся «в противоестественном» раздоре и вражде, который «отвратителен Господу и ужасает мир». Текущее положение дел напоминает ему вражду членов одного тела друг с другом, как если бы рука начала вредить ноге, или две почки одного дерева начали бы вести истребительную войну. В итоге, в результате английских вторжений Шотландия страдала в прошлом и страдает в настоящем³⁶. Кроме того, «разделение» делает страны уязвимыми перед лицом любых внешних угроз. Дж. Хенрисон воспроизводит библейский стих: «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет» (Мат.12:25; Лук. 11:17). Никогда бы ни римляне, ни пикты, ни скотты не смогли бы овладеть частями острова, если бы не «раздор и не разногласие среди бриттов», которым вначале принадлежал весь остров, но которые не смогли сохранить «единую монархию» и утратили, как результат внутренней разобщенности, «свое имя и свою империю»³⁷.

Дж. Хенрисон берется рассмотреть историю острова, «опираясь на хроники и сравнивая с историей других наций», и довести ее до того времени, когда остров оказался разделенным на две части – Англия и Шотландия, и «под двумя разными управлениями».

Такое устройство он считает «противоестественным». Оно напоминает ему монстра, над телом которого возвышаются две головы. Одновременно он выражает уверенность, что наступит время, когда исполнится «милосердие Господне», и «остров возвратится к первоначальному состоянию, когда, как во времена бриттов, будет существовать одна монархия под одним королем и правителем»³⁸.

Дж. Хенрисон полагает, что свое название – «Альбион» – остров получил от прибрежных «белых скал», но не от «воображаемой» дочери сирийского Диоклетиана. Он убеждает, что первым «королем всего острова» был «приплывший из Италии Брут», воспроизводит историю происхождения бриттов, разделения Британии между тремя сыновьями Брута и пишет о повиновении и послушании младших братьев старшему, но отказывается верить «валлийским и шотландским поэтам», которые ведут шотландскую «родословную» из Египта. Дж. Хенрисон уверен, что «все первые жители нашего острова были бриттами». Скотты пришли позже и смешались с бриттами. Англичане и шотландцы – родственные народы. Они – не бритты, но «в значительной своей части оба народа происходят от бриттов» (“yet wil I not affirme that Scottes be mere Britaynes, or Englishe men mere Britaynes, but that the more parte of bothe people bee discended of Britaynes”). Потомки всех последующих завоевателей тоже появились в результате смешения с бриттами, у них общее происхождение. «Хотя на остров часто вторгались разные народы – римляне, пикты, скотты, саксы, даны и, последними, норманды – из этого, отнюдь, не следует, что кровь бриттов иссохла, напротив, много их осталось во всех частях острова, и можно сказать, что кровь перемешалась, а не была просто иссушена и истощена. Мы не знаем такой страны, которая была завоевана пришельцами, а весь ее народ бесследно исчез. Нет, основа его или большая часть сохраняется <...> Большая часть англичан и шотландцев, я без сомнения говорю и могу доказать, происходит от бриттов. И хотя в нашей крови есть кровь и других наций, из-за чего язык бриттов изменился и исчез, все-таки кровь и происхождение у нас неизменны; ибо ирландский язык, на котором говорят на севере Шотландии, совсем не доказывает, что там живут всего лишь ирландцы, так же, как английский язык юга Шотландии не доказывает, что там живут англичане»³⁹.

Римляне, завоевавшие Британию, нигде не упоминают о пиктах и скотах. Пикты, по словам автора, пришедшие из Скифии, вторглись в Британию в 72 г. н.э. Описывая историю бриттов, Дж. Хенрисон полагает, что в это время у бриттов существовало несколько королевств, которые затем объединились и разделились. Вероятно, было среди них и королевство вначале переселившихся сюда из Ирландии, а затем под давлением пиктов возвратившихся обратно скоттов. Часть бриттов затем «покорились и стала платить дань римлянам». При мифическом первом христианском короле бриттов Луции (2 в. н.э.) Британия была едина. При Констанции Хлоре (293 – 305) и его сыне Константине Великом (306 – 337), рожденном от британки Елены, который был объявлен императором Римской им-

перии именно в Британии, тоже единой. «Очевидно, что император Констанций, который умер в Йорке, был женат на Елене, прозванной Святой, дочери и наследнице короля бриттов Коэля (Coyll), от которой появился Константин Великий, впоследствии император, не только Британии, но и всего мира. Он соединил в себе и связал вместе оба титула: императора Рима, завоевав его, и императора Британии, в силу наследования от матери своей Елены. И он, без сомнения и спора, был императором всей Британии, благодаря чему (а также провидению Господа) остров, долгое время пребывавший в рабстве (seruitude) обрел прежнюю свободу и честь. Император родился от британки, был сыном ее, был наследником британки, был рожден в Британии и стал императором в Британии. Если скотты были тогда в Британии, как убеждают наши авторы, то они были подданными Константина, поскольку история убеждает, что вся Британия была его владением. Следовательно, если его матерью была Елена, а отцом – Констанций, то это полностью подтверждает наше утверждение и доказывает, что вся Британия была под одним императором, страна была единой империей, но не Шотландией и Англией»⁴⁰.

Все английские короли, по словам Дж. Хенрисона, наследуют Константину Великому. Об этом свидетельствует наличие у них имперской короны, которая означает, что над английским монархом, как императором, нет никого, кроме Бога, и стяга с изображением красного креста, который Константин увидел, когда в 312 г. вел войска на битву с правителем Италии Максенцием и услышал голос: «Константин, под этим знаком победишь» (Constantine, in hoc signo vinces)». Дж. Хенрисон специально подчеркивает, что свое имперское достоинство и религию Британия обрела от Константина Великого⁴¹.

Новое переселение скоттов из Ирландии в Британию происходит после того как, сама Римская империя подвергается нашествию варваров, а Британия в это время оказывается истощенной «тиранами и долгими войнами». Скотты заселили ее северную часть, «страну назвали Шотландией, а себя – шотландцами», став, таким образом, после пиктов третьей нацией, населяющей Британию. Случилось это, по мнению автора, «в 443 г., много позже переселения пиктов». Бриты, принявшие христианство еще при короле Луции, имели две епархии – в Лондоне и Йорке. К Йоркскому архиепископству относились все северные территории Британии. И даже в XII в., при короле Генрихе II, Йорский архиепископ рукополагал шотландских епископов Глазго и Сент-Эндрюса. Это обстоятельство, пишет Дж. Хенрисон, служит еще одним подтверждением, что «два королевства первоначально были единой империей и имели одну религию, верховенство внутри которой долгое время принадлежало Англии, а Шотландия находилась по отношению к Англии в определенном подданстве»⁴².

Обращаясь к «Декларации» Генриха VIII от 1542 г., он отправляет к ней своих соотечественников, поскольку она, по его словам, объяс-

няет «справедливые причины» войны, которую Англия ведет против Шотландии, а также происхождение Британии от Брута и его сыновей и титула, который восходит к Константину Великому. Он рекомендует им ознакомиться со всеми перечисленными 18-ю случаями принесения шотландскими королями оммажа английским королям и свидетельствами, что шотландский монарх держит свою корону от короля английского «как вышестоящего лорда». Дж. Хенрисон замечает, что английские короли, ведя войны с Шотландией, никогда не стремились заключить вечный мир, поскольку считали войну простым инструментом восстановления «своего титула и прав». Он, ссылаясь на шотландские хроники и английские документы (records), опровергает мнение тех, кто считает, что шотландские короли приносили оммаж под давлением и под принуждением. Тем более, добавляет Дж. Хенрисон, невозможно, якобы, принудить целый парламент. А именно парламент одобрил в свое время решение передать вопрос о наследовании шотландской короны Эдуарду I⁴³.

Он напоминает, что решение о браке между Марией Стюарт и королем Эдуардом VI, который должен покончить с «раздором двух королевств», уже принимал современный ему парламент Шотландии. И что это соглашение оказалось отвергнутым из-за происков дьявола, папы и особенно французов. Последние, подчеркивает Дж. Хенрисон, всегда, преследуя собственные цели, срабатывают оба королевства. По его мнению, воссоздание «единой империи» под одним королем сулит англичанам и шотландцам обоюдные выгоды. Ибо единый для Британии король будет обладать «большой территорией, более значительной властью, а его подданные – большим уважением в мире, большим счастьем и покоем. Королевство же станет более крепким, более грозным для врагов и менее уязвимым». Придет мир с англичанами, а затем и с другими странами. В результате брака государей двух королевств шотландцы и англичане станут единым обществом (one societie and feloweship). Страна обретет старое название Британия, и «навсегда порождающие взаимную ненависть термины “шотландцы” и “англичане” будут упразднены и запрещены, и мы все согласимся именоваться исключительно британцами» (“those hatefull termes of Scottes & Englishemen, shalbe abolisshed and blotted oute for euer, and that we shal al agre in the onely title and name of Britons”)⁴⁴. Став единой империей, страны обретут «наивысшее счастье и процветание» и «единую религию». Шотландцы, выражал надежду Дж. Хенрисон, откажутся от «предрассудков», «привнесенных епископом Рима»⁴⁵.

* * *

Подытожим.

Все три автора, очевидно, являются сторонниками объединения Англии и Шотландии в единое государство – Великобританию. При этом Дж. Мейр отвергает и шотландскую и английскую версию происхождения обоих народов и государств: в первом случае – от афи-

нинина Гойдела и египтянки Скотты, и троянца Брута – во втором. Он считает, что автохтонное население Британии – бритты – были переселившимися с континента галлами. Затем остров еще многократно заселялся. Новые народы, среди которых были саксы и скотты, почти совсем поглотили бриттов, остатки которых проживают в Уэльсе. В результате, возникло два равноправных народа – англичане и шотландцы, как и два равноправных королевства – Англия и Шотландия, которые давно живут по соседству, враждуя, но должны объединиться.

Дж. Элдер и Дж. Хенрисон считают достоверной английскую мифическую традицию и возводят заселение Британии к легендарному троянцу Бруту и его спутникам. Поскольку по этой традиции Британия была поделена между тремя сыновьями Брута, получившим территории на которых затем появились Англия, Шотландия и Уэльс, то изначально никакого равенства не было, и первенство среди них должно принадлежать Англии, которая досталась старшему сыну Брута, принявшему вассальный оммаж от двух младших братьев. Английская мифологическая традиция позволяла обоим авторам считать англичан и шотландцев родственными народами, обреченными, несмотря на длительную «противоестественную» вражду, к объединению в единое государство – Великобритания. Будучи протестантами, они надеялись, что объединение по английскому сценарию и при английском доминировании завершит в Шотландии Реформацию, начатую раньше в Англии. В юнионистских построениях Дж. Элдера и Дж. Хенрисона появляется слово «империя». Английское, или британское имперство они возводят к Константину Великому, который сделал Британию империей и которой наступает время возродиться.

Очевидно, исторические основания Дж. Мейр, с одной стороны, и Дж. Элдер и Дж. Хенрисон, были разными. Но все трое сходились в инструменте объединения, которым должен стать династический брак, и в необходимости прекратить длящуюся веками вражду и противостояние.

В работах всех трех авторов очень слабо представлена географическая аргументация, которая, скажем, будет занимать значительное место в построениях Якова I и его приближенных⁴⁶.

Наконец, по тестам трех авторов невозможно судить, насколько идея унии с Англией стала общей или типичной для шотландцев середины XVI в. Выборка, выражаясь языком современной социологии, нерелевантна. Но она для того времени, с его ограниченными количеством источников, не может быть релевантной. Все три свидетельства позволяют констатировать наличие уже тогда определенного числа сторонников объединения в Шотландии.

Примечания

¹ *Апрыщенко В.Ю.* Шотландия в Новое время: В поисках идентичностей. СПб, 2016. С. 308, 309.

- ² *Croft P.* King James. Basingstoke, 2003.
- ³ *Williamson A.* Scotland, Antichrist and the Invention of Great Britain // New perspectives on the politics and culture of early modern Scotland / Ed. by J. Dwyer, R.A. Mason, A. Murdoch. Edinburg, 1982. P. 34–58.
- ⁴ *Mason R.A.* Scottish Reformation and Origins of Anglo-British Imperialism // Scots and Britons: Scottish political thought and the union of 1603 / Ed. by R.A. Mason. Cambridge, 1994. P. 162, 163.
- ⁵ *Mason R.A.* Scottish Reformation and Origins of Anglo-British Imperialism // Scots and Britons: Scottish political thought and the union of 1603 / Ed. by R.A. Mason. Cambridge, 1994. P. 161–186.
- ⁶ *Kidd C.* Union and Unionism: Political Thought in Scotland, 1500 – 2000. Cambridge, 2008. P. 44–47.
- ⁷ *Каниболоцкая Е.А.* Альфред Великий в общественно-исторической дискуссе Англии второй половины XVI века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2009. № 2. С. 79–83.
- ⁸ *Woolf D.R.* Erudition and the Idea of History in Renaissance England // Renaissance Quarterly. Spring, 1987. Vol. 40. No. 1. P. 15.
- ⁹ *Кондратьев С.В.* Идея права в предреволюционной Англии. Тюмень, 1996; *Высокова В.В.* United Kingdom of Great Britain and Ireland: К вопросу об особенностях национального историописания (на примере антикваров XVI – XVII вв.) // Imagines mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI – XX вв. Екатеринбург, 2008. Т. 6. Альбионика. № 3. С. 45–57; *Паламарчук А.А., Федоров С.Е.* Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии. СПб., 2013.
- ¹⁰ *Кондратьев С.В.* Антикварные мифологемы и границы королевской власти в Англии в первой половине XVII века // Вопросы истории. 2016. № 3. С. 108–120.
- ¹¹ *Апрыщенко В.Ю.* Дэвид Юм и британская юнионистская традиция эпохи Просвещения // Диалог со временем. 2011. № 37. С. 5–23.
- ¹² *Mackay Ae.J.G.* Life of Author // *Mair J.* A History of Greater Britain as well England as Scotland / Translated from original Latin and Edited with Notes by A. Constable. Edinburg, 1892. P. XXIX–CXIX; *Broadie A.* Scottish Philosophers in France: The Earlier Years // Gallic Connections: Irish and Scottish Encounters with France. Aberdeen, 2008. P. 5–8.
- ¹³ *Chronycles of England* / Printed in English by William Caxton. Westminster, 1480. Fol. 1, 2.
- ¹⁴ *Chronycles of England* / Printed in English by William Caxton. Westminster, 1480. Fol. 2; *Гальфрид Монмутский.* История бриттов. М., 1984. С. 6–19; *Mair J.* A History of Greater Britain as well England as Scotland. Edinburg, 1892. P. 2, 3.
- ¹⁵ *Kidd C.* Union and Unionism: Political Thought in Scotland, 1500 – 2000. Cambridge, 2008. P. 40.
- ¹⁶ *Mair J.* A History of Greater Britain as well England as Scotland. Edinburg, 1892. P. 4, 17.
- ¹⁷ *Mair J.* A History of Greater Britain as well England as Scotland. Edinburg, 1892. P. 17, 18, 50–52, 55–57, 68–74.
- ¹⁸ *Mair J.* A History of Greater Britain as well England as Scotland. Edinburg, 1892. P. 127, 128, 143, 144.
- ¹⁹ *Mair J.* A History of Greater Britain as well England as Scotland. Edinburg, 1892. P. 287, 288.
- ²⁰ *Prestwich M.* Three Edwards: War and State in England, 1272 – 1377.

London, 1980. P. 39–43.

²¹ *Mair J.* A History of Greater Britain as well England as Scotland. Edinburg, 1892. P. 215–217.

²² *Mair J.* A History of Greater Britain as well England as Scotland. Edinburg, 1892. P. 41–42.

²³ *Mair J.* A History of Greater Britain as well England as Scotland. Edinburg, 1892. P. 217, 218.

²⁴ *Mair J.* A History of Greater Britain as well England as Scotland. Edinburg, 1892. P. 289.

²⁵ Declaration conteyning the iust causes and considerations, of this present warre with the Scottis, wherin alsoo appereth the trew & right title that the kinges most royall maiesty hath to the souerayntie of Scotlande // Complaynt of Scotland / Ed. by J.A.H. Murray. London, 1873. Vol. II. P. 191–197.

²⁶ Declaration conteyning the iust causes and considerations, of this present warre with the Scottis, wherin alsoo appereth the trew & right title that the kinges most royall maiesty hath to the souerayntie of Scotlande // Complaynt of Scotland / Ed. by J.A.H. Murray. London, 1873. Vol. II. P. 197, 198.

²⁷ Declaration conteyning the iust causes and considerations, of this present warre with the Scottis, wherin alsoo appereth the trew & right title that the kinges most royall maiesty hath to the souerayntie of Scotlande // Complaynt of Scotland / Ed. by J.A.H. Murray. London, 1873. Vol. II. P. 198–200.

²⁸ Declaration conteyning the iust causes and considerations, of this present warre with the Scottis, wherin alsoo appereth the trew & right title that the kinges most royall maiesty hath to the souerayntie of Scotlande // Complaynt of Scotland / Ed. by J.A.H. Murray. London, 1873. Vol. II. P. 201–206.

²⁹ *Elder J.* A Proposal for Uniting Scotland with England, addressed to king Henry VIII by John Elder, Clerke, a Reddshanke // Bannatyne Miscellany, containing original papers and tracts, chiefly relating to the History and Literature of Scotland. Edinburg. 1827. P. 7–9.

³⁰ *Elder J.* A Proposal for Uniting Scotland with England, addressed to king Henry VIII by John Elder, Clerke, a Reddshanke // Bannatyne Miscellany, containing original papers and tracts, chiefly relating to the History and Literature of Scotland. Edinburg. 1827. P. 11, 12.

³¹ *Elder J.* A Proposal for Uniting Scotland with England, addressed to king Henry VIII by John Elder, Clerke, a Reddshanke // Bannatyne Miscellany, containing original papers and tracts, chiefly relating to the History and Literature of Scotland. Edinburg. 1827. P. 15–17.

³² *Elder J.* A Proposal for Uniting Scotland with England, addressed to king Henry VIII by John Elder, Clerke, a Reddshanke // Bannatyne Miscellany, containing original papers and tracts, chiefly relating to the History and Literature of Scotland. Edinburg. 1827. P. 12–14.

³³ *Mason R.A.* Scottish Reformation and Origins of Anglo-British Imperialism // Scots and Britons: Scottish political thought and the union of 1603 / Ed. by R.A. Mason. Cambridge, 1994. P. 171.

³⁴ *Merriman M.* James Henrisoun and “Great Britain”: British Union and Scottish Commonweal // Scotland and England, 1286 – 1815 / Ed. by R. Mason. Edinburgh, 1987. P. 85–112.

³⁵ *Harryson J.* An Exhortacion to the Scottes to conforme themselves to the honorable, Expedient, and godly union, betweene the two Realmes of Englande and Scotland // Complaynt of Scotland / Ed. by J.A.H. Murray. London, 1873. Vol. II. P. 208, 209.

³⁶ *Harryson J.* An Exhortacion to the Scottes to conforme themselves to the

honorable, Expedient, and godly union, betweene the two Realmes of Englande and Scotland // Complaynt of Scotland / Ed. by J.A.H. Murray. London, 1873. Vol. II. P. 208, 209.

³⁷ *Harryson J.* An Exhortacion to the Scottes to conforme themselves to the honorable, Expedient, and godly union, betweene the two Realmes of Englande and Scotland // Complaynt of Scotland / Ed. by J.A.H. Murray. London, 1873. Vol. II. P. 211, 212.

³⁸ *Harryson J.* An Exhortacion to the Scottes to conforme themselves to the honorable, Expedient, and godly union, betweene the two Realmes of Englande and Scotland // Complaynt of Scotland / Ed. by J.A.H. Murray. London, 1873. Vol. II. P. 212, 213, 231.

³⁹ *Harryson J.* An Exhortacion to the Scottes to conforme themselves to the honorable, Expedient, and godly union, betweene the two Realmes of Englande and Scotland // Complaynt of Scotland / Ed. by J.A.H. Murray. London, 1873. Vol. II. P. 213–216, 220–224.

⁴⁰ *Harryson J.* An Exhortacion to the Scottes to conforme themselves to the honorable, Expedient, and godly union, betweene the two Realmes of Englande and Scotland // Complaynt of Scotland / Ed. by J.A.H. Murray. London, 1873. Vol. II. P. 218.

⁴¹ *Harryson J.* An Exhortacion to the Scottes to conforme themselves to the honorable, Expedient, and godly union, betweene the two Realmes of Englande and Scotland // Complaynt of Scotland / Ed. by J.A.H. Murray. London, 1873. Vol. II. P. 215, 217–219.

⁴² *Harryson J.* An Exhortacion to the Scottes to conforme themselves to the honorable, Expedient, and godly union, betweene the two Realmes of Englande and Scotland // Complaynt of Scotland / Ed. by J.A.H. Murray. London, 1873. Vol. II. P. 220.

⁴³ *Harryson J.* An Exhortacion to the Scottes to conforme themselves to the honorable, Expedient, and godly union, betweene the two Realmes of Englande and Scotland // Complaynt of Scotland / Ed. by J.A.H. Murray. London, 1873. Vol. II. P. 226.

⁴⁴ *Harryson J.* An Exhortacion to the Scottes to conforme themselves to the honorable, Expedient, and godly union, betweene the two Realmes of Englande and Scotland // Complaynt of Scotland / Ed. by J.A.H. Murray. London, 1873. Vol. II. P. 225–231, 234, 235.

⁴⁵ *Harryson J.* An Exhortacion to the Scottes to conforme themselves to the honorable, Expedient, and godly union, betweene the two Realmes of Englande and Scotland // Complaynt of Scotland / Ed. by J.A.H. Murray. London, 1873. Vol. II. P. 231, 234.

⁴⁶ *Кондратьев С.В.* Юнионистская идея в первые годы правления Якова I // Вестник Тюменского государственного университета: Гуманитарные исследования. 2015. Т. 1. № 1. С. 137–144.

Автор, аннотация, ключевые слова

Кондратьев Сергей Витальевич – докт. ист. наук, профессор, директор Института истории и политических наук Тюменского государственного университета
skondratiev@utmn.ru

В статье впервые в отечественной историографии рассматриваются основные компоненты юнионистских воззрений Дж. Мейра, Дж. Элдера и

Дж. Хенрисона, которые первыми в Шотландии заявили о необходимости объединения с Англией в единый союз под названием «Великобритания». Показано, что английские и шотландские антикварные традиции имели важное значение в рассуждениях и положениях всех авторов. Дж. Мейр отрицал и шотландскую, и английскую мифологемы происхождения двух народов, полагая, что автохтонное население Британии – бритты – были переселившимися с континента галлами, которые были затем поглощены саксами и скотами, потомки которых – англичане и шотландцы – являются равноправными. Дж. Элдер и Дж. Хенрисон отдавали предпочтение английской традиции, считая население Британии потомками легендарного троянца Брута и трех его сыновей, позднее смешавшихся с завоевываемыми остров разными народами. По английской традиции, английские короли обладали на острове верховенством и объединение должно происходить при английском доминировании. Все трое сходились в инструменте объединения, которым должен был стать династический брак.

Раннее Новое время, Шотландия, Англия, Великобритания, британская государственность, юнионизм, антиквары, Антикварное общество, мифологема, Дж. Мейр, Дж. Элдер, Дж. Хенрисон

References (Articles from Scientific Journals)

1. Apryshchenko V.Yu. Devid Yum i britanskaya yunionistskaya traditsiya epokhi Prosveshcheniya. *Dialog so vremenem*, 2011, no. 37, pp. 5–23.
2. Kanibolotskaya E.A. Alfred Velikiy v obshchestvenno-istoricheskoy diskurse Anglii vtoroy poloviny XVI veka. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*, 2009, no. 2, pp. 79–83.
3. Kondratiev S.V. Antikvarnye mifologemy i granitsy korolevskoy vlasti v Anglii v pervoy polovine XVII veka. *Voprosy istorii*, 2016, no. 3, pp. 108–120.
4. Kondratiev S.V. Yunionistskaya ideya v pervye gody pravleniya Yakova I. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta: Gumanitarnye issledovaniya*, 2015, vol. 1, no. 1, pp. 137–144.
5. Woolf D.R. Erudition and the Idea of History in Renaissance England. *Renaissance Quarterly*, Spring 1987, vol. 40, no. 1, p. 15.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

6. Broadie A. Scottish Philosophers in France: The Earlier Years. *Gallic Connections: Irish and Scottish Encounters with France*. Aberdeen, 2008, pp. 5–8.
7. Mackay Ae.J.G. Life of Author. *Mair J. A History of Greater Britain as well England as Scotland* / Translated from original Latin and Edited with Notes by A. Constable. Edinburgh, 1892, pp. XXIX–CXIX.
8. Mason R.A. Scottish Reformation and Origins of Anglo-British Imperialism. *Scots and Britons: Scottish political thought and the union of 1603* / Ed. by R.A. Mason. Cambridge, 1994, pp. 161–186.
9. Mason R.A. Scottish Reformation and Origins of Anglo-British Imperialism. *Scots and Britons: Scottish political thought and the union of 1603* / Ed. by R.A. Mason. Cambridge, 1994, pp. 162, 163.
10. Mason R.A. Scottish Reformation and Origins of Anglo-British

Imperialism. *Scots and Britons: Scottish political thought and the union of 1603* / Ed. by R.A. Mason. Cambridge, 1994, p. 171.

11. Merriman M. James Henrisoun and “Great Britain”: British Union and Scottish Commonweal. *Scotland and England, 1286 – 1815* / Ed. by R. Mason. Edinburgh, 1987, pp. 85–112.

12. Vysokova V.V. United Kingdom of Great Britain and Ireland: K voprosu ob osobennostyakh natsionalnogo istoriopisaniya (na primere antikvarov XVI – XVII vv.). *Imagines mundi: Almanakh issledovaniy vseobshchey istorii XVI – XX vv.* [Imagines mundi: Almanac of studies of World history of 16th – 20th centuries]. Ekaterinburg, 2008, vol. 6. Albionika, no. 3, pp. 45–57

13. Williamson A. Scotland, Antichrist and the Invention of Great Britain. *New perspectives on the politics and culture of early modern Scotland* / Ed. by J. Dwyer, R.A. Mason, A. Murdoch. Edinburgh, 1982, pp. 34–58.

(Monographs)

14. Apryshchenko V.Yu. Shotlandiya v Novoe vremya: V poiskakh identichnostey [Scotland in Modern Times: Searching for Identities]. St. Petersburg, 2016, pp. 308, 309.

15. Croft P. King James. Basingstoke, 2003, 224 p.

16. Kidd C. Union and Unionism: Political Thought in Scotland, 1500 – 2000. Cambridge, 2008, p. 40.

17. Kidd C. Union and Unionism: Political Thought in Scotland, 1500 – 2000. Cambridge, 2008, pp. 44–47.

18. Kondratiev S.V. Ideya prava v predrevolyutsionnoy Anglii [The Concept of Law in pre-Revolutionary England]. Tyumen, 1996, 171 p.

19. Palamarchuk A.A., Fedorov S.E. Antikvarnyy diskurs v rannestyuartovskoy Anglii [The Antiquarian Discourse in Early Stuart England]. St. Petersburg, 2013, 210 p.

20. Prestwich M. Three Edwards: War and State in England, 1272 – 1377. London, 1980, pp. 39–43.

Author, Abstract, Key words

Sergey V. Kondratiev – Doctor of History, Professor, Director of Institute of History and Political Science, Tumen State University (Tumen, Russia) skondratiev@utmn.ru

For the first time in the Russian historiography, the article considers the unionist views of John Mair, John Elder and James Henrisoun. They were the first Scottish authors who announced that the country needed to unite with England in a single state under the name ‘Great Britain’. The article emphasizes an important role that English and Scottish antiquarian traditions played in the authors’ reasoning. John Mair denied both the Scottish as well as the English myths about the origins of the two peoples and asserted that the aboriginal population of Britain–Britons – had been the Gauls who had moved to the island from the continent. Later, they had been absorbed by the Saxons and Scots. Thus, the English and Scots were their descendants and, consequently, they enjoyed equal rights. Unlike John Mair, John Elder and James Henrisoun adhered to the English tradition which claimed that the ancient people of Britain – Britons – had come from the legendary Trojan, Brutus, and his three sons. Afterwards, the Britons mixed with various nations who had been conquering the island.

According to the English tradition, the supremacy on the island belonged to kings of England. Therefore, the two kingdoms were to be united under the dominance of England. All the three authors agreed that the Unification had to be carried out through a dynastic marriage.

Early Modern time, Scotland, England, Great Britain, British statehood, unionism, Antiquaries, Society of Antiquaries, mythologem, J. Elder, J. Henrisoun, J. Mair

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ Landmarks in Human History

В.К. Крылова

КОЛЫМСКИЙ ОКРУЖНОЙ ИСПРАВНИК ВЛАДИМИР ГАВРИЛОВИЧ КАРЗИН И ЕГО ЯКУТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ЧЕРЕЗ «ВОДЯНОЙ АД» (1889 год)

V. Krylova

Kolyma District Police Officer Vladimir Karzin and his Yakut Expedition through the "Water Hell" (1889)

Прежде чем разобраться, что заставило Колымского окружного исправника отправиться в рискованное, смертельно опасное путешествие по Якутии, через «водяной ад», представим его читателю.

Свою «коронную государственную службу» уроженец города Калуги Владимир Гаврилович Карзин, сын писаря департамента Военного министерства, начал в августе 1871 г. после окончания Калужского уездного училища. Поступил на гражданскую службу в штат канцелярских служителей Калужской губернской казенной палаты. Как гласит его послужной список, «под судом и следствием не был, в походах против неприятеля не участвовал, имений не имел», но «был богат знаниями и умением», а потому «по его уму и сноровке к делу» за годы службы исполнял разные обязанности¹.

Его «ответственное отношение к делу», «умение организовать работу» было замечено, и в сентябре 1877 г. на основании указа Правительствующего Сената Карзин был переведен из 2-го в 3-й разряд канцелярских служителей. Уже через год он возвысился до «классных чинов»: его произвели в чин коллежского регистратора (XIV класс Табели о рангах). Затем назначили на должность столоначальника 1-го отделения Калужской губернской казенной палаты. Еще через год, в 1879 г., он был произведен в губернские секретари².

К этому времени 28-летний Карзин был отцом 8-летнего сына Всеволода и стал вдовцом. Возможно, личная трагедия сыграла какую-то роль в принятии решения о перемене места жительства и переезде в Якутскую область. Так или иначе, его «стремление поставить свои силы на службу Престолу и Отечеству, в таком отдаленном крае, как Восточная Сибирь», в дальнейшем получило подтверждение в конкретных делах. Как покажет время, гражданский

губернатор Якутской области, генерал-майор Георгий Федорович Черняев не зря «отнесся благожелательно к его ходатайству и не отказал в своей мужественной опоре»³.

По прибытии в Якутск, Карзин поступил на службу в Якутское областное правление. Некоторое время он «исполнял обязанности общего журналиста Якутского областного правления»⁴: заносил в журналы и документально оформлял решения по вопросам, которые обсуждались на заседаниях областного правления.

В 1882 г. он был «назначен помощником Верхоянского окружного исправника»⁵. А в декабре 1883 г., – переведен в Средне-Колымск «исполнять обязанности Колымского окружного исправника. В должности начальника Колымского окружного полицейского управления он пробыл более десяти лет»⁶, и по своим полномочиям фактически являлся главным начальником Колымского округа. В десятках архивных дел (Ф. 12и. Якутское областное правление), содержащих многочисленную служебную переписку с Якутским областным правлением и губернаторами, не найдено никаких документов, адресованных Колымскому окружному исправнику В.Г. Карзину (Ф. 18и. Колымское окружное полицейское управление), в которых содержались бы какие-то порицания за плохое выполнение им должностных обязанностей. Все сведения, сообщаемые им начальству, отличались полнотой, конкретикой и объективностью. К тому же его рапорты, донесения и прочие документы написаны «по всем правилам грамматики», что встречалось не часто.

И за все это время его послужной список пополнился записями о заслугах, благодарностях и наградах.

Несмотря на климатические, территориальные и национальные условия Якутии, разительно отличавшиеся от его родных краев, Карзин быстро адаптировался к новому месту и, как человек ответственный и добросовестный, много времени «употреблял на обустройство жизни и быта местного населения», о чем свидетельствуют донесения и уведомления о его довольно частых отъездах «для обозрения округа и принятия решений». Причин для этого было более чем достаточно: в год его назначения на должность окружного исправника в Средне-Колымске произошло самое мощное и самое разрушительное за всю историю наводнение. По словам очевидцев «вода поднялась более чем на четыре... метра выше ординара, стихийным ее напором и льда снесло почти полгорода. Энергия этого наводнения, бегущего с быстротой водопада, была просто неопишима. Льды, точно громадные тараны, били в берега, бороздили их, беспощадно разрушали, срезали до дна довольно крупные мели и острова»⁷.

Благодаря его стараниям в Колымском округе были созданы несколько обустроенных почтовых станций, расположенных не далее как в 30-35 верстах друг от друга. Инородцам, взявшим подряд на перевозку грузов, в пути это гарантировало «отдых и теплый ночлег»⁸. Под его председательством в 1886 г. в Средне-Колымске было открыто Колымское окружное попечительство по презрению боль-

ных, а также церковно-приходская школа⁹. Он с готовностью принимал на себя «тяжелый труд руководить разными работами, наблюдать за исправным выполнением любого дела, за что пользовался заслуженным уважением и поддержкой не только горожан, но и иногородцев всего округа»¹⁰.

Нередко «для обозрения округа» и исполнения своих полицейских обязанностей окружному исправнику приходилось совершать продолжительные поездки по бездорожью, связанные с риском для жизни. Так, Карзину удалось пресечь незаконную контрабандную торговлю чукчей, ведущих кочевой образ жизни, с американцами¹¹. За «спасение и своевременное оказание помощи» команде шхуны «Алеут» от имени Морского министерства ему была объявлена благодарность. И это все за сотни километров от Средне-Колымска, куда он добирался на лодках, лошадях, оленях, а когда и пешком.

Карзину принадлежит заслуга в обустройстве и работе Колымской метеостанции по исследованию климата Якутии, состоящей при физической обсерватории Академии наук. В ее работе по регистрации температурного и водного режима, давления воздуха, количества выпадающих осадков, направления движения атмосферных масс и других природных явлений, активное участие принимали политические ссыльные. Среди них был участник польского освободительного движения Вацлав Сорошевский, который «вместе с другими сотоварищами» в 1882 г. «совершил побег, но все были пойманы отрядом во главе с В.Г. Карзиным»¹². Позднее между ними сложились хорошие взаимоотношения, и многие ссыльные внесли немалый научный вклад в изучение Якутии.

В 1892 г. в Верхоянске был зафиксирован «абсолютный температурный минимум – 69,8 градусов по Цельсию, который ни до, ни после никогда и нигде не наблюдался в мире». Многолетние наблюдения с отрицательным коэффициентом января для Средне-Колымска «указывали на то, что зимою Средне-Колымск лежит в области, подчиненной совершенно иному атмосферному режиму, нежели Якутск. Это позволяло сделать вывод о том, что между Якутском и Средне-Колымском проходит линия разрыва климатологической сплошности, с нулевым коэффициентом корреляции. Что весьма важно учитывать как в климатологии, так в прогнозе погодных явлений»¹³. Принимая во внимание «ценные для науки России сведения, представляемые Карзиным, конференция Императорской академии наук на заседании от 10 мая 1888 г. утвердила его общественным корреспондентом Главной Физической обсерватории с надеждой, что и впредь он будет способствовать решению многих вопросов равно интересных как для науки, так и для жизни»¹⁴.

Сведения, представляемые Карзиным в Академию наук в течение многих лет, позже использовались научно-исследовательской экспедицией Академии наук СССР 1925 г., организованной с целью изучения естественно-производительных сил Якутии.

О том, что свои силы Карзин действительно направлял «на службу Престолу и Отечеству в таком отдаленном крае, как Восточная

Сибирь», свидетельствует награждение его серебряной медалью «За усердие»¹⁵. За свою ревностную службу он был награжден всеми орденами вплоть до ордена св. Владимира IV ст.

Экспедиция, о которой пойдет речь ниже, на деле подтвердила, насколько титулярный советник В.Г. Карзин «радел не за карьеру, а за вверенное ему дело». Но вначале расскажем ее предысторию.

* * *

Несмотря на отдаленность Якутска от Охотского моря, многие экспедиции к его берегам совершались именно отсюда. Походы Ивана Москвитина, Михаила Стадухина, Андрея Горелого, который невзирая на трудности «конным путем добрался до Охоты реки за пять недель»¹⁶, навсегда остались в памяти потомков. Сведения о богатстве Приамурья вынуждали якутские власти отправлять туда новые экспедиции под руководством Василия Пояркова, Семена Шелковника, затем Семена Дежнева. Зимовье, выстроенное в середине XVII в. «вблизи совместного устья двух рек, впадающих в северо-западную часть Охотского моря, – Охоты и Кухтуя, стало играть роль некоторого центра, откуда совершались походы вдоль побережья и по рекам»¹⁷.

К концу XIX в. снаряжать экспедиции по поиску более удобных и коротких путей к побережью Охотского моря стали отдельные округа Якутской области. Один из них, Колымский, был практически отрезан от больших дорог. Расстояние от Якутска до Средне-Колымска, о котором пойдет речь, было больше, чем от других окружных центров, и доставка товаров стоила дороже.

В Национальном архиве Республика Саха (Якутия) сохранились дела об экспедиции 1889 г., в которых содержится переписка Колымского окружного исправника В.Г. Карзина с гражданскими губернаторами Якутской области генерал-майором Константином Николаевичем Светлицким и действительным статским советником Владимиром Захаровичем Коленко об открытии Колымо-Гижигинского тракта. Те, в свою очередь, свои действия относительно учреждения Колымо-Гижигинского (Колымско-Охотского) тракта согласовывали с генерал-губернаторами Восточной Сибири (Иркутскими генерал-губернаторами) – вначале с Алексеем Павловичем Игнатьевым, а с июля 1889 г. – Александром Дмитриевичем Горемыкиным.

Экспедиционная деятельность, проводимая в Якутской области, нашла свое отражение в работах современных ученых – М.И. Колесова¹⁸, Т.Н. Оглезневой¹⁹, С.И. Бояковой²⁰, И.С. Астаховой²¹, П.Л. Казаряна²². Однако никто из них не ставил перед собой задачу выяснить, что заставило Колымского окружного исправника Карзина отправиться в столь рискованное путешествие по неизведанным притокам реки Колымы. Уже долгое время ждут своего ответа вопросы, связанные, в том числе, и с психологической стороной экспедиции Карзина²³: с какими трудностями и неожиданностями в

пути пришлось столкнуться ему и его спутникам? каким образом и во имя чего эти трудности преодолевались на грани цены собственной жизни? какова психологическая составляющая всей экспедиционной жизни людей, оказавшихся наедине с природой, когда «тебе никто не может помочь, кроме себя самого»?

Наше исследование базируется на архивных документах, которые впервые вводятся в научный оборот. Они представлены, прежде всего, дневниковыми записями Карзина, которые последовательно излагают ход событий. Значимость их в том, что они содержат сведения об открытии в конце XIX в. жизненно важного для Якутии, прежде всего для Колымского края, Колымо-Гижигинского тракта от города Средне-Колымска до Гижигинска, окружного города Гижигинского округа Приморской области, стоявшего на реке Гижига в 25 верстах от места впадения ее в Гижигинскую губу Охотского моря.

Документы дела № 169, трудно поддающегося расшифровке, представляют собой переписку относительно данной экспедиции: донесения, доклады, распоряжения, бумаги казначейства. Особенно ценно в них то, что Карзин излагает свои мысли не только в форме сухой канцелярской отчетности, но позволяет себе небольшие комментарии, которые более выпукло, достоверно передают и события, и психологическое состояние, и реалии жизни Якутии того времени, ее региональные, территориальные, этнографические особенности. Они являются ценнейшими письменными источниками, отражающими картину взаимоотношения русского и коренного населения*.

Итак, прослужив около пяти лет, обозрев жизнь и быт калымчан, ввиду больших территорий лишенных сухопутных дорог, Карзин был готов приложить «все свои усилия для того, чтобы удешевить провозную плату на товары, завозимые в Колымский край, доходящей иной год до 14 р. за пуд»²⁴.

В свою очередь, обретя надежного исполнителя в лице сведущего и инициативного окружного исправника, способного не только собрать необходимые сведения, но и обобщить их, толково и грамотно изложить на бумаге, якутские и иркутские начальствующие лица стали намечать конкретные шаги к достижению желанной цели. Стремление начальства Якутской области соединить Средне-Колымск с Гижигинском было, прежде всего, стремлением улучшить благосостояние населения Колымского и Верхоянского краев, отрезанных от цивилизаций тысячами верст непроходимых территорий.

Во многом успешному началу исследования Колымо-Гижигинского тракта, задачей которого было соединение колымского водного пути с Охотским морем, оказалась перестановка начальствующих лиц в генерал-губернаторстве Восточной Сибири (в июне

1887 г. было преобразовано в Иркутское генерал-губернаторство, в состав которого входили Иркутская губерния и Якутская область). В соответствии с «Высочайшим Указом от 12 мая 1889 г. и приказом Генерал-Губернатора Восточной Сибири [Иркутского. – В.К.] графа А.П. Игнатьева от 16 мая 1889 г. за № 65, Якутский Губернатор К.Н. Светлицкий» был «переведен на должность Иркутского Губернатора»²⁵. А его предшественник В.З. Коленко был назначен вместо него губернатором Якутской области²⁶. В это же время граф А.П. Игнатьев, хорошо знавший Светлицкого, отмечавший его «усердную службу, полезную деятельность и усиленные служебные труды на посту Губернатора Якутской области»²⁷, получил пост товарища министра внутренних дел²⁸. До отъезда в столицу Игнатьев был хорошо осведомлен о «заботах» Светлицкого «по поиску путей к Охотскому побережью и о том, что он активно занимался вопросами улучшения жизни северных окраин и даже сам осматривал путь от Якутска до Аяна»²⁹. Все это, несомненно, способствовало организации предстоящей экспедиции.

Таким образом, оба гражданских губернатора были хорошо осведомлены об экономическом положении «вверенной территории» и, в частности, обширном Колымском крае, заключавшем в себе 31 134 квадратных версты. По причине «крайней суровости климата, он не производил ни хлебных, ни зерновых растений, ни овощей»³⁰. «При отсутствии хлебопашества, – писал К.Н. Светлицкий Иркутскому генерал-губернатору в донесении за № 618 от 12 марта 1888 г., – занятия жителей составляют скотоводство, зверопромысел, но главным обеспечением народного продовольствия является рыболовство»³¹.

Как замечал Якутской губернатор, в служебной переписке иногда именуемый «Главным Начальником северного края», «при всем многообразии и обилии прекрасной рыбы, промысел не может служить надежным обеспечением народного продовольствия, так как успех зависит от многих случайностей. Виды рыб, имеющие особое значение для продовольствия, как-то: сельдь, ряпушка, омуль, нельма принадлежат к приходящим из моря в реки. Уровень же прилива воды зависит от погоды. Иногда выдастся неуровненный год, и тогда следуют неизбежные голодовки. Без сомнения, если бы рыбный промысел велся не исключительно по реке Колыме и ее притокам, но и в море, то и население было бы более обеспечено»³².

Все эти промыслы год от года сокращались. Часто бывал неурожай травы. Либо «происходило затопление сенокосных угодий, и тогда водой уносило заготовленные копна и зароды сена. Все это приводило к нехватке кормов. За 20 лет заболевание сибирской язвой сократило количество скота более чем втрое. За последние пять лет вследствие ежегодного сбыва на золотые прииски, его число уменьшилось на 23 791 голов»³³.

Опустошительные лесные пожары и беспорядочный хищнический промысел пушных зверей быстро вел к окончательному их истреблению. Но, как отмечалось в годовом отчете за 1888 г. Якутского губернатора К.Н. Светлицкого на имя генерал-губернатора А.П.

* Автор выражает сердечную благодарность работникам Национального архива Республики Саха (Якутия) – начальнику Отдела информационных услуг Екатерине Анатольевне Сергеевко и заведующей Читальным залом Антонине Афанасьевне Борисовой – за помощь в работе с документами.

Игнатьева, «одним из главнейших недостатков народного продовольствия является то обстоятельство, при котором ближайший рынок находится только в Якутске и, который отстоит от Средне-Колымска на расстоянии 2 315 верст, представляет наисквернейший путь с трудно проходимыми дорогами, сопровождавшимися топами, дебрями, сопками, речками, гарями, горами»³⁴.

Поэтому все привозное в Колымский край было баснословно дорогим. К этому нужно добавить все возрастающую стоимость доставки грузов от Якутска до Средне-Колымска, которая в иные года колебалась от 8 до 14 руб. за пуд³⁵. И все привозные товары год от года дорожали. Также «по причине непомерно высоких цен на хлеб за наличные деньги, он почти не покупался, а раздавался местному населению в ссуду, которая обычно оставалась не возмещенной. При таком порядке с течением времени накапливались значительные хлебные долги»³⁶.

Дороговизна перевозок подталкивала начальство Якутской области «к принятию мер по доставке грузов в Средне-Колымск из Гижиги [Так в служебной переписке часто именовали город Гижигинск. – В.К.] водно-сухопутным путем», так как расстояние между ними было немногим более 1 000 верст, тогда как до Якутска – 2 315 версты «сквернейшего пути»³⁷. С проведением этой дороги доставка грузов (или, как в то время называли, «тяжестей») из Гижигинска в Средне-Колымск могла бы обойтись приблизительно в пять раз дешевле по сравнению с доставкой их из Якутска. А это могло бы снизить стоимость самих товаров: ведь «доставка грузов в Гижигу морским путем обходится значительно дешевле привоза товаров в Якутск через всю Сибирь»³⁸.

Из рассказов бродячих инородцев ламутов (эвенов) Колымского округа, почти ежегодно совершавших поездки в Гижигинск, было известно, что из него в Средне-Колымск ведут два кратчайших пути. Первый – через реку Омолон вниз по ней приблизительно до устья реки Молоковой. Второй – к речке Коркодон затем вниз по ней и реке Колыме до Средне-Колымска. Бывший Якутский губернатор генерал-майор Г.Ф. Черняев, стремившийся к открытию сообщения между Средне-Колымском и Гижигинском, обращался к колымским торговцам с предложением, не смогут ли они «принять на себя исследование и само устройство пути без содействия в денежной помощи от администрации»³⁹.

В 1878 г. на его призыв отозвался колымский купец Михаил Бережнов, поручивший разведку пути брату Нилу Бережнову. Выбрав в проводники ламутского старосту Савву Балагана, бывавшего в Гижигинске и хорошо знавшего этот путь, 1 июля с несколькими опытными работниками Нил Бережнов выступил из Средне-Колымска и направился сухим путем на восток к берегам Омолон. Отсюда они предполагали пойти вверх по этой речке, волоком, к Гижигинску и обратно спустится по рекам Коркодон и Колыме.

Однако «предприятие» Нила Бережнова успеха не имело. Достигнув берега реки Омолон, через 14 дней он повернул обратно в

Средне-Колымск. Причину своего возвращения Бережнов объяснил затруднениями, встретившимися на пути. По его словам, «подножный корм там можно найти только на небольшое количество лошадей, да и тот плохой, так как по всему пути почва покрыта мхами и камнями. Кроме того, обширная область местности во многом подвержена гари. Поэтому, упавший и временами падающий лес, на каждом шагу грозил большой опасностью»⁴⁰.

И все-таки, несмотря на такой исход, попытку Нила Бережнова нельзя назвать неудачей: был приобретен хоть и небольшой, но все же ценный опыт. Тем более что, со своей стороны, «Иркутский Губернатор признавал настоятельно необходимым, во что бы то ни стало произвести обследование указанных путей»⁴¹. Причем вполне допускал, «что и это предприятие может закончиться неудачей». Но даже и при таком исходе он не считал, «что расчеты на Гижигу не осуществимы». И посоветовал разведку пути «возложить на чело- века соответствующего по своим познаниям и подчиненности этому назначению, придав в его распоряжение землемера, 2-х казаков, в качестве проводников и 5 опытных рабочих, бывавших в Гижиге инородцев Колымского округа»⁴².

И таким человеком стал Карзин, во многом и сам инициировавший это исследование и получивший поддержку начальства области.

Включение этого вопроса в уже упомянутый годовой отчет за 1888 г. явилось следствием совместных действий, так как подготовительная работа началась гораздо раньше. Так, 30 марта 1888 г. за № 789 в Колымское окружное полицейское управление на его имя поступило официальное указание от губернатора К.Н. Светлицкого «Об отыскиванию пути из Колымска в Гижигу»: «Припровождая Вашему Высокоблагородию копию с донесения моего Иркутскому Генерал-Губернатору от 12 сего марта № 618 о назначении доступным для исследования пути из Колымска в Гижигу, поручаю Вам доставить мне свои соображения относительно поиска колымских рабочих, заготовления продовольствия, покупки лодок, закупа лошадей для провоза членов экспедиции, необходимой тяжести и другое, что сочтете нужным»⁴³.

Взвесив все за и против, по согласованию с вышестоящей властью, Якутское областное правление во главе с губернатором приняло решение: «Осуществление данного предприятия может быть начато не ранее будущего 1889 г. немедленно по вскрытии реки Колымы, которое обыкновенно бывает в мае. Исследование удобного пути начать от Средне-Колымска, и далее по Колыме и Коркодону. Направлять лошадей вдоль берега от последнего пункта, где река перестает быть судоходной, а далее – волоком к Гижиге. Обратно – смотря по обстоятельствам: можно проследовать тем же путем до Верхне-Колымска, или возвратиться в Якутск по готовым трактам»⁴⁴.

Началась подготовка к экспедиции.

27 сентября 1888 г. в своем донесении губернатору К.Н.

Светлицкому за № 134 Карзин сообщал о том, что «инородцы Василий Винокуров с родовичем Иннокентием Винокуровым, оба знающие кротчайший и удобнейший путь из Колымска в Гижигу, обязуется быть проводниками за 1 000 р. серебром»⁴⁵.

На основании представленных Карзиным сведений о расходах на оснащение экспедиции из суммы, ассигнованной из казны, экзекутором и казначеем Якутского областного правления была составлена смета расходов на сумму 4 802 р. 96 к. (из расчета на одного человека в месяц). Предполагалось заготовить и закупить: «муки ржаной в количестве 1 пуда 20 фунтов – 757 руб. 62 коп. Крупы – 10 ф. – 111 р. 60 к. Соли по 3 ф. – 28 ф. – 13 р. 24 к. Масла коровьего по 10 ф. – 9 ф. – 288 р. 2 ведра спирту – 100 р. Кирпичного чая, по кирпичу в месяц на каждого – 36 кирпичей – 90 р. Пороху – 10 ф. – 7 р. 88 коп. Свинца – 20 ф. – 4 р. 71 к. На заготовление рабочим инструментов, лодок и разные непредвиденные расходы – 300 р. Для провоза лодок приобретено 200 сажень бечевы [Прочного каната или веревки для тяги судов и лодок против течения реки. – В.К.], взят один компас»⁴⁶. Кроме того, «были употреблены местные средства Статистического комитета в сумме 2 825 р. 19 к.»⁴⁷.

Окончательное распоряжение губернатора К.Н. Светлицкого по кредитованию поиска проектируемых водных путей Колымского края Карзиным было получено 9 мая 1889 г. Но средств оказалось недостаточно, несмотря на то, что «Его Превосходительство нашло возможным, прислать в его личное распоряжение 850 р.»⁴⁸. Не доставало 1979 р. 81 к. Встал вопрос: что делать? До вскрытия Колымы оставались считанные дни. В такой ситуации по своему характеру Карзин не мог не взять ответственность на себя. А потому, чтобы не затягивать дело перепиской «по ассигнованию потребной суммы», обратился с просьбой к «некоторым лицам из колымского купечества» об оказании предстоящей экспедиции «какого-либо содействия». В противном случае намечаемое мероприятие могло не состояться, либо перенесено до лета следующего года.

На его просьбу, и прежде всего из уважения к нему лично, которое уже «не единожды было засвидетельствовано»⁴⁹, а не только от осознания значимости данного мероприятия для колымчан, «сочувственно отозвались колымские купцы: Матвей Николаевич Бережнов и Иннокентий Николаевич Соловьев, которые и пожертвовали для экспедиции свои средства. М.Н. Бережнов – 60 р. без возврата и 90 р. – с возвратом. И.Н. Соловьев дал безвозвратно 100 р. Торгующий в Колымском округе инородец Якутского округа Иван Парников – 14 р., помощник Карзина Уваровский – 25 р.»⁵⁰.

Осознавая всю важность экспедиции для населения, еще 15 февраля 1888 г. представители улусов и наслегов Колымского уезда тоже внесли свою лепту в общее дело и составили «Общественный приговор об исследовании Колымо-Гижигинского тракта», которым «приговорили»: «Постановить организовать подвоз экспедиции от Средне-Колымска до Верхне-Колымска на общие средства»⁵¹. При составлении и написании «приговора» присутствовали: голова

Нижне-Колымского улуса Алексей Винокуров, голова Верхоянского наслега – Иван Колесов, голова Эгейского – Никита Жирков и старосты близлежащих улусов. Все свои подписи скрепили печатями.

Задачей экспедиции было исследование течения реки Колымы, ее притоков Коркодона, Лавдона и Буюнды, берущих свое начало на Яблонево-м хребте, и дальше поиск наиболее удобного пути в направлении к Гижигинску и Ямску. Карзину предстояло взять пробы встречающихся пород и отложений, описать фарватеры рек, их глубину, скорость течения, состояние берегов, грунта, местности, порогов, времени замерзания, вскрытия, пригодности для плавания, сплава по ним тяжестей, удобств прохождения судов и лодок. А по возвращении представить в Якутское областное правление свои «соображения».

* * *

В начале 20-х чисел мая 1889 г. по Колыме уже пронесло лед, и наступило половодье. Вода быстро начала прибывать и заливать все прибрежные низменности. В первых числах июня она снова вошла в свое русло. А к 5-му числу берега настолько обсохли, что экспедиция получила возможность тронуться в путь и отправить свою первую лодку с припасами.

В ночь с 8 на 9 июня, при прекрасной погоде, двинулись в далекий и трудный путь. Но радость была омрачена уже на другой день. «При температуре воздуха плюс 22 градуса разразилась гроза, и полил проливной дождь вперемежку с градом величиною с крупный горох. Потом опять наступила хорошая погода, продолжавшаяся до 13 июня. Однако, с этого дня начались дожди, сменяющиеся снежной пургой. Но самым страшным и неотступным испытанием для всех были комары и мошка, от которых нельзя было спастись никакими методами»⁵², что становилось «большим препятствием в продвижении». Нередко случалось, что «эти местные кровососущие властители в полном смысле слова могли лишить жизни не одну лошадь и те пали от комариной расправы»⁵³.

Берега подсохли, поэтому на восьмой день уже можно было «идти бечевой», то есть, находясь на берегу, тянуть лодку против течения посредством каната или прочной веревки – бечевы. За восемь суток, проплыв от Средне-Колымска 470 верст, 16 июня в 8 часов утра причалили у Верхне-Колымска.

Таким образом, в среднем в сутки они преодолевали по 58 с лишним верст. За день до приезда Карзина в Верхне-Колымск туда же прибыла лодка с продовольственными припасами экспедиции.

Здесь необходимо было взять других проводников и двинуться дальше к верховьям Колымы, так как, не зная ее фарватера, очень легко было заблудиться среди островов в многочисленных притоках, какими изобилует эта река. Оказалось, что лучшими проводниками для таких путешествий могут быть ламуты и юкагиры, кочующие по водной системе в Верхне-Колымской части округа.

К исходу клонился день 21 июня, и часы показывали 7 пополудни. «Сидя в своей квартире, – вспоминал Карзин, – я был несказанно изумлен вдруг разразившимися перед моими окнами, многочисленными выстрелами. В чем причина такой пальбы? Состоящий при мне казак рассказал, что по реке плывут ламуты и юкагиры. Выйдя на улицу, я увидел совершенно изумительную картину. По реке в многочисленных карбасах подплывали также многочисленные инородцы со своими семьями и со всем походным такелажем. Довольные своим благополучным прибытием в это местечко, таким образом, они салютовали из своих винтовок. Тем же отвечали им местные жители. Причалив к берегу, они живо разбили свою урасу, натянули палатки на тонких бревнах, вокруг которых запылали яркие костры, а над ним на треногах закипели чайники и котлы»⁵⁴.

С прибытием проводников, старшины Дельянского бродячего ламутского рода Михаила Егорова Тайшина и его сородича Прокопия Дормидондова Шадрина, можно было двигаться дальше. Карзин не зря дождался именно этих людей, которые, по местному обычаю, до места назначения были доставлены чуть ли не всем селением. Тем самым инородцы выразили свое уважение Карзину и продемонстрировали поддержку экспедиции. Он знал их, доверял им и надеялся на них, как на самого себя. Именно эти два, по его словам, «неустрасимых, ловких человека», основательно знали не только фарватер реки Колымы, но и ее притоков до самых вершин – Коркодна, Лавдона, Буюнды. Они и сыграли ключевую роль в их исследовании. Оба охотно согласились быть его проводниками на время плавания по Колыме, «выговаривая себе только два дня на необходимые свои приготовления».

29 июня в 8 часов вечера, при добрых напутствиях и пожеланиях верхне-колымцев, экспедиция из двух лодок поплыла по направлению к устью Коркодона. С этого дня погода стала значительно ухудшаться, а вода в Колыме быстро пошла на убыль. Так что почти весь путь до Коркодона пришлось плыть по среднему уровню воды в Колыме и проститься с последними, жившими в этом крае, людьми. Дальше, по описанию Карзина, вверх по Колыме – сплошная тайга, в которой не встретишь ни одной души. Человек оказывается один на один с природой и надеется только на свои силы и самого себя. Несмотря на обилие леса – кругом пустынно. На десятки и сотни верст – в воздухе только изредка раздастся пронзительный крик куропатки или кедровника, стремящихся куда-то, да высоко в небо над лодкой покажется одинокая утка. «Остановки для обеда и ужина приходилось делать под открытым небом в неустанной борьбе с роем тех же назойливых комаров, дождем падающих в пищу, а в непогоду укрываться в палатке», – записывал Карзин⁵⁵.

Временами однообразие сменялось разного рода неожиданностями. Случались они не так уж редко и всегда были сопряжены с риском для жизни. Вот, например, что произошло 11 июля в 140 верстах от горы Ороёк вверх по Колыме в начале 3-го часа пополудни. «Не приведи Господь, этого испытать никому!». «Мы, – пи-

шет Карзин, – шли бечевой по правому высокому берегу Колымы. Сажень в 40, впереди нас, виднелся громаднейший яр с подходом под берег высокой водой и с густо растущим на нем крупным лиственным лесом, коих на Колыме многое множество. Яр этот нам предстояло огрибать на веслах. Моя лодка шла впереди, а с припасами экспедиции была в полуверсте сзади за загибами реки. Вдруг, как гром среди ясного неба, совсем рядом неожиданно раздался какой-то ужасающе страшный треск, описать который не в состоянии ни одно перо. В какой-то миг у всех промелькнула ужасающая безотчетная мысль, как будто перед нами разверзлись врата вселенной... Рабочие, тянущие «бечевой» мою лодку, остановились, как вкопанные и растерялись. В это самое время, сильное в этом месте течение реки стало отбрасывать ее к тому самому злополучному берегу, где находился с ужасающим грохотом рухнувший в речку, яр, образовав самые высокие, самые гигантские воронкообразные буруны (саженные волны). Они то и потянули в себя мою лодку и грозили затереть ее в месте обвала, с кружившимся в буруне обвалившимся с яра лесом. Мы все были в секунде от смерти. Нас спасла неведомая сила единства. Я с казаком с отчаянием схватился за мыс, чтобы хоть на миг задержать движение лодки. Потом буквально скоком оба едва выскочили на берег. Рабочие успели-таки выхватить ее из грохотававшего под ней водяного ада. Насколько позволили нам силы, со всем грузом вытащили лодку на берег, тем самым не попали под обвал, буквально в двух шагах от нас... Ну как после такого счастливого избавления не вознести Господу Богу благодарность за наше счастливое избавление от смерти! Все мы были несказанно рады, что представилась возможность еще, быть может, немного пожить на свете»⁵⁶.

Точно так же все понимали, что северное лето кратко и изменчиво, а жизнь каждый день полна неожиданностей и сплошных трудностей. Потому что само существование в суровых условиях – это каждодневное испытание. Вот и сейчас, перетащив волоком лодку подальше от места едва не случившейся катастрофы, они двинулись в путь, не зная, что еще их ждет впереди.

На исходе был 12-й экспедиционный, тот самый злосчастный и одновременно счастливый, день 11 июля. Около 8-ми часов вечера, достигнув устья реки Коркодон, партия остановилась на ночевку. А на завтра была назначена дневка, для того чтобы людям, измученным трудной работой, впервые дать возможность отдохнуть и запастись силами на предстоящий дальний путь.

Пройденный же был «воистину труден»: поднимаясь вверх, приходилось преодолевать огромное сопротивление реки Колымы. По подсчетам оказалось, что расстояние от Верхне-Колымска до устья реки Коркодон составило 430 верст. Таким образом, позади остались 900 верст пути. Учитывая, что экспедиция прошла их за 12 дней, нетрудно догадаться какую физическую нагрузку выдерживали люди, работая от зари до зари. Перед всеми стояла одна задача – как можно скорее обследовать водный путь на предмет его пригодности и без-

опасности для провоза грузов и состояния берегов и прибрежной территории. Потому что в своем верхнем течении Колыма покрывается льдом уже в конце сентября, а в нижнем – в первой половине этого же месяца. Так что волей неволей нужно было торопиться.

Несмотря на встречающиеся трудности, партия сумела преодолеть столь значительное расстояние. И, в первую очередь, надо отдать должное ее руководителю, который, хотя и имел высокий для округа чин и должность, не ограничивался отдачей приказаний, а наравне со всеми выполнял всю необходимую работу. Во вторую – отметить мужество, выносливость, спаянность рабочих и проводников. Ибо чем ближе к верховью, тем сильнее было сопротивление реки. Протекая меж высоких гор, по не столь широкой лесной долине, даже при незначительном уклоне, Колыма течет особенно быстро. А потому приходилось затрачивать много сил, чтобы, преодолевая ее течение, тянуть «бечевой» лодки с грузом. «Все, что нам удалось сделать, – писал Карзин Якутскому губернатору Коленко в донесении за № 87, – сделано благодаря выносливости этих людей, подобранных мною и бесстрашно противостоящих быстрому течению Колымы, особенно между Верхне-Колымском и Коркодону. И справедливость требует отдать достойную честь этим людям, их отношению к делу. Мы просто обязаны не оставить их без внимания и поощрения»⁵⁷.

На другой день, 12 июля, посоветовавшись с помощниками и проводниками, наметив план дальнейших действий, «часа в три по полудни, согласно окончания срока соглашения», Карзин, поблагодарив часть рабочих и проводников «за усердный труд», распрощался с ними. И, снабдив необходимым продовольствием на весь обратный путь, «добавив денежную плату», проводил их в Верхне-Колымск, оставив при себе одного казака и шесть рабочих. При этом он сумел уговорить Михаила Тайшина, который согласился быть с ним до конца экспедиции.

План разработали следующий: более детально исследовать Коркодону на обратном пути, а сейчас двинуться по направлению к Лавдону и далее к Буюнде. Почему? Потому, что возвращение к Коркодону, затем от него, это – вторичная мучительная тяга «бечевой», большая потеря сил и времени, «которое можно употребить с пользою на исследование реки Буюнды», хотя «предписанием Его Превосходительства за № 914» в обязанность Карзину это не вменялось, а было отдано на его усмотрение. В противном случае можно было опоздать воспользоваться возможностью проходить водою до этой реки, имевшей, как тогда казалось, главное, решающее значение для соединения Средне-Колымска с местечком Ямск на побережье Охотского моря. Ввиду таких важных обстоятельств, и беря за основу мнение Михаила Тайшина, Прокопия Шадрина о незначительной пригодности Лавдона и Коркодона для судоходства, Карзин, как руководитель, решил сначала идти к реке Буюнде, исследовать ее и уже по ней спуститься к Колыме. А затем подняться вверх по Лавдону, «и если там найдется, хотя бы мало-маленькая

возможность прохода», спуститься водою по этой реке и Колыме, исследовать реку Коркодону, из которой и возвратиться водою обратно в Средне-Колымск.

На другой день, 13 июля, рано утром, уложив в лодку весь груз, тронулись в путь по Лавдону. Погода испортилась, и день ото дня становилась все хуже и хуже. Начавшиеся дожди сопровождались градом и сильным ветром.

17 июля удалось прибыть к устью Лавдона, который, по предположению инородцев, отстоял от Коркодона на 150, а от Средне-Колымска – на 1 050 верст. Наступившее ненастье оказалось почти непреодолимым препятствием. К тому же из-за значительного уклона местности усилилось течение Колымы между устьями рек Ноучье и Лавдона, и без того имеющее строптивый характер. Сама по себе река Лавдон была крайне мелка, но чрезвычайно быстра; как змея, кольцеобразно изливалась в направлении Колымы. Она проходила через Колымский порог, образовавшийся из лежащих каменных голышей, а потому постоянно загромаздившийся наносным лесом с громадными корневищами, отчего устье Лавдона становилось непроходимым. Рабочим «стоило около часа усиленной работы, чтобы найти маленький фарватер, по которому они с большими затруднениями протащили лодку с грузом, сбившую водою как раз в то самое место, в котором было не более трех четвертей аршина в глубину»⁵⁸. Немногим позже этот порог еще напомним о себе.

Дальше двигаться не было никакой возможности. До вечера 17-го и весь день 18 июля шел проливной дождь. Поэтому вторая «дневка оказалась вынужденной, хотя все были здоровы и бодр».

К утру дождь прекратился, и 19 июля, при прояснившейся погоде, поплыли вверх по Колыме от устья Лавдона к устью впадающего в него реки Балыгычан.

20 июля в 60-ти верстах выше Лавдона, при устье впадающей в Колыму маленькой речки Кегаль, впервые встретились два семейства ламутов, занимающихся рыбным промыслом в устье рек Заимчан и Бобровой. Среди них оказался инородец 2-го Дельянского бродячего ламутского рода, участка старшины Михаила Тайшина, якут Василий Егорович Шадрин (Селюка), кочующий по реке Колыме, Коркодону, Лавдону и Балыгычану. Бывал он и на Буюнде, а потому мог дать достоверные сведения об этих реках. Карзин уговорил Шадрину, и тот нанялся к нему в проводники.

От изобилия выпавших осадков уровень воды в Колыме значительно поднялся, и к концу 20 июля были уже затоплены берега маленьких рек и острова. Разливы от берега до берега простирались верст на 10 в ширину. Лодку «тянули бечевой» по остаткам не затопленного бечевника (прибрежной сухопутной дорожки вдоль берега водного пути), а местами шли на веслах. Сумерки заметно сгущались. И уже, стало ясно Карзину, небезопасно двигаться дальше. «Вдруг мои рабочие что-то засуетились, испуганные стали перешептываться между собою, и я заметил, что лодка начала пополняться водою. Отливая ее, мы всеми силами налегли на весла и кое-как до-

брались до первого попавшего острова. Быстро повыбрасывали всю кладь и вытащив лодку на берег. Вначале удивились, что в ее сучковатом деревянном дне выскочил один большой сук, который и пришлось затыкать. Потом вспомнили, где это могло произойти – на том самом злосчастном пороге, когда перетаскивали через него лодку»⁵⁹.

Пока ее чинили, были так увлечены делом, что никто не обратил внимания на прибывавшую воду. И когда она поднялась до критической отметки, поняли, что оставаться здесь на ночевку невозможно. Опасаясь снова пробить лодку об острые осколки камней, «находящихся во множестве в воде у самого берега», в наступившей темноте, буквально на ощупь, перетаскивали ее подальше на воду и стали искать убежище на одном из островов, надеясь, что «до утренней зари его, быть может, не затопит».

Расположившись на нем на ночевку, – а ночи день ото дня уже становились все темнее, – в эту ночь на 20 июля, как потом окажется, многострадальную, а пока ничего худого не предвещавшую, оставив позади воспоминания о пережитых днях, все заснули крепким здоровым сном. «Часу во втором полуночи, – пишет Карзин, – я проснулся от того, что почувствовал под собою что-то холодное и мокрое. Поднявшись на своей постели, совершенно удивился, что моя палатка вся в воде, а я не “утонул” во сне. Обувь и другие вещи чуть ли не плавают по ней, а матрац и покрывавшая его медвежья шкура, на которых я спал, напитались водою как губка. Прибывшая вода затопила за ночь и этот остров. Разбудив, спавших в другой палатке, стоящей на небольшом возвышенном месте, и побросав как попало в лодку вещи, мы поплыли к подножью тянувшегося в устье вдоль берега реки горному кряжу. Уже брезжил рассвет. И мы, выбрав удобное для себя место, развели костры и начали просушивать вещи»⁶⁰.

В течение следующего дня, 21 июля, «вода прибыла еще на два аршина». В ночь на 22-е уровень реки снова поднялся на столько же. И «вода снова подступила к краям палаток, залив огнище».

По мере ее прибытия приходилось перебираться выше в гору, подталкивая туда за собою и лодку. Днем 22 июля «вода снова прибыла на два аршина в высоту, затопив остальные острова». В довершение всего «дважды прибывала до утра 23 числа».

Так нежданно-негаданно путь вперед был отрезан «непреодолимым шумным, грохочущим течением Колымы». Поэтому здесь, на этой горе в 15-ти верстах выше устья, впадающей в Колыму реки Кегаль, экспедиция вынуждена была пробыть четверо суток в ожидании, пока спадет вода в реке и появится возможность для тяги лодки вверх.

К счастью, с вечера того же дня вода стала падать, и 25 июля представилась возможность идти дальше. В этот день, пройдя 22 версты, подошли к устью реки Балыгычан, впадающей тремя рукавами в Колыму с ее правой стороны по течению. Балыгычан меньше Лавдона, река мелководна и крайне быстра, поэтому, заключил Карзин, не пригодна для судоходства. Пройдя еще 23 версты от

устья Балыгычана вверх по течению Колымы, к вечеру того же дня достигли впадающей в Колыму небольшой речки Теплая вода, получившей свое название от местности с горячим ключом.

Как оказалось, вода в реке мягкая и очень приятная на вкус, в течение года не замерзает. Ее фарватер пригоден для мелких судов, предназначенных для сплава по Колыме разных «тяжестей». К тому же обширная ровная местность, лежащая по ее правую сторону, представляла собой удобные заливные луга. «Начиная от речки Теплая вода, по соображениям моим и по рассказам проводников, – пишет Карзин, – идет самая удобная выючная дорога к Гижигинскому. Пролегает по каменистым, но не крутым подъемам и спускам горных хребтов, к тому же, по сухой местности. По словам кочующих якутов оймьяконского ведомства и гижигинских ламутов, на всем своем протяжении тракт этот имеет хорошие кормовища для транспортных лошадей и оленей. Проходит по местности пригодной для полного ведения скотоводства, хлебопашества и сельского хозяйства. Здесь, около самой дороги более чем на половину всего пространства, имеются обширные поля, луга и пастбища. Пролегает прекрасный путь, удобный для проезда и перевозки тяжестей на лошадях, который не требует расчистки»⁶¹.

По местному исчислению ламутов, весь выючный конный путь от речки Теплая вода до Гижиги составлял не более 600 верст, инородцы проходили его за 20 дней с учетом дневок. По рассказам проводника Шадрина, дорога эта начинается от речки Теплая вода и пролегает прямо по реке Балыгычан. Затем по пологим перевалам горного хребта, через два дня пути выходит к вершине реки Кегаль. Переваливается по низменной и очень пологой пади на имеющийся тут небольшой горный кряж. Подходит к самому истоку реки Осенней, берущей свое начало против вершины Кегаль и по Осенней в один день езды доходит до ее впадения в речку Сугой. Далее тянется к Лавдону, поворачивает на северо-восток до самой вершины, а затем через низменный перевал Станового и Яблоневого хребтов направляется к Охотскому морю, на берегу которого в пяти днях пути до Гижигинска, соединяется с Гижиги-Охотским трактом. И если, предположил Карзин, отсюда будет установлена сухопутная дорога к Колыме, то окажется, что весь путь от Теплой воды до Охотского моря будет равняться только 15-ти дням самой тихой езды и не более 10-ти дням на выючных лошадях. В случае прокладки через окрестности Теплой воды Колымо-Гижигинского тракта и открытия судоходного движения к побережью Охотского моря могут сложиться благоприятные условия для будущих предпринимчивых поселенцев. Таким образом, заключил Карзин, «доставка грузов купечеству и подрядчикам лошадей, оленей для транспортировки тяжести до порта на побережье Охотского моря, поставка фуража для лошадей и заготовления лодок для сплава по Колыме, все это может служить источником для увеличения благосостояния не только местного населения»⁶².

Из-за продолжавшегося ненастья и прибывшей воды, затопив-

шей весь бечевник, у Теплой воды пришлось задержаться до 31 июля. Находящуюся поблизости местность без названия Карзин поименовал «крепостицей Константиновской» в честь Константина Николаевича Светлицкого как главнейшего инициатора экспедиции, «и нашедшего (сколько было возможно) средств на ее содержание, без отягощения казны»⁶³.

В этот день 31 июля, взяв с собой запасную кладь, Карзин с проводником Василием Шадринным налегке направился вверх по течению Колымы. 8 августа вечером прибыли к устью маленькой горной речки Залыкчан, что в 335 верстах от реки Теплая вода. По направлению течения Колымы по горной возвышенности пошли исследовать местность, которая оказалась довольно живописна, просторна и пригодна для устройства значительных поселений, так как имела обширные луга для скота. «Если бы эту местность заселить, то при развитии хлебопашества и огородничества ее в буквальном смысле можно было бы назвать житницей Колымского края»⁶⁴, — писал в своем донесении Карзин. И здесь «в честь Господина Генерал-Губернатора Восточной Сибири, графа Алексея Павловича Игнатьева» одному из поселений инородцев он присвоил имя «крепостицы Игнатьевской» (1 508 верст от Средне-Колымска).

Однако из-за неисправностей лодки пришлось задержаться на три дня. 12 августа утром направились дальше вверх по Колыме и, пройдя 30 верст по большой «прибыльной» воде, вошли в устье Буюнды: «при впадении в Колыму, река имеет 250 сажений в ширину, на остальном протяжении не более 75, а местами доходит до 5-6»⁶⁵. Заросшая лиственничными лесами, кустами рябины, как показало обследование, она мало пригодна для плавания. По правую сторону до Ямска тянулись каменистые уступы. Осенью Буюнда бывала до того быстра, что по ней «нельзя плыть против течения даже на маленьких стручках — челноках». Ее русло запружено наносными корнями деревьев. Уровень воды беспрерывно меняется и зависит от выпадающих осадков, то глубока, то мелка. Поэтому иногда лодка натывается на каменные наносы.

За три дня пути вверх проплыли 115 верст. При этом немалую часть составили «змеевидные речные огибы», на которые вынуждены были тратить дополнительное время, что значительно замедляло продвижение.

Дальше исследовать Буюнду было бессмысленно: стало ясно, что она может быть пригодна только по первому весеннему большому половодью для лодок весом до 10-пудовой клади. Больше грузить было просто опасно, так как о каменистые мели могли разбиться лодки, погибнуть люди и кладь.

Кроме того, возник вопрос: кто будет строить лодки на Буюнде? Живущие здесь инородцы выдалбливали только «сружки-душегубки», а построить большие грузовые лодки не умели и не имели об этом понятия. Поэтому не случайно ежегодно регистрировались многочисленные случаи, когда и взрослые, и подростки в таких «лодках-ветках из-за одного неосторожного движения падали в воду

и тонули»⁶⁶. Когда они увидели лодку экспедиции, которую вытащили на берег для просушки, то «неизъяснимо были удивлены. Долго ее осматривали, ощупывали руками, дивились, качали головами»⁶⁷. Таким образом, заключил Карзин, вряд ли была какая-то надежда на то, что инородцы за 600 верст пойдут за лесом для того, чтобы изготовить лодки и затем плавать по Буюнде.

К тому же, если брать в расчет эту реку, то ближайшим к ней населенным пунктом на побережье Охотского моря является Ямск, который располагается южнее Гижиги в 3 608 верстах от Средне-Колымска. То есть на 1 283 верст длиннее тракта от Средне-Колымска до Якутска через Верхоянск. В то время как водный путь от Средне-Колымска до Теплой воды составляет 1 838 версты. Кроме того, Колымо-Ямский путь всецело будет зависеть от уровня воды в Буюнде, а Колымо-Гижигинский может быть использован круглый год. Таким образом, возлагаемые на эту реку надежды, к большому сожалению Карзина, не оправдались. Долгим и многотрудным был путь от Средне-Колымска до Буюнда, но еще тяжелее было «похоронить в ней все надежды на пригодность доставки сюда казенной тяжести, купеческих товаров из Колымска»⁶⁸.

15 августа Карзин от урочища Поворотное по пустынным берегам Буюнды решил вернуться на Колыму и далее двигаться к устью Коркодона и Лавдона. На Колыме стоял высокий уровень воды. Постоянно прибывая, заливая прибрежные бечевники и усиливая быстроту течения, вода до крайности усложняла труд рабочих, которые вынуждены были не только вкладывать всю свою силу в работу, но и постоянно находясь под открытым небом, работать под дождем и на холоде. Дожди, идущие почти все время, перепортили все вещи экспедиции, одежду, обувь. «При холоде, подобные процедуры превращались в настоящее мучение, в то испытание, которому в варварские времена подвергали людей наказанием водой»⁶⁹.

17 августа часу в 5-м дня «по большой пребольшой воде доплыли до устья Лавдона». По рассказам проводника Шадрина, «река крайне быстра, никогда не замерзает и остается совершенно талой, образуя у берегов только небольшую наледь». Поэтому бродячие инородцы приезжают сюда для ловли рыбы.

С трудом перебравшись через Усть-Лавдонский порог и выбрав удобное место для остановки, «решили передохнуть до следующего дня». Утром 18 августа по высокому уровню воды в реке попытались проникнуть дальше вверх, «пошли бечевой» против быстрого течения Лавдона. Пройдя пять верст, столкнулись с другим порогом во всю ширину реки, преодолеть который «не представилось никакой возможности», так как несущаяся через него вода «буквально клочкотала, кипела словно кипятком в гигантском котле». Убедившись в непригодности Лавдона к судоходству и сплаву по нему грузов, «устав лавировать между камнями с большою для себя опасностью», они «с быстротою экстренного поезда пронеслись обратно к Усть-Лавдонскому порогу и во избежание какого-либо несчастья поспешили выбраться на Колыму»⁷⁰, по которой вечером этого же

дня доплыли до устья Коркодона.

Утром 19 августа, распрощавшись с Шадриним, который уже исполнил роль проводника и не был нужен, Карзин с остальными рабочими и Михаилом Тайшиным «бечевой» направился вверх по реке. По сравнению с Лавдоном, Коркодон не имел порогов, поэтому сплав по нему, заключил Карзин, возможен до замерзания, а удобные берега не требовали особого исследования. Благодаря высокому уровню воды в реке удалось пройти вверх по ней только до ламутского урочища Арычимба (Арыкимба; по-юкагирски – Алчедын), отстающего от устья Коркодона на 205 верст. Сюда и прибыли 23 августа. Продвинуться дальше помешал спад воды, который грозил остановкой сплава по реке.

Учитывая это обстоятельство, 23 августа Карзин решил возвращаться к устью Коркодона и, войдя в фарватер Колымы, дополнительно исследовать его. Насколько позволяли условия и знания, он констатировал следующее: «До устья впадающей в Колыму реки Коркодона, по берегам извиваясь, тянутся высокие горы, от 1 000 до 3 000, местами до 4 000 футов и постепенно переходят в тундру. С правой стороны берег, соединяясь с отрогами реки Омолон, заканчивается при устье этой реки. Фарватер главной реки Колымского края извилист, имеет большую глубину от одной до десяти и более саженой при самом низком уровне воды. Поэтому сплавы для всевозможных тяжестей весьма безопасны и доступны на судах поднимающих несколько тысяч пудов тяжести. По причине быстроты Колымы, потяга бичевой вверх по главному течению совершенно невозможна. Приходится преодолевать огромное сопротивление реки, выбирая самый кратчайший путь, перегребая от одного острова к другому»⁷¹. Даже при тихой безветренной погоде их экспедиционная лодка «неслась по ее зыбунам, покачиваясь как на рессорах», за 12 часов преодолев около 300 верст.

Как показал опыт, тяга грузов вверх по Колыме возможна только в маленьких лодках, поднимающих небольшие тяжести. Причем каждая должна иметь не менее пяти рабочих. Ибо «при меньшем числе, течение может отбросить ее вниз и разбить о каменистый берег, или затянуть под нависший яр и затопить под ним». Также он определил течение Колымы от устья Буянды до Лавдона как «быстрое» (70 000 футов или 20 верст в час), от устья Лавдона до реки Ноучье – «очень быстрое» (30 верст в час), от устья Ноучье до Верхне-Колымска – «быстрое», от Верхне-Колымска до Средне-Колымска – «средне-скорое» (10 верст в час), от Средне-Колымска до устья Омолона – «ниже среднее» (5 верст в час)⁷².

26 августа доплыли до Верхне-Колымска, а 3 сентября благополучно возвратились в Средне-Колымск, исследовав в общей сложности более 3 726 верст сухопутного и водного пути.

* * *

К какому же результату пришла экспедиция Карзина?

Самым удобным и безопасным путем для постоянной доставки казенных грузов и купеческих товаров с побережья Охотского моря в Средне-Колымск может являться Колымско-Гижигинский путь через крепостицу Константиновская у реки Теплая вода. До нее, как и по Охотско-Гижигинскому тракту, может быть установлен и почтовый путь со станциями, через которые возможен провоз груза и в зимнее время. Причем летом треть из 700 верст водного пути «бечевой» можно пройти не более чем за 10 дней. Пролегая по извилистой местности, легко проходимый для выючных лошадей, свободный от топей, болот, путь изобилует прекрасными пастбищами, удобными для скота. Он являлся лучшим и наиболее пригодным из всех обследованных дорог к побережью Охотского моря.

Но кратчайший путь вел от Средне-Колымска до Гижигинска, который Карзин исследовал по собственной инициативе. Это сухопутный тракт от Гижигинска, к реке Крест (Отворотная), впадающей в Омолон. Пересекая последний, пролегая через горы, по прямой линии, он направлялся к Средне-Колымску. Имел низменные и легко проходимые для выючных лошадей перевалы, которых бродячие ламуты насчитывали девять. Весь он был расположен на сухой местности, имел хорошие отавы (травы, выросшая в тот же год на месте скошенной). И зимой на выючных лошадях мог быть преодолен не более как за 25 дней (по местному исчислению ламутов – около 1 000 верст).

Путь, что вел от Средне-Колымска к местечку Ямск через Буянду, – очень далек. Поэтому он не мог стать постоянным, так как сплав был возможен только по весеннему половодью и то при наличии грузов в Ямском порту и при отсутствии задержки с поставками со стороны Охотского моря. Что касается доставки грузов водным путем через Коркодон, то здесь та же картина: только по весеннему половодью.

Завершая анализ своего «благоугодного дела» по исследованию главного водного пути Колымского края, Карзин выразил надежду на то, что наиболее удобный сухопутный путь «откроет для трудолюбивых колымчан новую сферу практической благодарной деятельности». Он был уверен в том, что «не далеко то время, когда по новому пути с берегов Охотского моря в Средне-Колымск придет транспорт удешевленных товаров и стряхнет с него тяготеющую, беспощадную дороговизну»⁷³.

С чувством исполненного долга и благодарностью к той «крохотной кучке людей, не оставивших проникать на хрупкой деревянной лодке по головокружительному течению в самые заповедные и труднодоступные места», 9 сентября 1889 г. Карзин закончил свое итоговое донесение, которое затем было представлено «на рассмотрение Якутского Областного Правления» и «отправлено Генерал-Губернатору Восточной Сибири А.Д. Горемыкину».

Ознакомившись с «описанием поездки исправника по рекам Колымы Лавдона, Коркодона и Буянды», в ответном письме от 28 апреля 1890 г. за № 3241 к губернатору В.З. Коленко, Иркутский

генерал-губернатор А.Д. Горемыкин признал попытку Карзина, сделанную им «в интересах Колымского края, найти ближайший путь к одному из пунктов Восточного побережья, крайне важной. А соображения и сведения Карзина о водных путях и прилегающих к ним местностям, достойными глубокого внимания»⁷⁴. А.Д. Горемыкин приказал от его имени «объявить Колымскому окружному исправнику особую благодарность за полезный труд по совершению экспедиции. И в силу высочайше представленной ему власти, счел своим долгом достойно наградить Карзина и участников за их труды и успехи»⁷⁵.

Так, благодаря общей заинтересованности, как со стороны властей, так и населения, стараниям, прежде всего, Владимира Гавриловича Карзина, его заботе «о хлебе насущном для колымчан», упорству, выносливости северян оказалось возможным осуществление первого исследования рек и местностей для открытия пути от Средне-Колымска до берегов Охотского моря. И хотя это было только начало, тем не менее, оно вселяло надежду на будущее. Теперь уже стало ясно, что связь эта достижима, она не только необходима, но и выгодна. В чем не возникли сомнения и у генерал-губернатора, начальника Восточной Сибири. А посему он повелел «продолжить настоящее дело исследования по открытию иного кротчайшего и удобного пути до Гижигинска, Ямска, Охотска при посредстве того же Карзина...» и обязательно «уведомить его о дальнейших результатах», сообщить «точные сведения о местности Восточного побережья и тех главных продуктов, которые нужны для Колымского края. Составить соображения о стоимости их провоза до Средне-Колымска»⁷⁶.

Так были заложены основы для дальнейших поисков кратчайших путей к Охотскому морю, от которых зависело хозяйственное развитие и повышение уровня жизни населения не только Колымского края, но и близлежащих территорий.

* * *

Но на этом «благоугодные» дела Колымского окружного исправника не закончились.

В 1893 г. при поддержке уже другого губернатора – В.Н. Скрыпицына – была предпринята еще одна экспедиция с той же целью: «отыскивание новых путей от Средне-Колымска до Гижиги» при совместном руководстве В.Г. Карзина и советника Якутского областного правления Д.И. Меликова. Маршрут включал в себя северо-восточную часть территории Якутии и начинался от Средне-Колымска, затем по Колыме через Верхне-Колымск и дальше до реки Балыгчан. От ее устья до Гижиги шли на конях. На обратном пути двигались по направлению к Омолону, который впадает в Колыму. Обследовали более мелкие реки Кедон, Парень, Кегали (Кегаль), Асыхой и другие. По «чукотской дороге», уже проложенной инородцами, половина членов экспедиции шла на лодках, дру-

гая – на оленях. Результатом исследования стала карта пути продвижения, составленная Карзиным⁷⁷, которая затем легла в основу нового торгового маршрута. Его протяженность составила около 1 250 верст. В результате, «посредством чукчей, кочевавших по правой стороне реки Омолон, гижигинские купцы стали доставлять товары в Средне-Колымск вместо 8-14, всего по 2 руб. с пуда»⁷⁸.

Тем самым «трудолюбивые колымчане получили возможность открыть для себя не только новую сферу практической деятельности», но и, по словам Карзина, «страхнули со Средне-Колымска тяготеющую над ним беспощадную дороговизну»⁷⁹.

Факт его «беспорочной службы на благо народа и Отечества» подтверждают не только его награды, но, что более важно, конкретные дела и искренние слова благодарности инородцев, которые на себе ощутили улучшение своих жизненных условий. Поэтому не случайно еще в феврале 1888 г. «родоначальники девяти родов на торжественном улусном собрании в помещении Колымской инородной Управы от имени всех инородцев обратились к нему с письменным благодарственным адресом. В нем они выразили свои теплые чувства глубочайшей и искренней признательности за то, что он с безукоризненной добросовестностью и благородством постоянно заботиться об их благосостоянии»⁸⁰.

У губернатора В.Н. Скрыпицына были все основания рекомендовать Владимира Гавриловича Карзина на должность Якутского окружного исправника, о чем и последовал приказ от 10 марта 1895 г. Но это уже другая страница в его биографии, страница истории Якутии.

Примечания

¹ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)). Ф. 12и. Оп. 1. Д. 8615. Л. 7об.

² Там же.

³ НА РС(Я). Ф. 12и. Оп. 1. Д. 1855. Л. 7–8.

⁴ Там же. Л. 7.

⁵ Там же. Л. 12.

⁶ НА РС(Я). Ф. 17и. Оп. 1. Д. 729. Л. 1–2.

⁷ Визе В.Ю. Обзор исследований по гидрологии рек и озер Якутии // Материалы комиссии Академии наук СССР по изучению Якутской АССР. Вып. 2. Л., 1928. С. 178.

⁸ НА РС(Я). Ф. 17и. Оп. 1. Д. 1277. Л. 25–26.

⁹ НА РС(Я). Ф. 12и. Оп. 1. Д. 4211. Л. 1–2.

¹⁰ НА РС(Я). Ф. 17и. Оп. 1. Д. 1277. Л. 26–29.

¹¹ НА РС(Я). Ф. 12и. Оп. 1. Д. 10196. Л. 616–662.

¹² Казарян П.Л. История Верхоянска. Якутск, 1998. С. 96, 97.

¹³ Визе В.Ю. Некоторые особенности атмосферного режима Якутии в связи с проектированием сети метеорологических станций // Материалы комиссии Академии наук СССР по изучению Якутской АССР. Вып. 2. Л., 1928. С. 135.

¹⁴ НА РС(Я). Ф. 17и. Оп. 1. Д. 1277. Л. 28.

¹⁵ НА РС(Я). Ф. 17и. Оп. 1. Д. 1277. Л. 3.

- ¹⁶ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: Сборник документов. Л.; М., 1952. С. 56.
- ¹⁷ *Алексеев А.И.* Охотск – колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск, 1958. С. 9.
- ¹⁸ *Колесов М.И.* История колымского края. Якутск, 1991. С. 94.
- ¹⁹ *Оглезнева Т.Н.* Русское географическое общество: Изучение народов Северо-Восточной Азии: 1848 – 1917 гг. Новосибирск, 1994. С. 59–61.
- ²⁰ *Боякова С.И.* Колымские рейсы начала XX века // Исторические исследования в Республике Саха (Якутия): Поиски и проблемы. Якутск, 1999. С. 86–97.
- ²¹ *Астахова И.С.* «...Эта безрассудная затея...» // Сокровища культуры Якутии. Ч. 1. М., 2011. С. 162–168.
- ²² *Казарян П.Л.* Сухопутные сообщения Северо-Восточной России XVII в. – 1920 г. Якутск, 2012. С. 120, 121.
- ²³ *Крылова В.К.* Путешествие в будущее: фантазия и реальность. Психология поступков // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 4 (53). С. 200–204.
- ²⁴ НА РС(Я). Ф. 12и. Оп. 1. Д. 6374. Л. 5.
- ²⁵ НА РС(Я). Ф. 12и. Оп. 1. Д. 7524. Л. 1–2.
- ²⁶ НА РС(Я). Ф. 12и. Оп. 1. Д. 7724. Л. 16.
- ²⁷ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 1. Д. 26. Л. 50.
- ²⁸ НА РС(Я). Ф. 12и. Оп. 1. Д. 7530. Л. 1.
- ²⁹ НА РС(Я). Ф. 12и. Оп. 1. Д. 7540. Л. 1–2.
- ³⁰ НА РС(Я). Ф. 18и. Оп. 1. Д. 169. Л. 2.
- ³¹ Там же. Л. 2.
- ³² Там же. Л. 2об.
- ³³ НА РС(Я). Ф. 12и. Оп. 1. Д. 6374. Л. 3.
- ³⁴ Там же. Л. 5.
- ³⁵ НА РС(Я). Ф. 12и. Оп. 1. Д. 8040. Л. 14.
- ³⁶ НА РС(Я). Ф. 18и. Оп. 1. Д. 169. Л. 3.
- ³⁷ НА РС(Я). Ф. 12и. Оп. 1. Д. 6374. Л. 6.
- ³⁸ Там же. Л. 6.
- ³⁹ НА РС(Я). Ф. 18и. Оп. 1. Д. 169. Л. 4.
- ⁴⁰ Там же. Л. 4.
- ⁴¹ Там же. Л. 4об.
- ⁴² Там же. Л. 18.
- ⁴³ Там же. Л. 1об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 4об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 21.
- ⁴⁶ Там же. Лл. 5, 26.
- ⁴⁷ Там же. Лл. 4, 5.
- ⁴⁸ Там же. Л. 73.
- ⁴⁹ НА РС(Я). Ф. 12и. Оп. 1. Д. 1855. Л. 39.
- ⁵⁰ НА РС(Я). Ф. 18и. Оп. 1. Д. 169. Л. 52.
- ⁵¹ Там же. Л. 26.
- ⁵² Там же. Л. 52.
- ⁵³ Доклад начальника Гижигинской Экспедиции Н. М Березкина о путях сообщения Колымского края и об изысканиях пути Средне-Колымск-Гижига // Колымск – Гижига. Якутск, 1912. С. 16.
- ⁵⁴ НА РС(Я). Ф. 18и. Оп. 1. Д. 169. Л. 53.
- ⁵⁵ Там же. Л. 54.

- ⁵⁶ Там же. Л. 55об.
- ⁵⁷ Там же. Л. 33, 56об.
- ⁵⁸ Там же. Л. 57.
- ⁵⁹ Там же. Л. 58.
- ⁶⁰ Там же. Л. 58об.
- ⁶¹ Там же. Л. 59.
- ⁶² Там же. Л. 60.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же. Л. 60об.
- ⁶⁵ Там же. Л. 61–62.
- ⁶⁶ НА РС(Я). Ф. 12и. Оп. 1. Д. 10197. Л. 463.
- ⁶⁷ НА РС(Я). Ф. 18и. Оп. 1. Д. 169. Л. 63.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же. Л. 65.
- ⁷⁰ Там же. Л. 67об.
- ⁷¹ Там же. Л. 67.
- ⁷² Там же. Л. 67об.
- ⁷³ Там же. Л. 71.
- ⁷⁴ НА РС(Я). Ф. 17и. Оп. 1. Д. 1277. Л. 40–41.
- ⁷⁵ Там же. Л. 41.
- ⁷⁶ Там же. Л. 40–41.
- ⁷⁷ НА РС(Я). Ф. 434. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2.
- ⁷⁸ НА РС(Я). Ф. 434. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.
- ⁷⁹ НА РС(Я). Ф. 18и. Оп. 1. Д. 169. Л. 71.
- ⁸⁰ НА РС(Я). Ф. 12и. Оп. 1. Д. 1855. Л. 39–40.

Автор, аннотация, ключевые слова

Крылова Вера Климентьевна – канд. искусствоведения, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Республика Саха (Якутия))
kvkrepssgur@mail.ru

В статье на основе ранее неизвестных документов Национального архива Республики Саха (Якутия) рассматривается установление транспортных и экономических связей Якутской области с побережьем Охотского моря в конце XIX в. Необходимость налаживания таких связей была продиктована рядом социальных и экономических причин: нужно было найти более короткий и дешевый путь доставки товаров с побережья Охотского моря до города Средне-Колымска, центра Колымского округа. Колымский окружной исправник В.Г. Карзин задумал экспедицию по исследованию водно-сухопутного пути из Средне-Колымска до Гижиги (Колымско-Охотский тракт). Его намерение было одобрено и поддержано губернскими властями Восточной Сибири. Экспедиция Карзина состоялась летом 1889 г. Сохранившиеся дневниковые записи и отчетные документы Карзина об экспедиции свидетельствуют о том, с какими неожиданностями и смертельными опасностями в пути пришлось столкнуться ее участникам, оказавшимся наедине с дикой и суровой природой. Успех экспедиции Карзина оказался возможным благодаря его ответственному отношению к служебному долгу и мужеству участников экспедиции. Им помогло ясное осознание значимости открытия более короткого пути от

Средне-Колымска до Гижиги, от которого зависело благополучие, благосостояние и все будущее населения Колымского края.

Якутия, Якутская область, Колымский округ, Колымский край, Средне-Колымск, Гижигинск, Колымо-Гижигинский тракт, река Колыма, географическая экспедиция, торговый путь, В.Г. Карзин

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Krylova V.K. Puteshestvie v budushchee: fantaziya i realnost. Psikhologiya postupkov. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 2015, no. 4 (53), pp. 200–204.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

2. Astakhova I.S. “...Eta bezrassudnaya zateya...” *Sokrovishcha kultury Yakutii* [The Treasures of Yakut Culture]. Moscow, 2011, vol. 1, pp. 162–168.

3. Boyakova S.I. Kolymskie reysy nachala XX veka. *Istoricheskie issledovaniya v Respublike Sakha (Yakutiya): Poiski i problemy* [Historical Research in the Republic of Sakha (Yakutia): The Search and Problems]. Yakutsk, 1999, pp. 86–97.

(Monographs)

4. Alekseev A.I. Okhotsk – kolybel russkogo Tikhookeanskogo flota [City of Okhotsk – the Cradle of Russian Pacific Fleet]. Khabarovsk, 1958, p. 9.

5. Kazaryan P.L. Istoriya Verkhoyanska [History of City of Verkhoyansk]. Yakutsk, 1998, pp. 96, 97.

6. Kazaryan P.L. Sukhoputnye soobshcheniya Severo-Vostochnoy Rossii XVII v. – 1920 g. [Land Routes of North-Eastern Russia in the 17th century – 1920]. Yakutsk, 2012, pp. 120, 121.

7. Kolesov M.I. Istoriya kolymskogo kraja [History of the Kolyma Region]. Yakutsk, 1991, p. 94.

8. Oglezneva T.N. Russkoe geograficheskoe obshchestvo: Izuchenie narodov Severo-Vostochnoy Azii: 1848 – 1917 gg. [The Russian Geographical Society: A Study of the Peoples of North-Eastern Asia: 1848 – 1917]. Novosibirsk, 1994, pp. 59–61.

Author, Abstract, Key words

Vera K. Krylova – Candidate of Arts, Senior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia) kvkrepressgur@mail.ru

On the basis of previously unknown documents from the National archives of the Republic of Saha (Yakutia) the article focuses on transportation and economic ties established between the Yakutsk region and the coastal area of the Ochotsk Sea in the late 19th century. These ties were urged by social and economic causes: it was necessary to find a shorter and more cheap way for transporting goods from the coast of the Ochotsk Sea to the town of Sredne-Kolymsk, the centre of the Kolyma region. An expedition aimed to investigate a route by

water and land from Sredne-Kolymsk to Gizhiginsk (Kolyma-Ochotsk tract) was devised by V.G. Karzin, a police district officer of Kolyma, and approved and supported by regional authorities of Eastern Siberia. Karzin's expedition was made in summer 1889. His diary and reports witness the incidents and fatal risks they had to overcome on their way, faced with wild and severe nature. The success of Karzin's expedition was due to his huge commitment and the courage of its participants. They were encouraged by the significance of finding the shorter route ensuring a future well-being for the people of Kolyma region.

Yakutia, Yakutsk region (oblast), Kolyma district, Kolyma region (krai), city of Mid-Kolymsk, city of Gizhiginsk, Kolyma-Gizhiginsk tract, Kolyma river, geographic expedition, trade route, V.G. Karzin

ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА

History and Literature

И.Л. Бабич

ГАЙТО ГАЗДАНОВ И МАСОНСКАЯ ЛОЖА «СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА» (1932 – 1971 годы)*

I. Babich

Gaito Gazdanov and the “Northern Star” Masonic Lodge (1932 – 1971)

В 1990-е гг., когда для россиян открылось творчество Гайто (Георгия) Ивановича Газданова, появился интерес и к его участию в масонской ложе «Северная звезда». Однако в 1990 – 2000-е гг. вышла лишь небольшая статья признанного знатока всей истории русского масонства А.И. Серкова об этой стороне деятельности писателя¹.

Связано это со спецификой доступа к архиву ложи «Северная звезда», который, несмотря на то, что находится на хранении в государственном учреждении – Отделе рукописей Национальной библиотеки Франции², – однако является частным. В 1990-х гг., когда работал с материалами ложи А.И. Серков, доступ к ним был сильно ограничен, поскольку в те годы им владела вдова члена ложи Михаила Осоргина – Татьяна Алексеевна Осоргина, которая стала хранительницей архива ложи после ее закрытия в начале 1970-х гг.

Опираясь на изучение всех протоколов заседания ложи, к которым мы получили полный доступ в 2014 г., в настоящей статье мы поставили целью, во-первых, провести анализ всей карьеры Газданова в ложе «Северная звезда», и, во-вторых, собрать все записанные в протоколах заседаний высказывания писателя на разные темы, поскольку это позволит охарактеризовать его взгляды, жизненную позицию и нравственные ориентиры. Материалы ложи находятся в четырех коробках, без нумерации листов, поэтому ссылки даются на номера коробок.

* * *

Гайто Газданов, петербуржец с осетинскими корнями, родился в

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ «Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтнических государствах: российский и зарубежный опыт (№ 15-18-00099), руководитель – Е.И. Филиппова.

1903 г. После революции и Гражданской войны оказался в эмиграции во Франции. В 1929 г. в Париже у него вышел первый роман «Вечер у Клер», высоко оцененный как русскими писателями, так и зарубежной критикой. В масонскую ложу «Северная звезда» его привлек русский писатель-эмигрант Михаил Андреевич Осоргин – крупный масонский деятель, основатель нескольких русских лож во Франции. Это случилось в 1932 г., когда Газданову было 29 лет.

Первое упоминание о Газданове в протоколах ложи «Северная звезда» датируется 24 апреля 1932 г., когда на заседании комитета были зачитаны биографии трех «профанов», «оглашенных» на предыдущем заседании – И.А. Газданова, В.Б. Сосинского и Вад.Л. Андреева. Все трое – писатели. В протоколе заседания было записано: «Все три профана будут анкетированы, в случае их согласия вступить в орден». На заседании комитета ложи, которое было 5 мая 1932 г., была оглашена анкета Газданова, после чего состоялось голосование членов комитета ложи об их согласии на проведение его опроса. В протоколе указано: «Профан единогласно допущен к опросу под повязкой», который произошел на следующем заседании комитета – 18 мая 1932 г. После опроса состоялось голосование членов ложи по его принятию в ложу. Торжественное посвящение Газданова в члены братства состоялось 24 мая 1932 г. После посвящения было решено: «по поводу занятий с новопринятыми постановили: ... поручить брату Осоргину заняться с будущим братом Газдановым». Другим масоном, который помогал Гайто начать «работать» в данной ложе, был армянин Михаил Матвеевич Тер-Погосян. 2 июня 1932 г., согласно документам, на торжественном собрании состоялась окончательная торжественная процедура посвящения профанов Г.И. Газданова, Вад.Л. Андреева, В.А. Маршака и В.Б. Сосинского.

В протоколе торжественного собрания описана эта процедура: «Оглашение завещаний профанов мастером. Профаны подводятся к дверям храма и под музыку вводятся в храм. Профаны дают последнее желание о вступлении в орден. Профаны уводятся за ограду храма». Проводится окончательное голосование о дачи им света. «Голосование благоприятное. Проводится ритуальное посвящение всех четырех профанов и дается им свет. Поздравляют их и выражают радость, что есть молодое поколение, которое принесет свет на Родину. Затем говорится об основных началах масонства: тайне и символике. Происходит сжигание завещаний вновь посвященных».

«Жизнь» Газданова в ложе «Северная звезда» можно разделить на два периода: 1932 – 1939 гг. и 1945 – 1964 (1971) гг. Перерыв был вызван тем, что 13 апреля 1940 г. состоялось «временное усыпление ложи», которое продолжалось до окончания войны, до 13 апреля 1945 г. Имеющиеся в нашем распоряжении самые поздние материалы о деятельности ложи датируются 28 апреля 1964 г.; в этот день заседание ложи проходило на квартире члена ложи В.А. Маршака, на котором присутствовал и Газданов. Сведений о «жизни» Газданова в ложе с середины 1964 г. по 1971-й (год его смерти)

у нас нет. Как указывает А. Серков, ложа «Северная звезда» прекратила свои работы 28 января 1972 г. в связи с малочисленностью и в связи с кончиной в конце 1971 г. досточтимого мастера Г. Газданова и первого стража Н.В. Петровского³.

В первый период Г. Газданов проявлял к ложе небольшой интерес, очень часто отсутствовал. Он стал активным ее членом лишь после Второй мировой войны. Как нам представляется, период между 1932 и 1939 гг. был для Газданова временем духовных исканий, который закончился тем, что в 1939 г. был поставлен вопрос о его исключении из ложи.

Итак, 7 июля 1932 г. Газданов посетил торжественное заседание, однако потом только в конце 1932 г. В течение всего 1933 г. он присутствовал почти на всех торжественных собраниях и заседаниях комитета (5 января, 3 и 16 февраля, 20 апреля, 6 июня, 3 ноября, 29 декабря), отсутствовал лишь два раза (15 ноября и 1 декабря)⁴, но оба раза присылал извинения.

В последующие годы, в 1934 – 1938 гг., Газданов редко посещал ложу. Он часто присылал извинительные записки, которые сохранились в архиве ложи⁵. В 1934 г. Газданов был три раза: 25 апреля (им был и делал доклад «Об Ильине и Симанском»⁶), 7 июня, 1 ноября. В 1935 г. Газданов отсутствовал на шести заседаниях ложи; присутствовал только два раза: 6 июня и 7 ноября.

В целом в 1934 – 1935 гг. Газданов был четыре раза за два года. Проживал он эти в годы в Париже по следующим адресам: Жоб Дюваль, д. 5 (15-й округ), Франсуа Мутон, д. 9⁷. По данным на 22 апреля 1933 г., статус Газданова в ложе был «ученик». Газданов начал пользоваться библиотекой русских лож. 17 июля 1933 г. он был возведен во 2-ю степень⁸. В 1934 г. стал подмастерьем и кандидатом в мастера, сдал «впечатления».

В 1936 – 1937 гг. посещение Газдановым ложи было таким: в 1936 г. 8 раз был в ложе, 8 – нет, в 1937 г. – 6 раз был, 10 заседаний пропустил. В 1938 г. ни разу не был. В одном из протоколов указано, что Газданов уже год не появлялся в ложе⁹.

Иногда Газданов извинялся устно¹⁰, иногда присылал письменные извинения. Вот одно из них – письмо М.А. Осоргину от 31 октября 1938 г.:

«Досточтимый Мастер и дорогой брат Михаил Андреевич,

Прошу прощения у Вас и у Ложи за то, что не могу присутствовать на собрании 3 числа. Сердечно об этом жалею – к несчастью от моего личного желания это не зависит. Я занят в это время как всегда. Прошу передать Ложе мой искренний привет и желания успеха в ее работах, в которых я всей душой хотел бы принять участие.

Прошу Вас верить моему глубокому уважению и моим братским чувствам».

К этому времени Газданов до сих пор не занимал должностей в ложе, тогда как В.Б. Сосинский, который стал членом ложи одновременно с Газдановым, уже занимал должность и даже получал зарплату. Хотя в эти годы в ложе было принято решение о привлечении

к работе молодых ораторов, Газданов таковым не стал. Когда он посещал заседания и собрания, то сидел «тихо», в протоколах никогда не «проявлялся».

В начале 1939 г. Газданов вновь отсутствовал на заседаниях ложи. 2 февраля 1939 г. состоялось торжественное собрание двух лож – «Северная звезда» и «Свободная Россия». Ораторами были А.О. Хатисов и С.С. Егиазаров. Газданов отсутствовал, но прислал письменные извинения. На собрании обсуждался вопрос об исключении Газданова из членов ложи. 17 октября 1939 г. на офицерском собрании велись переговоры об «утверждении в радиации» (пожизненное исключение из членов ложи) М.А. Алданова, М.А. Джаншиева и Газданова. Первых двух – утвердили, но Газданов был вычеркнут из этого списка и перенесен в другой раздел – «переговоры о радиации». И лишь Вторая мировая война приостановила процесса «радиации» Газданова. 13 апреля 1940 г. состоялось «временное усыпление ложи», которое продолжалось до окончания войны¹¹.

13 апреля 1945 г. состоялось торжественное собрание, на котором было объявлено о возрождении ложи. Газданов присутствовал на этом собрании. На нем впервые был поставлен вопрос о возможности возвращения русских масонов на родину. В 1945 г. было создано Объединение русской эмиграции для сближения с СССР, в которое вошли и руководители масонов. 24 ноября 1949 г. Алданов на заседании ложи «Северная звезда» заявил, что «главная цель масонства за рубежом – донести свет масонов на Родину»¹².

В течение 1945 г. Газданов был на четырех заседаниях, в том числе и на двух, где обсуждался вопрос об отношении масонов к Советской России и об объединении с другими русскими ложами; на четырех отсутствовал. 13 декабря 1945 г. на заседании, на котором Газданов отсутствовал, председатель собрания Альперин сделал доклад, в котором констатировал, что произошло ослабление масонства, поскольку «они потеряли веру в человечество из-за немцев». Как нам представляется, послевоенная ложа «Северная звезда» в значительной степени изменилась: произошло резкое сокращение численности членов ложи, новые братья не появлялись, изменились обсуждаемые вопросы.

В 1946 г. Газданов, который по-прежнему жил в 15-м округе Парижа (Бросьон, д. 9), практически всегда посещал заседания ложи. К этому времени в ложе всего было 27 человек¹³. 18 октября 1946 г. Газданов был избран оратором (одна из авторитетных должностей в масонской иерархии) и он стал часто делать доклады. 12 декабря 1946 г. он сделал доклад «Писатель и коллектив», который вызвал очень бурные дебаты среди членов ложи.

В 1947 г. Газданов, как правило, присутствовал на заседаниях ложи, отсутствовал лишь несколько раз по болезни¹⁴. Однако по непонятным причинам 9 октября 1947 г. его сняли с должности оратора и избрали на должность судьи (вместе с М.М. Тер-Погосяном и А.И. Эрухмановым). Оратором ложи стал Михаил Кивелевич (Кивелиович), который в течение многих лет делал доклады, поль-

зовавшиеся успехом среди членов ложи.

В 1948 г. Газданов часто посещал ложу, был активен при обсуждении различных вопросов¹⁵. Хотя он перестал быть оратором, на двух заседаниях – 8 и 22 апреля – им был сделан доклад на тему «О Советской проблеме»¹⁶. В 1949 г. Газданов все время посещал ложу¹⁷: в этот год он впервые стал председателем на одном из заседаний ложи (10 ноября 1949 г.)

В эти годы количество членов русских масонских лож во Франции значительно сократились. Так, 8 декабря 1949 г. в Париже проводилось совместное заседание членов всех русских масонских лож – «Астрей», «Гермес», «Гамаюн», «Вехи», «Юпитер», «Северная звезда». Присутствовало всего 56 человек, о чем свидетельствуют подписи каждого участника в конце протокола.

В 1950 – 1951 гг. Газданов часто посещал ложу¹⁸. 8 марта 1951 г. он сделал доклад на тему «Литература социального заката».

В 1952 – 1953 гг. Газданов часто отсутствовал, но несколько раз становился председателем заседаний ложи – как заседаний комитета, так и торжественных собраний. 9 октября 1952 г. Газданова избрали «привратником», а оратором стал М.М. Тер-Погосян¹⁹. В течение 1954 – 1955 гг. Газданов отсутствовал в ложе (появился только на торжественном собрании 10 марта 1955 г.)²⁰. С 1953 г. он стал работать на радио «Свобода» в Мюнхене и, видимо, бывал в Париже наездами²¹.

В 1956 г. Газданов не посещал ложу в течение всего года²². В 1957 г. он появился лишь на двух торжественных заседаниях (28 февраля и 28 марта), потом до конца года отсутствовал и появился лишь в декабре 1957 г.²³

В 1958 г. Газданов отсутствовал на заседаниях ложи почти целый год (появился один раз в августе, а потом стал ходить в ноябре – декабре)²⁴.

С 1959 г. Газданов начал работать сотрудником французского офиса радио «Свободы», поэтому, видимо, смог чаще бывать в ложе²⁵. В 1959 – 1960 г. он иногда занимал должность оратора, стал делегатом ложи. 10 декабря 1958 г. Газданов сделал доклад о Гоголе в связи с его юбилеем²⁶. В 1960 г. Газданов редко посещал ложу²⁷, тем не менее 12 декабря 1961 г. он был выбран «досточтимым мастером». И это способствовало тому, что Газданов стал часто посещать ложу²⁸. В эти годы членами ложи «Северная звезда» было всего 18 человек, и, как правило, ее посещало 10-15 из них. В это время новых членов в ложу не принимали.

В 1961 г. Газданов делал доклады: о Чехове, о советском писателе Михаиле Александровиче Нарице, «О человеческом достоинстве», о литературном творчестве Алданова, «О ритуалах и традициях в масонстве».

Член ложи А.С. Альперин на одном из заседаний сказал, что «было легче руководить ложей, когда в ложе было до 70 человек, и труднее сейчас, когда заветы Ложы должны хранить 20 братьев, из которых регулярно посещают собрания лишь 12-15... Роль до-

сточтимого мастера поддерживать тот огонек, который горит в душе каждого из братьев». В 1962 – 1963 гг. Газданов стал «первым надзирателем»²⁹.

В 1962 г. Газданов посещал ложу до середины года, а затем появился лишь в ноябре³⁰. В 1963 г. заседания ложи стали проходить на квартирах у членов ложи А.С. Альперина и В.А. Маршака. Газданов появился в ложе лишь в марте³¹. В 1963 г. на заседании ложи было вновь подтверждено, что задача русского масонства в эмиграции – «сохранить в целостности масонскую идеологию, чтобы в какой-то момент перенести ее на родину». 28 ноября 1963 г. Газданов занял должность «первого стража»³². В 1964 г. он участвовал во всех заседаниях ложи, в 1964 – 1965 гг. вновь был избран на должность оратора³³.

Материалы о последнем заседании ложи датируются 28 апреля 1964 г., когда проходило заседание на квартире Маршака, на котором присутствовал и Газданов. По данным А.И. Серкова, в 1966 г. Г. Газданов был оратором. Но и у А.И. Серкова нет данных о деятельности ложи в конце 1960-х гг. и «жизни» Газданова в ложе с 1966 по 1971 гг.³⁴ Он лишь указывает, что сохранилось два доклада писателя, сделанные им в этот период, которые А.И. Серков нашел и опубликовал – «Роль писателя» (после 1965 г.) и «О М.А. Алданове» (февраль 1967 г.)³⁵.

* * *

По данным А.И. Серкова, Газдановым в ложе «Северная звезда» было сделано 10 докладов, по нашим данным – тоже, но тематика докладов отчасти разнится. А.И. Серков упоминает два доклада: «Масонские впечатления» (1 июня 1933 г., традиционное выступление ученика перед посвящением во 2-ю степень масонства) и «О постановке русских пьес во французских театрах» (23 ноября 1961 г.). У нас нет данных об этих докладах, но есть сведения о двух других докладах: «Об Ильине и Симанском» (25 мая 1934 г.)³⁶ и «О человеческом достоинстве» (28 марта 1963 г.).

Данные о других восьми докладах совпадают. А.И. Серков отмечал, что Газданов в 1965-1967 гг. сделал еще два доклада: «Роль писателя» (после 1965 г.), «О М.А. Алданове» (февраль 1967 г.)³⁷. Таким образом, всего Газдановым было сделано 14 докладов.

А.И. Серков приводит данные еще о двух докладах, сделанных Г.И. Газдановым на заседаниях другой ложи, куда его пригласил М.А. Осоргин – его друг и учитель, создатель ложи «Северные братья» («О юбилеях и безвременности масонства» – 2 марта 1936 г., «Об опустошенной душе» – 6 апреля 1936 г.)³⁸.

Помимо докладов Газданов во втором периоде своей масонской жизни активно участвовал в обсуждении различных вопросов. А.И. Серков указывал, что Газданов «постоянно» участвовал в обсуждении докладов других членов ложи³⁹. Все же это было не совсем так: до 1939 г. он не был активным членом «Северной звезды».

Остановимся на основных общественно-политических и исторических взглядах Газданова, изложенных им в его докладах и выступлениях.

25 марта 1948 г. на заседании ложи ее член Вад.Л. Андреев делал доклад о философе Николае Бердяеве, умершем 24 марта в Кламаре⁴⁰. При обсуждении доклада Газданов затронул национальный вопрос в Российской империи и в СССР. Он подчеркивал: «Если Россия не распалась накануне Первой мировой войны, то это объясняется тем, что царское правительство в общем не преследовало национальностей, кроме евреев. Россия обладает огромной ассимиляционной способностью. Другое положение сложилось во время Второй мировой войны: несмотря на всю мерзость поведения немцев, многие национальности были с ними. Даже казачество дало большой контингент настроенных против России людей. Последовавшие репрессии свидетельствуют в свою очередь о явлениях нелояльности. Но последняя была направлена против режима, а не против России. Характерно, что и сейчас большое число так называемых Ди-Пи ни в коем случае не хотят возвращаться в Россию. Тем самым уничтожается миф о монолитности России... Ни патриотизм, ни национализм ничему не помогут, надо постараться как-то сговориться. Если же закон биологического безумия перестанет существовать, тогда не надо будет и федераций».

Его дополнил М.М. Тер-Погосян: после 1917 г. Россия распалась и была вновь собрана воедино «кровью и железом. Но вместе с тем уничтожены были и культурные ценности отдельных частей России и уничтожены все возможные создатели их»⁴¹.

28 января 1960 г. на заседании ложи обсуждалась проблема «вспышек антисемитизма в это время в мире». В протоколе заседания отмечалось мнение Газданова об антисемитизме: «Антисемитские выступления свидетельствуют о психической ненормальности или преступности их авторов. Ни один здоровый и уважающий себя человек не может быть антисемитом. Антисемитам место в психиатрической лечебнице или тюрьме»⁴².

После обсуждения доклада о Бердяеве на двух заседаниях ложи – 8 и 22 апреля 1948 г. Газданов сделал доклад на тему «О советской проблеме». В своем докладе он подчеркнул «факт формирования в Советском Союзе новой правящей касты, малокультурной и склонной прикрывать пошлыми фразами убожество своих достижений». Он подробно остановился на системе образования в СССР: «Воспитание молодежи случайно, прерывисто и беспорядочно. Специалисты мало и уровень их низкий. В методах педагогики и воспитания первоначальный хаос сменился решительным возвратом к старому. Бесплатность обучения для 3-х старших классов средней и для высшей школы. К высшему образованию доступ сохранен лишь для детей советских сановников, высших служащих и прочих привилегированных. Сохранен минимум образования для повышения квалификации некоторых слоев рабочих и военных. Доступ к образованию сопровождается отрывом от первоначальной

среды и вызывает расслоение и расхождение». Газданов указал в докладе, что «критика существующего положения имеет место только по адресу лиц, которые уже негласно осуждены властью и является безошибочным предвестником их падения. За политические уклоны пощады нет, и, несмотря на то, что подвергаемый критике сам пролетарского происхождения, он немедленно оказывается врагом народа, со всеми вытекающими из этого последствиями». Он заключил, что советский строй по своим основным характеристикам похож на Россию эпохи Ивана Грозного⁴³.

Это выступление Газданова вызвало показательную реакцию членов ложи: они стали защищать и Россию, и СССР. Так, М.М. Тер-Погосян считал, что все же не следует сравнивать советский период со временем Грозного. Ерухманов отметил особый характер русской колонизации в отличие от колонизации других стран: русские переселялись в поисках лучших условий существования, их нельзя называть колонизаторами в том смысле, в каком принято говорить, например, об англичанах.

22 ноября 1962 г. под председательством Газданова состоялось торжественное собрание, на котором член ложи Позняк сделал доклад на тему «Герцен как философ истории». После доклада состоялось обсуждение. В протоколе приводится мнение Газданова о российской и советской истории: «Прикрепление крестьян к земле было исторической необходимостью, ввиду вековых центробежных тенденций населения. Необходимо было остановить распыление. Задержать массу людей, чтобы создать базу для государственного строительства. Власть была деспотичной и невежественной. Но наряду с жестоким обращением с крестьянами, бывали иногда и своего рода семейные отношения между помещиками и крестьянами. В эпоху Советов и Ленин, и позднее Сталин презирали крестьян. В Постановлении об учреждении Чрезвычайной Комиссии ее функции были определены как борьба против контрреволюции, буржуазных элементов и «отсталых представителей пролетариата», под которыми имелись ввиду крестьяне, как враги советской власти». Поэтому перемены в СССР, а именно «демократизация строя начнется с нового освобождения крестьян»⁴⁴.

14 марта 1963 г. на квартире члена ложи Маршака состоялось заседание комитета, на котором член ложи Н.В. Петровский доклад «О третьем пути России». После доклада состоялось его обсуждение и в протоколе приводится мнение Газданова по этому вопросу: «Одновременно с критикой В. Некрасова и Е. Евтушенко мы слышали окрик Хрущева: писатели должны быть ближе к народу, и мы все хорошо знаем, что означает такой доклад Хрущева, который официальные комментаторы называли “мудрым”. Для Хрущева литература есть одно из орудий партии. Правда, сейчас стало возможным говорить многое, что прежде нельзя было. Но десталинизация, как пересмотр основных позиций, не произошла. Цели и основные концепции на верхах до сих пор не переменились. Но очень много уже то, что можно говорить о самых обыкновенных вещах, а не обязательно

только о производстве и тому подобном. Как только исчез террор, сразу обнаружилось несоответствие между подлинной жизнью и условными схемами... Отсутствие свободы духовной в России, конечно, несравненно больше, чем на Западе, и если на Западе с ним можно бороться, то в России и этого нельзя, строй там напоминает арачьевщину»⁴⁵.

28 марта 1963 г. на заседании комитета делал доклад Г. Газданов на тему «О человеческом достоинстве». В протоколе приведены тезисы его доклада: «Понятие о человеческом достоинстве является одним из основных в массовом мирозерцании, как, с другой стороны, все гуманитарные течения носят частично массовый характер». Он подчеркнул, что современное развитие техники облегчает достижение цели утверждения достоинства человеческой личности. После доклада состоялась дискуссия, после чего Газданов заключил, что «чем больше есть материальных возможностей, тем больше и ответственность за выработку этики, что должно составлять задачу всей человеческой жизни, в особенности для вольных каменщиков»⁴⁶.

На заседаниях комитета 12 марта и 9 апреля 1964 г. на квартире у В.А. Маршака обсуждалась изданная в 1921 г. книга «Переписка Вячеслава Иванова и Гершензона» (письма 1920 г.). Книга явилась поводом обсудить проблемы культуры и прогресса в культуре. Газданов оптимистично отметил, что «культура – есть преодоление первобытной природы человека. Конечно, история знает моменты коллективного безумия. Но необходимо внедрять культуру в широкие массы, чтобы искоренять такие моменты безумия. История знает и моменты победы культурного начала над варварством». Он верил, что «с трудом человечество идет все же к лучшему будущему». Другие члены ложи поддержали его, отметив, что долг масонов – «бороться за мир». Далее Газданов продолжал: «Изучая историю, мы находим в ней смысл, ибо историческое движение приводит к известным результатам. Но оно не достигает тех целей, которые ставили себе его творцы... Объективно история, может, и лишена смысла. Культура немыслима без духовного начала. Было бы хорошо, если для человеческого счастья было достаточно таких идей, как социальная справедливость... Но есть сверх того индивидуальные проблемы. В том числе и неустранимый индивидуальный аспект проблемы о добре и зле. Не следует смешивать понятия культуры и государственной организации. Последняя антикультурна и антиморальна. История сплошь и рядом есть последовательность попыток оградить себя от гнета государственной власти, религия также не лишена тенденций тоталитарного удушающего духовное начало характера. В историческую эпоху христианства расцвет культуры начался с освобождения от религиозных пут в эпоху Возрождения... И демократия не всегда способствует развитию культуры. Мы знаем эпохи бурного развития культуры во времена очень далекие от демократии... Как слишком суровые условия жизни препятствуют созданию культурных ценностей, так и не способствует ему слиш-

ком легкие условия. Средиземноморская культура развивалась в условиях средней трудности»⁴⁷.

На заседании комитета 23 апреля и затем на торжественном собрании 14 мая 1964 г., которые проходили на квартире члена ложи Маршака, им же был сделан доклад на тему «Определение понятия социального гуманизма», а потом состоялось обсуждение. Мнение Газданова по этому вопросу зафиксировано в протоколе: «Гуманизм есть периодическая переоценка ценностей. Но каких ценностей? Моральных? Позитивная этика Платона немного предшествовала христианской этики. Гуманизм послужил распространению этих моральных ценностей, не произведя в них существенных перемен»⁴⁸.

* * *

В ложе часто делались доклады по литературной тематике, что, безусловно, можно объяснить большим количеством среди ее членов писателей: М.А. Алданов, Вад.Л. Андреев, В.Н. Емельянов, В.Е. Жаботинский, В.В. Завадский-Корсак, Л.Ф. Зуров, А.И. Каффи, Х.Г. Кафьян, Я.Я. Кобецкий, А.П. Ладинский, С.А. Луцкий, М.М. Мабо (Азовский), М.А. Осоргин, С.В. Познер, С.Л. Поляков (Литовцев), В.А. Прейсман, В.Б. Сосинский, С.Г. Шерман (Савельев), Я.Л. Юделевский (Делевский), А.М. Юлиус⁴⁹.

Первые доклады Газданова на литературные темы были «Об Ильине и Симанском» (25 мая 1934 г.)⁵⁰ и «Писатель и коллектив» (12 и 26 декабря 1946 г.). 8 марта 1951 г. он сделал доклад «Литература Социального Заката», в котором выступил против создания произведений по социальному заказу, как это имело место в СССР. 10 декабря 1958 г. Газданов делал доклад о Гоголе в связи с 150-летием со дня рождения (тезисы этого доклада, как и двух первых, пока не обнаружены).

23 ноября 1961 г. на заседании, председателем которого был Газданов, член ложи Петровский сделал доклад о Чехове. В протоколе заседания отмечалось мнение Газданова: «Чехов не судит героев, но лишь на первый взгляд... Суждение у Чехова беспощадное уже потому, что он видит кругом. Чехов вышел за национальные рамки: его художественный дар делает далекий и чуждый [Во втором варианте протокола – русский. – И.Б.] быт близки для иностранцев». «Через 50 лет жизнь будет лучше – Чехов в этом не уверен. Материальные условия вероятно лучше, но жизнь от этого не лучше. Личные выводы Чехова – весь мир держится благодаря тому, что огромное большинство людей не до конца понимают, что они живут в тяжелых условиях. Морально условия сейчас не лучше. Склонность к юмору. Скуки у него было – конечно, иначе бы он не создал бы своих произведений. Чехов хорошо видел людей. Сводил к простому. Чехов замечателен тщательным стилем, отделкой своих писаний»⁵¹.

12 апреля 1962 г. состоялось торжественное собрание членов ложи под председательством Газданова, на котором он сам делал до-

клад о советском писателе Михаил Александровиче Нарике. Нарика родился в Пскове в 1909 г., написал роман «Неспетая песня», имел художественное образование, работал преподавателем скульптуры. В 1935 г. был арестован и в 1940 г. выпущен на свободу, был мобилизован в рабочий батальон, но освобожден от службы по болезни, в 1949 г. вновь арестован, в 1954 г. — реабилитирован, вернулся в Ленинград. В 1960 г. Нарика передал рукопись своего нового романа немецкому туристу. Роман был напечатан в журнале «Грани». В мае 1961 г. Нарика и члены его семьи были вызваны на допрос, в результате которого писатель был вновь арестован. Из своего заключения он написал письмо Хрущеву, фотокопия которого попала за границу.

Газданов на заседании огласил это письмо и далее выступил с докладом, в котором обратил внимание членов ложи «на чрезвычайно низкий культурный уровень Нарики. К Нарике нельзя относиться как к вполне нормальному человеку. Сам же Нарика чрезвычайно высокого мнения о себе. Претензии его столь велики и нелепы, что вызывают основательные подозрения, не страдает ли Нарика манией величия. Произведение Нарики “Неспетая песня” вполне бесполезно». Для подтверждения своих слов Газданов привел несколько выдержек из романа. И на их основании сделал вывод: «Вовсе не следует сожалеть, что роман Нарики запрещен в Советской России. Напротив, приходится сожалеть, что журнал “Грани” напечатал это никуда не годное произведение. Тем не менее, нашлись критики, которые не постеснялись сравнить судьбу Нарики с судьбой Пастернака»⁵².

6 июня 1963 г. на заседании комитета Газданов делал сообщение о литературном творчестве М.А. Алданова. Он подчеркнул, что «Алданов не был писателем — творцом того мира, который только он один знает... он был писателем исторических романов. Попытка построить философскую систему и философию случая Алданову не удалась...» Газданов немного остановился на его жизни, отметив, что Алданов долго болел, имел проблемы с психикой, был скептиком, не верил в положительные качества людей, при этом был с людьми доброжелателен и вел себя как джентльмен. Тем не менее, Газданов заключил, что Алданов как автор исторических романов занимает в русской литературе почетное место.

Тексты двух докладов Газданова — «Роль писателя» (после 1965 г.) и «О М.А. Алданове» (февраль 1967 г.) — сохранились и были опубликованы А.И. Серковым⁵³.

* * *

8 ноября 1962 г. проходило заседание комитета ложи на квартире у А.С. Альперина, на котором обсуждалась тема «масонской солидарности». В протоколе зафиксировано мнение Газданова по этому вопросу: «Наши обсуждения носят национально-русский характер — мы говорим сразу о самых разнообразных понятиях. Мы здесь в Луже должны были бы скорее говорить о солидарности братского

порядка. Необходимое условие для нее — общность духовной и умственной категории, к которой мы принадлежим. В наши отношения включено равенство, наши этические понятия совпадают. У нас солидарность может сопровождаться жертвенностью, и не только в материальном, но и в духовном плане»⁵⁴.

28 ноября 1963 г. Газданов сделал доклад на тему «Посвящение и традиция». Он констатировал, что со временем происходит разрушение символического масонства, тогда как роль ритуала в масонстве огромна: ритуал выполняет объединительную функцию. Газданов подчеркивал, что «ритуал служит нам постоянным напоминанием нашей братской связи»⁵⁵.

28 мая 1964 г. на квартире у Маршака состоялось заседание комитета ложи, на котором член ложи Г.Х. Кафьян делал доклад на тему «Китайская стена», посвященный масонской символике. Во время обсуждения Газданов подчеркнул, что «искание истины есть иногда лишь раскрытие того, что в нас уже имеется. Так возникают ответы на вопросы этического порядка. Религия претендует давать ответы на все вопросы, не надо искать, ибо все дано. Такого положения не было в период создания религии, сейчас же церковь окаменела. Масонская же свобода исканий ничем не связана. Значение символизма в напоминании того, что надо забывать слова, определяющие понятия чисто материального характера, также имеют различные значения для разных людей... Существующие в нас стены кажутся нам часто непреодолимым препятствием для общения с людьми. Смысл масонских исканий — сделать проницаемым перегородки, разделяющие людей... Религия — не философская система, а вера, чувства. Если веры нет, то убедить в ее необходимости нельзя. В религиозной философии отсутствует необходимая непредвзятость»⁵⁶.

22 января 1948 г. проходило заседание ложи, на котором обсуждался вопрос о работе женщин в масонской ложе вообще и в ложе «Северная звезда», в частности. В это время во Франции уже стали появляться смешанные женско-мужские ложи. В целом, члены ложи «Северная звезда» поддерживали участие женщин, и лишь два человека были настроены против: осетин Газданов и армянин Тер-Погосян. Во время обсуждения Газданов говорил: «Присутствие и участие в работах женщин не только не обогатит нас, но в некоторых случаях может лишить беспристрастности и объективности. Хотя женщина вообще выше мужчины, но в некоторых областях она менее мужчины способна проявлять активность и творчество. Не следует рисковать упадком серьезности и подъема, которые составляют главную ценность масонской работы». Против участия женщин выступал и Тер-Погосян, который подчеркивал, что вся символика и ритуалы построены исключительно для одних мужчин⁵⁷.

На втором заседании 26 февраля 1948 г. состоялось продолжение обсуждения данного вопроса. Среди членов ложи сформировались две противоположные точки зрения. С.А. Луцкий говорил, что «речь пока идет о присутствии женщин из ложи “Droit Human” на заседании ложи «Северная Звезда», и он согласен на это. Ерухманов

был также согласен. Альперин напомнил: «В прежние времена существовало резко негативное мнение об участии женщин в ложах, но это пережитки прежнего отношения к женщине. Сейчас присутствие женщин могло бы быть даже стимулом для оживления заседаний». На заседании ложи состоялось голосование членов по этому вопросу: «за допущение женщин в ложу» – проголосовало семеро, «против» – один, один воздержался.

* * *

Изучение «жизни» Газданова в ложе «Северная звезда» показывает: писатель в эмиграции проделал непростой путь вглубь масонской идеологии. Многие годы он был рядом с ней, пребывал в духовных исканиях, и лишь в 1950 – 1960-е гг. в большой степени проникся масонскими взглядами. Газданов – единственный из представителей Северного Кавказа⁵⁸, для кого членство в масонской ложе было успешным. Поскольку в основе идеологии русских масонских лож во Франции лежала попытка переустроить российское государство и общество, Газданов, как и другие масоны, много анализировал основы жизни в СССР, его культуру и идеологию, уделяя внимание различным историческим периодам России. Интерес к российской истории у Газданова был таким же сильным, как и к литературе.

Примечания

¹ Серков А.И. Масонские доклады Г.И. Газданова // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 174–185.

² Национальная библиотека Франции. Отдел рукописей (ОР НБФ). Архив ложи «Северная звезда». Кор. FM 8-1, FM 8-2, FM 8-3, FM 8-4.

³ Серков А.И. Масонские доклады Г. Газданова // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 174–185.

⁴ ОР НБФ. Кор. FM 8-1.

⁵ ОР НБФ. Кор. FM 8-2.

⁶ Там же.

⁷ ОР НБФ. Кор. FM 8-3.

⁸ Серков А.И. Масонские доклады Г.И. Газданова // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 176.

⁹ ОР НБФ. Кор. FM 8-2.

¹⁰ ОР НБФ. Кор. FM 8-1.

¹¹ ОР НБФ. Кор. FM 8-2.

¹² ОР НБФ. Кор. FM 8-2, 8-3.

¹³ ОР НБФ. Кор. FM 8-2.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ОР НБФ. Кор. FM 8-2.

¹⁷ Там же. FM 8-2, 8-3.

¹⁸ ОР НБФ. Кор. FM 8-2.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Серков А.И. Масонские доклады Г.И. Газданова // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 185.

²² ОР НБФ. Кор. FM 8-2.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Серков А.И. Масонские доклады Г.И. Газданова // Новое литературное обозрение. 1999. № 5. С. 185.

²⁶ ОР НБФ. Кор. FM 8-3.

²⁷ ОР НБФ. Кор. FM 8-2.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² ОР НБФ. FM 8-4.

³³ ОР НБФ. Кор. FM 8-2, 8-3.

³⁴ Серков А.И. Масонские доклады Г.И. Газданова // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 176.

³⁵ Серков А.И. Масонские доклады Г.И. Газданова // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 178–184.

³⁶ ОР НБФ. Кор. FM 8-2.

³⁷ Серков А.И. Масонские доклады Г.И. Газданова // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 178–184.

³⁸ Серков А.И. Масонские доклады Г.И. Газданова // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 176.

³⁹ Серков А.И. Масонские доклады Г.И. Газданова // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 176.

⁴⁰ ОР НБФ. Кор. FM 8-2.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ ОР НБФ. Кор. FM 8-3.

⁴⁹ Серков А.И. Масонские доклады Г.И. Газданова // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 175.

⁵⁰ ОР НБФ. Кор. FM 8-2.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Серков А.И. Масонские доклады Г.И. Газданова // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 178–184.

⁵⁴ ОР НБФ. Кор. FM 8-2.

⁵⁵ ОР НБФ. Кор. FM 8-4.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ ОР НБФ. Кор. FM 8-2.

⁵⁸ Бабич И.Л. Кавказцы и российская монархия (на примере участия кавказцев в русских масонских ложах Франции) // История государства и права. 2014. № 24. С. 36–41; Бабич И.Л. Кавказцы в русских масонских ложах Франции (1922 – 1939 гг.) // Кавказ и глобализация. 2014. Т. 8. № 3-4. С. 98–116.

Автор, аннотация, ключевые слова

Бабич Ирина Леонидовна – докт. ист. наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук (Москва)
irina@bsbich1.net

В статье рассматривается участие писателя Г.И. Газданова (1903 – 1971) в деятельности масонской ложи «Северная звезда», членом которой он стал в эмиграции, когда жил в Париже. Источниковую основу статьи составили материалы архива ложи «Северная звезда», который хранится в Отделе рукописей Национальной библиотеки Франции в Париже. В России материалы этого архива вводятся в научный оборот впервые. Выступления Газданова на заседаниях ложи отражены в сохранившихся протоколах заседаний ложи. На их основании раскрываются общественно-политические и исторические взгляды Газданова. Делается вывод, что Газданов прошел непростой духовный путь вглубь масонской идеологии. В основе идеологии русских масонских лож во Франции лежало стремление переустроить российское государство и общество. Газданов, как и другие масоны, активно интересовался жизнью в СССР, советской историей, литературой, культурой и идеологией.

Русская эмиграция, литературная эмиграция, масонство, русское масонство, масонская ложа, Г.И. Газданов

References (Articles from Scientific Journals)

1. Babich I.L. Kavkaztsy i rossiyskaya monarkhiya (na primere uchastiya kavkaztsev v russkikh masonskikh lozhakh Frantsii). *Istoriya gosudarstva i prava*, 2014, no. 24, pp. 36–41.
2. Babich I.L. Kavkaztsy v russkikh masonskikh lozhakh Frantsii (1922 – 1939 gg.). *Kavkaz i globalizatsiya*, 2014, vol. 8, no. 3-4, pp. 98–116.
3. Serkov A.I. Masonskie doklady G.I. Gazdanova. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1999, no. 39, pp. 174–185.
4. Serkov A.I. Masonskie doklady G.I. Gazdanova. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1999, no. 39, p. 175.
5. Serkov A.I. Masonskie doklady G.I. Gazdanova. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1999, no. 39, p. 176.
6. Serkov A.I. Masonskie doklady G.I. Gazdanova. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1999, no. 39, pp. 178–184.
7. Serkov A.I. Masonskie doklady G.I. Gazdanova. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1999, no. 39, p. 185.

Author, Abstract, Key words

Irina L. Babich – Doctor of History, Chief Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
irina@bsbich1.net

The article features writer G. Gazdanov's participation in the activity of the 'Northern Star' Masonic Lodge, which he joined in Paris in emigration. The

article is based on materials from the archives of the 'Northern Star' Masonic Lodge which are kept in the the Department of Manuscripts of France's National Library in Paris. The materials are published in Russia for the first time. Gazdanov's speeches are reflected in the minutes of the Lodge's meetings, which helps to disclose his social, political and historical views. It is concluded that Gazdanov's spiritual path into Masonic ideology was hard. Russian Masonic Lodges in France were aimed at the rearrangement of the Russian government and society. Gazdanov, like other masons, took interest in the life of the USSR, soviet history, literature, culture, and ideology.

Russian emigration, literary emigration, Freemasonry, Russian Freemasonry, Masonic Lodge, G. Gazdanov

У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Book Reviews

П.П. Марченя, С.Ю. Разин

КРЕСТЬЯНСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ: О СБОРНИКАХ НАУЧНОГО ПРОЕКТА «НАРОД И ВЛАСТЬ»*

P. Marchenya, S. Razin

Peasant Mentality as a Factor of Political History of Russia: About the Collections of Conference Papers within the Framework of the Research Project "People and Power"

В 2016 г. научному проекту «Народ и власть: История России и ее фальсификации» исполнилось семь лет. На протяжении всех этих лет, начиная с первого же мероприятия проекта (Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте», 23 октября 2009 г.¹) особое место в его работе занимает крестьяноведческое направление. С 2010 г. в рамках проекта начал действовать получивший известность² постоянный теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»³, решение об организации которого было принято в ходе второго крупного мероприятия проекта (Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века», 12 ноября 2010 г.⁴).

На сегодняшний день в рамках этого направления опубликовано несколько десятков отдельных статей в ведущих рецензируемых научных журналах, издано четыре научных сборника – тематических выпуска проекта («Народ и власть в российской смуте»⁵, «Крестьянство и власть в истории России XX века»⁶, «Россия и революция»⁷, «Сталинизм и крестьянство»⁸), проведено еще несколько резонансных международных круглых столов, материалы которых неоднократно становились предметом специального анализа известных экспертов (А.И. Фурсова⁹, Л.Н. Бродовской¹⁰, А.И. Шевелькова¹¹, Г.А. Бордюгова¹², Т.Г. Леонтьевой¹³, А.И. Колганова¹⁴, С.В. Любичанковского¹⁵ и других).

В выступлениях и статьях участников этих мероприятий наибольший интерес в историографическом и методологическом

аспектах представляют размышления, посвященные темам, ставшим магистральными как для крестьяноведения, так и для руссиеведения в целом. Одной из таких тем является вопрос о роли крестьянства в Русской революции начала XX в.

Большинство участников крестьяноведческих мероприятий проекта «Народ и власть» в целом солидарны в том, что именно крестьянство являлось той социальной силой, позиция которой предопределила ход и исход революционного процесса в России.

Например, украинский историк А.В. Михайлюк подчеркивает, что «существование многомиллионного крестьянства, в значительной степени обособленного от "городской цивилизации", сохранившего особые, докапиталистические формы общежития и собственности, специфическую ментальность, элементы обычного права и т.п., обусловило своеобразие революционных процессов в России», и солидаризируется с мнением, что «патриархальность и коллективистское сознание крестьянства, его реакция на попытки ускорения модернизации страны, стремления освободиться от чужого ему культурного слоя и т.п., в конечном итоге, определили победу большевиков»¹⁶.

Известный крестьяновед В.В. Бабашкин доказывает, что «аграрно-крестьянский характер российского общества с деспотической неумолимостью во все времена вносил большие коррективы в самые благие намерения самых радикальных реформаторов», поэтому шанс на успех в Русской революции «мог быть только у такой партии, которая на деле готова была считаться с крестьянской позицией»¹⁷. Победа большевиков была обусловлена тем, что «большевизм как идейно-организационная основа этой партии приходил в резонанс с действиями общинников на пиках революции»¹⁸. В итоге между двумя социальными силами, победившими в Гражданской войне, сложился своеобразный статус-кво: крестьянская революция отдала власть в городе большевикам, но крестьянство заставило коммунистов в 1922 г. признать де-юре победу «общинной революции» в деревне¹⁹.

Один из основоположников концепта «общинной революции» Д.И. Люкшин, развивая идею о том, что в 1917 г. имели место две параллельные революции – «городская» и «общинная», – отмечает, что «именно «крестьянское попустительство» явилось решающим условием интронизации Советов»²⁰. Указывая на связь между «общинной революцией» и той моделью государства и общества, которая сформировалась в Советской России, он приходит к выводу о том, что само существование идеократического режима в нашей стране могло быть санкционировано лишь реконкистой «страны крестьянской утопии»²¹.

По мнению ведущего «смутоведа» современной отечественной историографии В.П. Булдакова, кровавый и драматический характер российской истории XX в. был обусловлен тем, что «в крестьянской среде насилие считалось наиболее действенным регулятором взаимоотношений и внутри общины, и вне ее», а оппозиция Города

* Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного РГНФ (№ 15-31-12034).

и Деревни в «Красной смуте» «превратилась в их социокультурное противостояние, выливающееся в акты их настоящих походов друг против друга»²².

Иную интерпретацию этой проблемы дали в своих выступлениях и статьях те участники мероприятий проекта «Народ и власть», которые не разделяют мнение о доминантной роли крестьянского сознания²³ и о крестьянской по преимуществу природе всей Русской революции.

Так, Ю.А. Жердева считает, что в условиях индустриализации, изменившей экономику, власть и социальные отношения во многих странах XIX – начала XX вв., «городская форма сообщества постепенно... возобладали над традиционной, сельской». Императорская власть «тормозила» процесс социального переустройства, ибо это противоречило самой стабильности «имперской системы», откладывая решение крестьянского вопроса. Самодержавие не могло решить крестьянский вопрос в интересах крестьянства, как того требовала патерналистская природа российской властной системы, так как в условиях индустриальной экономики, которой не нужно крестьянство, а нужен пролетариат, это было невозможно по определению. «Коллапс» крестьянского патернализма имперской системы (как неразрешимое «мирным» путем противоречие между стремлением российской императорской власти сохранить крестьянство как субъект патерналистской опеки государства, ибо такова была «традиция», закреплённая вековой практикой, государственной риторикой и сакральной функциональностью имперской власти, и непреодолимыми требованиями индустриально-городской культуры, требовавшей ликвидации крестьянства в его традиционном понимании) «стал причиной краха имперской модели в 1917 г., пошатнув не только экономическую и социальную устойчивость Российской империи, но и саму патерналистскую модель власти». Поэтому восстановление имперско-патерналистской модели власти стало первостепенной задачей большевиков после их победы над своими политическими противниками. По мнению Жердевой, Смута 1917 г. можно определить как «городскую» революцию, в которой главную роль играл процесс урбанизации. Под «городской революцией» она понимает то, что «в советской исторической науке было принято обозначать как “буржуазная”, с той лишь разницей, что в данном случае акцент переносится с экономико-социальных явлений на пространственно-структурную организацию, новую систему взаимосвязей между частями системы». Революция разрешает социокультурный конфликт Города и Деревни в пользу Города. При этом российский город, в отличие от западноевропейского, не был пространством свободы, и Советская власть реанимировала «крепостное право в нужных ей размерах, принудительно создав “рабочий класс” как квазигородскую маргинальную среду»²⁴.

Согласно А.И. Фурсову, сама логика развития промышленно-городского общества, капитализма требовала ликвидации крестьянства как слоя, но самодержавие не могло пойти на такое «в

силу своей классовой и властной природы» – и это сделал советский режим²⁵.

Наиболее ярко теоретико-методологическая установка, согласно которой крестьянство и крестьянский вопрос нельзя рассматривать как факторы, сыгравшие определяющую роль в Русской революции, проявилась в статьях и выступлениях А.В. Чертищева. Он отвергает как «легковесное» утверждение некоторых участников проекта о том, что крестьянство является «матрицей», «цивилизационным фундаментом» российской цивилизации. По его мнению, крестьянская картина мира никак не может быть признана рациональной, а «если считать установленным, что к концу 1930-х гг., с пирровой победой коллективизации, произошло “раскрестьянивание” крестьянства, то логика здравого смысла позволяет прийти к заключению, что, начиная с того времени и по сей день у России вообще нет и не предвидится никакой матрицы, она живет в каком-то историческом космосе»²⁶. Выделяя основные, по его мнению, черты русского крестьянства, Чертищев делает вывод: «Парохиальное сознание..., себялюбие, онтологическое безразличие ко всему, что не касается лично каждого конкретного человека и среды его обитания, патологическая нетерпимость к инновациям и прогрессу в целом, нетерпимость к инакомыслию, двойственность сознания, неготовность к более сложным формам социального устройства и их неприятие, феноменальное невежество и многое другое – все это вряд ли дает основание считать крестьянство цивилизационным фундаментом России». Более того, «крестьянство следует с полным основанием считать могильщиком Российской Империи, ибо ни в один период русской истории оно не выступало оплотом стабильности страны, заключая в себе взрывной потенциал анархизма невиданной силы»²⁷.

Еще одной важной для руссификации и крестьяноведения является проблема определения содержания понятия «крестьянский вопрос».

Как известно, для советской историографии было характерно отождествление крестьянского вопроса с аграрным, земельным вопросом. Как отмечает А.Н. Медушевский, сегодня существует необходимость переосмысления старых подходов и создания новой концепции аграрного вопроса, в основу которой должно быть положено представление о том, что «аграрный вопрос – феномен не только и не столько экономический, сколько социопсихологический, связанный с господствующими в массовом сознании представлениями о легитимности существующего распределения земельной собственности и их соотношением с позитивным правом». По мнению Медушевского, сам «аграрный вопрос – это теоретическая конструкция, выражающая кризис традиционного общества в условиях модернизации и развития рыночных отношений», и аграрный вопрос существует только там, где «осознается несправедливость системы распределения земельных ресурсов»²⁸.

Помнению организаторов проекта «Народ и власть», крестьянский вопрос не может быть сведен только к аграрному. Более того, он является вопросом о цивилизационной идентичности России, о живой связи ее прошлого, настоящего и будущего. В крестьянском вопросе аккумулированы и столкновение Традиции и Модерна, и столкновение Империи и не-Империи (либеральной «демократии»), и все системообразующие вопросы, на которых строится проективное россиеведение. В нем сплелись в Gordiev узел интересы самых разных массовых слоев российского общества, особенности их менталитета и предрасположенности к смирению перед властью в известных пределах и активным протестным действиям в условиях «смутного времени», когда эти пределы оказываются нарушены. Крестьянский вопрос в России – всегда вопрос о власти. О власти «своей» – за которой можно самоотреченно идти на подвиг и от которой многое можно самопожертвенно стерпеть. Или о власти «чужой» – против которой нужно «всем миром» решительно браться за вилы и топоры до полного изгнания «временщиков» и «самозванцев». И этот вопрос в истории Государства Российского в конечном счете всегда решался крестьянством. В таком смысле крестьянский вопрос был и остается вопросом об органическом единстве власти и народа, государства и общества, цивилизации и культуры, способном стать надежной основой для очередного модернизационного рывка – либо о противоестественной расколотости и взаимном отчуждении элит и масс, чреватых срывом в очередную всероссийскую смуту. При этом само крестьянство не может быть понято как пассивный объект манипуляций со стороны власти и «несознательный» источник пополнения социальной базы различных «сознательных» политических сил. Напротив, в социальных конфликтах и в Российской, и в Советской империи крестьянское сознание всегда играло колоссальную роль; и оно даже может рассматриваться в качестве матричного для сознания общественного, а точнее – для его активной ситуативной ипостаси – сознания массового, которое в Смутное время выступает не просто ареной борьбы различных политических сил, но и решающим критерием политической эффективности²⁹.

Эти теоретические положения подтверждаются историческим опытом России. Весь ход и исход Русской революции начала XX в. были обусловлены тем, что большевики действовали адекватно крестьянскому сознанию и соответствовали представлениям крестьянских масс о власти «своей», а их политические противники воспринимались как носители ценностей чужой цивилизации, как «самозванцы» и «враги народа». Большевизмом была подхвачена и оформлена протестная борьба масс за выживание социального целого и воспроизведение Империи России (как особой формы единения власти и масс, имеющей свои иммунные механизмы и способы обеспечения социально-органической идентичности и цивилизационной преемственности)³⁰.

Аналогичные оценки причин победы ленинской партии

содержатся в выступлениях и статьях В.В. Бабашкина. В статье «Два большевизма...» он, перефразируя известную мысль В.П. Данилова, пишет, что к 1917 г. крестьянская революция в России развивалась уже более полутора десятков лет, и «делали ее другие большевики – крестьяне». Подчеркивая совпадение двух «большевизмов», В.В. Бабашкин упоминает об отмечавшемся многими исследователями фонетическом сходстве терминов «большевик» и «большак», и приводит слова В.Э. Багдасаряна о том, что «в самые тяжелые периоды Гражданской войны Советская власть неизменно удерживала в своих руках как раз те территории, на которых до революции преобладало общинное землевладение»³¹.

Вопрос о крестьянском сознании и его роли в политической истории России не обошли стороной и те участники проекта, которые придерживаются иных оценок роли крестьянства и крестьянского вопроса.

В частности, А.В. Чертищев пишет о наметившемся под влиянием модернизации кризисе традиционного крестьянского общинного сознания, усилившемся в годы Первой мировой войны. По его словам, в период трансформации «человека земли» в «человека с ружьем» структурообразующие элементы массового сознания крестьян подвергались серьезной деформации, произошла депрофессионализация и частичная демократизация 15-миллионной русской армии, актуализированными оказались дуалистический код мировосприятия бывших крестьян, стереотип деления мира на «мы» и «они», инстинкты насилия и вседозволенности, склонность к локализации источника зла на представителях враждебной общности («врагах», «чужаках» и т.д.). В результате армия из основного института государственной власти все более превращалась в «неуправляемый сброд», «одуревшее и озлобленное человеческое стадо», «пороховую бочку» социальной революции. И лучше других этой ситуацией воспользовались большевики, которые вознеслись к власти «на гребне солдатско-крестьянской революции, одной из сторон которой было разложение армии, состоящей преимущественно из крестьян»³².

Особое место в истории проекта «Народ и власть» занимают дискуссии о социальной природе модели общества и государства Советской России. Эта проблема также неразрывно связана с вопросом о роли крестьянского сознания в политической истории страны.

Многие участники проекта согласны с его организаторами в том, что обретение подлинного понимания советской истории 1920 – 1930-х гг. возможно только в том случае, если рассматривать ее как неотъемлемую часть мировой и отечественной истории и, в частности, как завершающий этап Русской революции. Такой подход позволяет понять подлинный смысл социальных и политических процессов того времени, в том числе феномен сталинизма, который может рассматриваться как явление почвенное, «связанное со всеми предыдущими этапами нашей истории», как вынужденная

политика «проведения модернизации в условиях не закончившейся гражданской войны и краха надежд на мировую социалистическую революцию, вызванного завершением мировой революционной волны начала XX в.», как финал продолжавшегося на протяжении многих столетий противостояния государства и крестьянства (государственного централизма и общинного локализма) и исторически-конкретная реализация социокультурного компромисса между Городом и Деревней³³.

Тема укорененности сталинизма в отечественной и мировой истории звучала и в выступлениях А.Н. Медушевского. Но с его точки зрения, сталинизм «основывался на феномене государственной собственности на землю» и на «пожирании общества государством» и представлял собой новую форму «литургического государства» (по аналогии с Византийской империей), «азиатского способа производства», «восточной деспотии» (по аналогии с Древним Востоком) или «служилого государства» (по образцу Московской Руси)³⁴.

Всвою очередь, В.В. Кондрашин подчеркивает «фактистическую неизбежность трагедии крестьянской страны, вставшей на путь индустриальной модернизации». По его словам, сталинский режим «не был пионером в этом деле». «Антикрестьянский характер аграрной политики, связанный с необходимостью индустриализации страны и коммерциализации сельского хозяйства, был характерен и в эпоху отмены крепостного права, и в пореформенный период, в то числе в годы столыпинской аграрной реформы», «в контексте исторической практики решения крестьянского вопроса в России и за ее пределами феномен сталинизма объясняется наследием как царской России, так и Великой русской революции. Он не противоречит и мировому опыту»³⁵.

На неразрывную психоментальную связь сталинизма с историей дореволюционной и революционной России указывал С.А. Есиков. По его мнению, сталинская диктатура была обусловлена аграрным прошлым, которое давило «всеми своими проявлениями с такой же силой, с какой приходилось преодолевать его в ходе индустриальных преобразований». Поэтому И.В. Сталин «неизбежно должен был воплотить в себе не только цезаризм российских императоров, но и вождизм народных масс»³⁶.

А.И. Фурсов акцентирует внимание на другой стороне этого вопроса, на том, что Советской России в наследство от самодержавия достались такие социальные проблемы (аграрное перенаселение; необходимость восстановления властного социального контроля над всеми слоями населения; необходимость преодоления крестьянского локализма и создания единой нации («советского народа») как этнополитического образования современного типа), без решения которых само ее существование в XX в. было просто невозможно. При этом решать их необходимо было в ситуации форсированной подготовки к грядущей мировой войне³⁷.

Свою трактовку генезиса советской модели государства и

общества и роли в ней крестьянского сознания в контексте своей теории системных кризисов дал В.П. Булдаков. Рассматривая эту модель как закономерный итог «Красной смуты», он отмечает, что «характер рекреационного выхода из системного кризиса был предопределен психоментальностью подавляющей крестьянской массы», поэтому «секрет» утверждения сталинской деспотии следует искать не в тех или иных диктаторских качествах «вождя», а в возникновении между ним и бунтующей, но «косной» массой временных коммуникативных связей и связей архаичного (дополитического) типа³⁸.

В.В. Бабашкин, касаясь проблемы «крестьянственной» преемственности Советской России от России дореволюционной, отметил, что «в результате действия глубинных предпосылок коллективизации советской деревни сбылась мечта Столыпина: громада российской крестьянской общины рухнула в одночасье», и «общество оказалось завалено обломками этого гигантского обрушения, и для строительства нового общественного здания не было под руками другого материала». В этой связи он напоминает точку зрения М.Л. Левина, согласно которой, когда крестьянская община в России исчезла и «аграрное царство» рухнуло, то общинность, крестьянственность осталась, «подобно улыбке того кота», и «царству промышленно-городскому пришлось ее унаследовать», «советское общество восприняло от общины (коммуны) очень многое в области социально-экономического и духовно-культурного уклада повседневной жизни». Так в стране сформировалось «посткрестьянское» общество³⁹.

Аналогичным образом к анализу роли крестьянского сознания в становлении и развитии советского общества подходит А.В. Михайлюк, который пишет: «Без индустриализации невозможно было решить проблему аграрного перенаселения. Процессы индустриализации и урбанизации приводили к массовым миграциям, росту численности городского населения за счет сельского. Индустриализация и урбанизация вели к разрушению традиционного уклада крестьянской жизни, но переносили его на “большое общество”. Россия приобрела черты большой общины, большого “мира”». Благодаря индустриализации и коллективизации «размытый крестьянский тип ментальности начинает проникать в другие социальные слои, а затем и преобладать в Советском Союзе. Именно крестьяне и их мировоззрение в течение многих десятилетий определяли культуру, быт, взгляды советских людей – и это влияние чувствуется в нашем обществе сих пор»⁴⁰.

На важный аспект вопроса о роли крестьянского сознания в становлении постреволюционного большевистского политического режима обратил внимание В.Я. Романченко. По его словам, «успешному пресечению Сталиным инакомыслия в его политической борьбе способствовало и само крестьянство, воспитанное веками в духе общинных традиций, отрицавших и осуждавших, в частности, всякое отклонение от коллективного мнения, то есть всякую

оппозицию». Исход борьбы за власть в партии и государстве в 1920 – 1930-е гг. и утверждение культа Сталина Романченко связывает с тем, что «исторически в крестьянской среде существовала и передавалась из поколения в поколение вера в доброго царя, и психологически крестьянство было готово к восприятию Сталина как нового царя»⁴¹.

Организаторы проекта «Народивласть» исходя из необходимости отказаться от сталинских и антисталинских мифов и посмотреть на Сталина не только как на «крестьяноборца», «мучителя и гонителя крестьян», но и как на «крестьянского царя... или, может быть, даже крестьянского вождя», обращая внимание на то, что «идеологически и психологически между сталинизмом и крестьянством не так мало общего, как это принято изображать большинством аграрных историков и крестьяноведов», и что, возможно, беспощадный (но отнюдь не бессмысленный) крестьянский бунт и сталинская диктатура (тоже отнюдь не бессмысленная) изоморфны друг другу. Сама беспощадная сталинская власть может рассматриваться как «оборотная сторона крестьянской природы» и, возможно, единственно адекватный ответ на вызов беспощадной исторической эпохи; сталинизм как модель системного взаимодействия власти и общества вполне может быть рассмотрен в контексте крестьянской утопии – как, в каком-то смысле, «ответ» на нее, и даже ее реализация⁴² вследствие диалектических процессов раскрестьянивания и окрестьянивания страны, превративших СССР в своеобразное воплощение крестьянской утопии – мегаобщину, «надлокальный советско-имперский макро-«мир» (пришедший на смену множеству локальных крестьянских микро-«миров»)), который «видит себя как «мир» – и из века противостоит миру другому, чуждому и враждебному, а в своем собственном мире наводит порядки, руководствуясь свойственными крестьянскому сознанию мировоззренческими императивами и архаическими антитезами «свои – чужие» и «кто не с нами, тот против нас»⁴³.

Среди участников мероприятий и сборников проекта были и сторонники ставшей в последние 30 лет традиционной для нашей историографии точки зрения, согласно которой сложившаяся в СССР модель государства и общества являлась «антикрестьянской», и рассматривалась крестьянами как нечто чуждое их природе. Так, А.В. Чертищев сомневается в том, что «Советская власть имела прочную опору в деревне» и что «крестьянство приняло ее как свою». На его взгляд, «речь может идти только о практической адаптации сельского мира к новой реальности, но не о вере новой власти»⁴⁴.

Однако даже среди коллег, разделяющих подобные взгляды, немало тех, кто согласен, что победа «антикрестьянской» власти в крестьянской стране была отнюдь неслучайной. Тот же В.В. Кондрашин пишет: «И здесь, несомненно, влияние коммунистической идеологии, обосновавшей необходимость насилия над крестьянством, оправдавшей его жертвы «светлым

будущем». То есть сталинизм как феномен и практика решения аграрного вопроса в России не мог возникнуть и реализоваться без соответствующей идеологии. При всей своей утопичности она оказалась ближе советскому крестьянству, по сравнению с рыночными идеалами П. А. Столыпина, поскольку совпадала с многовековыми общинными представлениями крестьян о социальной справедливости»⁴⁵. Рассуждая о коллективизации, Кондрашин соглашается с точкой зрения японского историка Х. Окуды, согласно которой социальной базой сталинизма в деревне стала сельская молодежь, воспитанная Советской властью, ориентированная на новую жизнь и карьеру в рамках «нового курса»: «У власти были исполнители ее антикрестьянской политики в крестьянской стране»⁴⁶.

Важный аспект темы, который, к сожалению, часто остается за пределами внимания исследователей, затронули Д.И. Люкшин и А.И. Фурсов. Люкшин, ссылаясь на «свидетельства авторитетных очевидцев (С. Ф. Платонов, А. В. Чаянов, и др.)», пишет о том, что «в конце 1920-х гг. в стране интенсивно формировалась оппозиция по линии “Центр – Периферия”, грозившая дисфункцией Соввласти и параличом госаппарата»⁴⁷, поэтому смысл аграрной политики большевизма накануне реализации практической программы подготовки к мировой войне, – установление контроля над периферией – можно признать объективно обусловленным. Фурсов отмечает, коллективизация привела к восстановлению властного контроля над всеми слоями населения (включая крестьянство), который резко ослаб в позднесоветскую эпоху. Большевикам удалось это сделать «с помощью новой социальной организации, за которой стояли идеалы социальной справедливости и мощный репрессивный аппарат...». Коллективизация стала инструментом, при помощи которого власть смогла заменить «локальную крестьянскую идентичность на общенациональную, социалистического типа» и превратить крестьян в нацию («советский народ») – этнополитическое образование современного типа, выступив «одним из важнейших средств создания нового общества» и «нового человека, соответствующего как заявляемым режимом целям и ценностям, так и требованиям, предъявляемым современным миром, мировой борьбой»⁴⁸.

Рассматривая раскрестьянивание России в общемировом контексте, Фурсов пишет: «XX столетие стало веком-терминатором для многих социальных групп. Первым под “топор прогресса” пошло крестьянство: вся первая половина XX в. – эпоха раскрестьянивания. В последней трети XX в. “крайним” оказался рабочий класс... ну а конец XX в. стал неприятным сюрпризом для мирового среднего слоя... Но первой жертвой... стало крестьянство. Произошло это как в капиталистической зоне мировой системы, так и в зоне системного антикапитализма – в СССР. В последнем случае средством раскрестьянивания стала коллективизация». Результаты раскрестьянивания «обеспечили русским победу в войне, победу, без которой они были обречены на стирание Ластиком Истории

– физическое, историческое, моральное». Иначе «крестьянская Россия не смогла бы выжить в жестокой мировой борьбе XX в. – выжить могла только советская Россия, созданная новой властью в той же мере, в какой она создала ее: интернационал-социалистов, гвардейцев кардиналов мировой революции команда Сталина уничтожала руками вчерашних крестьян, превратившихся в советских аппаратчиков, и эта масса существенно меняла, модифицировала возникшую в 1917 г. власть»⁴⁹.

Завершая этот краткий обзор, хотелось бы подчеркнуть принципиальную позицию организаторов и многих участников проекта «Народ и власть» о методологической роли крестьяноведения в современном руссведении: изучение крестьянских («крестьянственных» или «крестьянско-сознательных», а то и «крестьянско-подсознательных», и даже «крестьянско-бессознательных») характеристик полезно, в том числе, и для системного осмысления современного протестного движения в России и на постсоветском пространстве; «не поняв эту глубинно-историческую связь, мы не поймем и того, что в очередной раз происходит с Россией сегодня. Не поймем и того, что будет с ней завтра»⁵⁰.

Примечания

¹ Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 1-я часть // *Власть*. 2010. № 4. С. 14–17.

² *Бродовская Л.Н.* Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории // *Власть*. 2013. № 4. С. 189–191.

³ *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Аграрный вопрос и русская революция: первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // *Российская история*. 2012. № 5. С. 217–219.

⁴ Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века»: 1-я часть // *Власть*. 2011. № 8. С. 161–171.

⁵ Народ и власть в российской смуте: Сборник научных статей участников Международного круглого стола. М., 2010.

⁶ Крестьянство и власть в истории России XX века: Сборник научных статей участников Международного круглого стола. М., 2011.

⁷ Россия и революция: Прошлое и настоящее системных кризисов русской истории: Сборник научных статей (к 95-летию Февраля–Октября 1917 г.). М., 2012.

⁸ Сталинизм и крестьянство: Сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». М., 2014.

⁹ *Фурсов А.И.* Крестьянство: Проблемы социальной философии и социальной теории // *Обозреватель–Observer*. 2012. № 6. С. 69–89.

¹⁰ *Бродовская Л.Н.* Крестьяноведение в исследовательском поле // *Родина*. 2013. № 4. С. 35–37.

¹¹ *Шевельков А.И.* Крестьянские штудии научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» // *Научный диалог*. 2013. № 12. С. 169–181.

¹² *Бордюгов Г.А.* Вне поля аграрной истории, за пределами

крестьяноведения // *Российская история*. 2015. № 4. С. 188–192.

¹³ *Леонтьева Т.Г.* Сталинизм и крестьянство // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. 2014. № 4. С. 165–171.

¹⁴ *Колганов А.И.* Сталинизм и крестьянство // *Вопросы истории*. 2016. № 3. С. 169–175.

¹⁵ *Любичанковский С.* Российское крестьянство и Первая мировая война: Всероссийская дискуссия // *Quaestio Rossica*. 2016. № 2. С. 267–275.

¹⁶ *Михайлюк А.В.* Модернизация и процессы «раскрестьянивания» – «окрестьянивания» в XX веке // *Сталинизм и крестьянство*. М., 2014. С. 149.

¹⁷ *Бабашкин В.В.* К вопросу об «аграрном деспотизме» // *Сталинизм и крестьянство*. М., 2014. С. 46–47.

¹⁸ *Бабашкин В.В.* Крестьяне, посткрестьяне и власть в XX веке: Приспособительные стратегии с обеих сторон // *Крестьянство и власть в истории России XX века*. М., 2011. С. 71–72.

¹⁹ Крестьянский вопрос как альфа и омега отечественной модернизации: Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века» // *Сталинизм и крестьянство*. М., 2014. С. 123–124.

²⁰ Община и революция: Заседание № 1 теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // *Сталинизм и крестьянство*. М., 2014. С. 449.

²¹ *Люкишин Д.И.* Деревня Семнадцатого года: Сотворение периферии // *Россия и революция: Прошлое и настоящее системных кризисов русской истории*. М., 2012. С. 188–189.

²² *Булдаков В.П.* К вопросу о происхождении мифов о крестьянстве // *Крестьянство и власть в истории России XX века*. М., 2011. С. 134.

²³ *Марченя П.П.* Крестьянское сознание как доминанта Русской революции // *Научный диалог*. 2015. № 12 (48). С. 303–315.

²⁴ *Жердева Ю.А.* Революция 1917 года как «городская революция»: «Карнавальная культура» и урбанистический мир // *Народ и власть в российской смуте*. М., 2010. С. 109–110, 111, 112, 113.

²⁵ *Фурсов А.И.* Народ, власть и смута в России: Размышления на полях одной дискуссии // *Россия и революция: Прошлое и настоящее системных кризисов русской истории*. М., 2012. С. 243.

²⁶ Иосиф Сталин как крестьянский царь: Второй Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство» // *Сталинизм и крестьянство*. М., 2014. С. 653.

²⁷ Крестьянский вопрос как альфа и омега отечественной модернизации // *Сталинизм и крестьянство*. М., 2014. С. 387, 388.

²⁸ Община и революция: Заседание № 1 теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // *Сталинизм и крестьянство*. М., 2014. С. 420–480. С. 425–426, 427, 428.

²⁹ *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Вместо введения: От организаторов Международного круглого стола «Крестьянство и власть в истории России XX века» // *Крестьянство и власть в истории России XX века*. М., 2011. С. 16–21.

³⁰ *Марченя П.П.* Бессмысленность и смысл Русской революции: Февраль и Октябрь в истории России // *Россия и революция: Прошлое и настоящее системных кризисов русской истории*. М., 2012. С. 194–219.

³¹ *Бабашкин В.В.* Два большевизма, или место Октября в Русской революции // *Россия и революция: Прошлое и настоящее системных кризисов русской истории*. М., 2012. С. 43, 51.

³² *Чертищев А.В.* Первая мировая война и крестьянство России: Некоторые аспекты трансформации «человека земли» в «человека с ружьем»

// Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 411.

³³ Иосиф Сталин как крестьянский царь: Второй Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 673, 623–626.

³⁴ Коммунистическая Россия как мегаобщина: Первый Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 595–596.

³⁵ Кондрашин В.В. Феномен сталинизма в контексте мировой и отечественной исторической практики решения крестьянского вопроса // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 101, 103.

³⁶ Иосиф Сталин как крестьянский царь: Второй Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 649, 650.

³⁷ Фурсов А.И. «Красная правда» против «Зеленой правды»: Русская трагедия XX века // Крестьянство и власть в истории XX века. М., 2011. С. 387–390.

³⁸ Булдаков В.П. К вопросу о происхождении мифов о крестьянстве // Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 135.

³⁹ Бабашкин В.В. Крестьяне, посткрестьяне и власть в XX веке: Приспособительные стратегии с обеих сторон // Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 73, 76–77.

⁴⁰ Михайлюк А.В. Модернизация и процессы «раскрестьянивания» – «окрестьянивания» в XX веке // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 142–155. С. 152–153.

⁴¹ Романченко В.Я. Сталинизм и крестьянство в Великой Русской революции // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 190–191.

⁴² Иосиф Сталин как крестьянский царь: Второй Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 627, 625, 629.

⁴³ Коммунистическая Россия как мегаобщина: Первый Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 601–602.

⁴⁴ Коммунистическая Россия как мегаобщина: Первый Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 611.

⁴⁵ Кондрашин В.В. Феномен сталинизма в контексте мировой и отечественной исторической практики решения крестьянского вопроса // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 103.

⁴⁶ Крестьянский вопрос как альфа и омега отечественной модернизации: Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 279.

⁴⁷ Люшкин Д.И. Пряничный домик Дядюшки Джо: Интенции и апории аграрной политики «первого» сталинизма // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 129–130.

⁴⁸ Фурсов А.И. «Красная правда» против «Зеленой правды»: Русская трагедия XX века // Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 388–389, 390.

⁴⁹ Фурсов А.И. «Красная правда» против «Зеленой правды»: Русская трагедия XX века // Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 386, 393.

⁵⁰ Иосиф Сталин как крестьянский царь: Второй Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 629.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Марченя Павел Петрович – канд. ист. наук, доцент Московского университета МВД России
marchenyap@mail.ru

Разин Сергей Юрьевич – директор Центра организации воспитательной работы Академии труда и социальных отношений (Москва)
razin_serгей@mail.ru

В статье анализируются сборники научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации». Главное внимание уделено подходам участников научных мероприятий и авторов статей к рассмотрению роли крестьянства и крестьянского сознания в политической истории России первой трети XX в. Данный вопрос рассматривался в широком контексте мировой и отечественной истории и в тесной связи с процессами «раскрестьянивания» и «окрестьянивания» российского общества. Большинство историков, принимавших участие в очных и заочных дискуссиях проекта, солидарны в том, что крестьянское сознание предопределило итоги Русской революции начала XX в. и сыграло важнейшую роль в становлении и развитии советской модели государства и общества.

Русская революция, Советская власть, большевизм, крестьянство, крестьянский вопрос, крестьянское сознание, крестьянская община, сталинизм, историография, руссееведение

References (Articles from Scientific Journals)

1. Bordyugov G.A. Vne polya agrarnoy istorii, za predelami krestyanovedeniya. *Rossiyskaya istoriya*, 2015, no. 4, pp. 188–192.
2. Brodovskaya L.N. Krestyanovedenie v issledovatel'skom pole. *Rodina*, 2013, no. 4, pp. 35–37.
3. Brodovskaya L.N. Krestyanskiy vopros v otechestvennoy i mirovoy istorii. *Vlast*, 2013, no. 4, pp. 189–191.
4. Fursov A.I. Krestyanstvo: Problemy sotsialnoy filosofii i sotsialnoy teorii. *Obozrevatel–Observer*, 2012, no. 6, pp. 69–89.
5. Kolganov A.I. Stalinizm i krestyanstvo. *Voprosy istorii*, 2016, no. 3, pp. 169–175.
6. Leonteva T.G. Stalinizm i krestyanstvo. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, 2014, no. 4, pp. 165–171.
7. Lyubichankovskiy C. Rossiyskoe krestyanstvo i Pervaya mirovaya voyna: Vserossiyskaya diskussiya. *Quaestio Rossica*, 2016, no. 2, pp. 267–275.
8. Marchenya P.P. Krestyanskoe soznanie kak dominantanta Russkoy revolyutsii. *Nauchnyy dialog*, 2015, no. 12 (48), pp. 303–315.
9. Marchenya P., Razin S. Agrarnyy vopros i russkaya revolyutsiya: Pervoe zasedanie teoreticheskogo seminaru “Krestyanskiy vopros v otechestvennoy i mirovoy istorii”. *Rossiyskaya istoriya*, 2012, no. 5, pp. 217–219.
10. Shevelkov A.I. Krestyanskies shtudii nauchnogo proekta “Narod i vlast: Istoriya Rossii i ee falsifikatsii”. *Nauchnyy dialog*, 2013, no. 12, pp. 169–181.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

11. Babashkin V.V. Dva bolshevizma, ili mesto Oktyabrya v Russkoi revoliutsii. *Rossiya i revoliutsiya: Proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoi istorii* [Russia and Revolution: Past and Present of Systemic Crises of Russian History]. Moscow, 2012, pp. 43, 51.

12. Babashkin V.V. Krestyane, postkrestyane i vlast v XX veke: Prispособitelnye strategii s obeikh storon. *Krestyanstvo i vlast v istorii Rossii XX veka* [Peasantry and Power in the Russian History of 20th Century]. Moscow, 2011, pp. 71–72.

13. Babashkin V.V. Krestyane, postkrestyane i vlast v XX veke: Prispособitelnye strategii s obeikh storon. *Krestyanstvo i vlast v istorii Rossii XX veka* [Peasantry and Power in the Russian History of 20th Century]. Moscow, 2011, pp. 73, 76–77.

14. Babashkin V.V. K voprosu ob “agrarnom despotizme”. *Stalinizm i krestyanstvo* [Stalinism and the Peasantry]. Moscow, 2014, pp. 46–47.

15. Buldakov V.P. K voprosu o proiskhozhdenii mifov o krestyanstve. *Krestyanstvo i vlast v istorii Rossii XX veka* [Peasantry and Power in the Russian History of 20th Century]. Moscow, 2011, p. 134.

16. Buldakov V.P. K voprosu o proiskhozhdenii mifov o krestyanstve. *Krestyanstvo i vlast v istorii Rossii XX veka* [Peasantry and Power in the Russian History of 20th Century]. Moscow, 2011, p. 135.

17. Chertishchev A.V. Pervaya mirovaya voyna i krestyanstvo Rossii: Nekotorye aspekty transformatsii “cheloveka zemli” v “cheloveka s ruzhyom”. *Krestyanstvo i vlast v istorii Rossii XX veka* [Peasantry and Power in the Russian History of 20th Century]. Moscow, 2011, p. 411.

18. Fursov A.I. “Krasnaya pravda” protiv “Zelyonoi pravdy”: Russkaya tragediya XX veka. *Krestyanstvo i vlast v istorii Rossii XX veka* [Peasantry and Power in the Russian History of 20th Century]. Moscow, 2011, pp. 386, 393.

19. Fursov A.I. “Krasnaya pravda” protiv “Zelyonoi pravdy”: Russkaya tragediya XX veka. *Krestyanstvo i vlast v istorii Rossii XX veka* [Peasantry and Power in the Russian History of 20th Century]. Moscow, 2011, pp. 387–390.

20. Fursov A.I. “Krasnaya pravda” protiv “Zelyonoi pravdy”: Russkaya tragediya XX veka. *Krestyanstvo i vlast v istorii Rossii XX veka* [Peasantry and Power in the Russian History of 20th Century]. Moscow, 2011, pp. 388–389, 390.

21. Fursov A.I. Narod, vlast i smuta v Rossii: Razmyshleniya na polyakh odnoi diskussii. *Rossiya i revoliutsiya: Proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoi istorii* [Russia and Revolution: Past and Present of Systemic Crises of Russian History]. Moscow, 2012, p. 243.

22. Kondrashin V.V. Fenomen stalinizma v kontekste mirovoi i otechestvennoi istoricheskoi praktiki resheniya krestyanskogo voprosa. *Stalinizm i krestyanstvo* [Stalinism and the Peasantry]. Moscow, 2014, pp. 101, 103.

23. Kondrashin V.V. Fenomen stalinizma v kontekste mirovoi i otechestvennoi istoricheskoi praktiki resheniya krestyanskogo voprosa. *Stalinizm i krestyanstvo* [Stalinism and the Peasantry]. Moscow, 2014, p. 103.

24. Lyukshin D.I. Derevnaya Semnadsatogo goda: Sotvorenie periferii. *Rossiya i revoliutsiya: Proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoi istorii* [Russia and Revolution: Past and Present of Systemic Crises of Russian History]. Moscow, 2012, pp. 188–189.

25. Lyukshin D.I. Pryanichny domik Dyadyushki Dzho: Intentsyi i aporii agrarnoi politiki “pervogo” stalinizma. *Stalinizm i krestyanstvo* [Stalinism and

the Peasantry]. Moscow, 2014, pp. 129–130.

26. Marchenya P.P. Bessmyslennost i smysl Russkoi revoliutsii: Fevral i Oktyabr v istorii Rossii. *Rossiya i revoliutsiya: Proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoi istorii* [Russia and Revolution: Past and Present of Systemic Crises of Russian History]. Moscow, 2012, pp. 194–219.

27. Marchenya P.P., Razin S.Yu. Vmesto vvedeniya: Ot organizatorov Mezhdunarodnogo kruglogo stola “Krestyanstvo i vlast v istorii Rossii XX veka”. *Krestyanstvo i vlast v istorii Rossii XX veka* [Peasantry and Power in the Russian History of 20th Century]. Moscow, 2011, pp. 16–21.

28. Mikhaylyuk A.V. Modernizatsiya i protsessy “raskrestyanivaniya” – “okrestyanivaniya” v XX veke. *Stalinizm i krestyanstvo* [Stalinism and the Peasantry]. Moscow, 2014, p. 149.

29. Mikhaylyuk A.V. Modernizatsiya i protsessy “raskrestyanivaniya” – “okrestyanivaniya” v XX veke. *Stalinizm i krestyanstvo* [Stalinism and the Peasantry]. Moscow, 2014, pp. 152–153.

30. Romanchenko V.Ya. Stalinizm i krestyanstvo v Velikoi Russkoi revoliutsii. *Stalinizm i krestyanstvo* [Stalinism and the Peasantry]. Moscow, 2014, pp. 190–191.

31. Zherdeva Yu.A. Revoliutsiya 1917 goda kak “gorodskaya revoliutsiya”: “Karnavalnaya kultura” i urbanisticheskyy mir. *Narod i vlast v rossiyskoy smute* [People and Power in Russian Turmoil]. Moscow, 2010, pp. 109–110, 111, 112, 113.

Authors, Abstract, Key words

Pavel P. Marchenya – Candidate of History, Associate Professor, Moscow University of the Ministry of the Interior of Russian Federation (Moscow, Russia)
marchenyap@mail.ru

Sergey Yu. Razin – Director, Center of Organization of Educative Work, Academy of Labor and Social Relations (Moscow, Russia)
razin_sergei@mail.ru

The article reviews the proceedings of scientific events held within the framework of the research project ‘People and Power: The History of Russia and its Falsifications’. The emphasis is laid on how the participants and authors of research papers interpret and assess the role of the Russian peasantry and its mentality in Russia’s political history in the first third of the 20th century. This issue is viewed in the broad context of global and national history and in close connection with the processes of ‘de-peasantization’ in the rural areas and ‘peasantization’ of Russian society as a whole. The majority of the historians who participated in face-to-face and long-distance discussions in this project fully agree that it is the peasants’ mentality that has turned out as a powerful factor which determined the course and outcome of the Russian Revolution in the 20th century and played a crucial role in the formation and development of the Soviet model of state and society.

Russian Revolution, Soviet power, Bolshevism, peasantry, peasant issue, peasant mentality, peasant commune, Stalinism, historiography, Russian studies

**РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ПРИРОДНОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ИМ. Д.С. ЛИХАЧЕВА**

**Форум-фестиваль добровольческих инициатив
прошел в Архангельской области**

Институт природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачева провел 27–28 августа 2016 г. форум-фестиваль, посвященный развитию добровольческих инициатив в сфере охраны национального культурного наследия. Форум-фестиваль прошел в деревне Казаково (Большая Шалга) рядом с церковью Рождества Христова (1745 г.), памятником деревянного зодчества федерального значения. В нем приняли участие волонтеры, безвозмездно занимающиеся охраной и реставрацией объектов культурного наследия, главным образом памятников деревянного зодчества.

Фестиваль открылся серией мастер-классов по работе традиционным плотницким инструментом. В необычных мастер-классах поучаствовали слушатели Школы плотницкого мастерства, созданной на базе общественной организации «Общее дело. Возрождение деревянных храмов Севера». Будущие плотники получили возможность поработать скобелем, освоили разметку бревна с помощью шнура и угля, узнали особенности работы плотницким топором 17 века, а также учились причерчивать бревна.

В рамках мастер-классов также была изготовлена лестница для церкви Рождества Христова и система подпорок под потолок алтарной части храма, которая поможет предотвратить его возможное обрушение. Участники мастер-классов под руководством опытного плотника-реставратора, установили подпорки и лестницу. С 5 сентября на церкви Рождества Христова начинаются инициативные работы Института Наследия противоаварийные работы. Установленные в рамках проведения мастер-классов лестница и подпорки помогут реставраторам при проведении работ.

«Проведение мастер-классов для волонтеров в полевых условиях, рядом с памятниками деревянного зодчества, эта правильная инициатива, которую необходимо развивать. Мы ведь тут все москвичи и большинство из нас влюбились в деревянное зодчество сперва по книгам и по фотографиям. А тут, с одной стороны, мы видим сам храм, видим как он был срублен, можем соотнести наши теоретические знания о деревянном зодчестве с реальным объектом,

видим его состояние в настоящий момент. А с другой стороны, поработав в поле реальным инструментом, попытавшись сделать что-то полезное для объекта, понимаем, что это такое реально помогать. Сколько навыков еще необходимо приобрести, сколько времени и сил потратить», – прокомментировал Михаил Гуров, начальник Отдела материального наследия Института Наследия, который также приехал на фестиваль из Москвы.

«Издательством Ипполитова» выпущена книга научного сотрудника отдела нумизматики Тамбовской общественной организации ТОЛК Добромыслова Леонида Борисовича «Серебряный чекан золотоордынского Азака при хане Токтамыше. Каталог и исследование» (М., 2016).

Книга посвящена научному исследованию монетной чеканки золотоордынского города Азак (ныне Азов). Издание снабжено полным каталогом монет, выпущенных городом Азаком за время правления хана Токтамыша (конец XIV века).

Официальная презентация книги состоялась в Государственном Эрмитаже в конце сентября 2016 года.

Дополнительную информацию о книге можно получить, направив вопрос на электронный адрес редакции.

Научное издание

Новый исторический вестник

Младший редактор Я.В. Юркина
Компьютерная верстка А.В. Надточенко

Лицензия ИД № 00843 от 25.01.2000
Свидетельство о регистрации СМИ № 77-7347
от 19 февраля 2001 г.
Подписано в печать 15.09.16
Формат 60х90/16
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11
Тираж 1 500 экз.

Издательство Ипполитова
117513, Москва, Ленинский пр-т, д. 135, корп. 2
Телефон (495) 970-72-63
E-mail nivestnik@yandex.ru
Сайт www.nivestnik.ru